

Николай Добролюбов

**«Собеседник любителей
российского слова»**

Николай Александрович Добролюбов

«Собеседник любителей русского слова»

Статья написана на материале несохранившейся студенческой работы Добролюбова, выполненной на третьем курсе Главного педагогического института. Послужила поводом для знакомства с Н.Г. Чернышевским и положила начало постоянному сотрудничеству Добролюбова в «Современнике». С этой статьей Добролюбов вошел в русскую литературу и заявил себя в ней как крупная самостоятельная величина. Большой общественный резонанс статьи, посвященной такой «академической» теме, как журнал XVIII в., объясняется тем, что Добролюбов сумел придать ей серьезный современный интерес, не выходя при этом за рамки материала. Рассматривая содержание журнала, критик большое внимание, уделяет произведениям Екатерины II. Он показывает, что сотрудничество императрицы в «Собеседнике» было подчинено задаче формирования общественного сознания в нужном для нее направлении.

Содержание

#1	0005
Библиографические заметки	0179
Примечания	0231

**Николай Александрович
Добролюбов
«Собеседник любителей
русского слова»**

Издание княгини Дашковой и Екатерины II, 1783–1784

После отвлеченных философских рассуждений, которыми отличалась наша критика в сороковых годах{1}, наступило время обращения к фактам истории литературы. Любопытно наблюдать этот крутой поворот направления – один из тех, которых так много представляет история нашей словесности. За пятнадцать – двадцать лет пред этим ко всему хотели прилагать эстетические и философские начала, во всем искали внутреннего смысла, всякий предмет оценивали по тому значению, какое имеет он в общей системе знаний или между явлениями действительной жизни. Тогда господствовали высшие взгляды, тогда старались уловить дух, характер, направление, оставляя в стороне мелкие подробности, не выставляя напоказ всех данных, а выбирая из них только наиболее характерные. Тогда критика обыкновенно рисовала нам прежде всего фасад здания, потом представляла нам его план, говорила о материалах, из которых оно построено, рассказывала о внутреннем убранстве и затем анализировала впечатление, которое производит это здание.

Ныне это делается не так[1]. Прежде всего нам показывают отдельно каждый кирпич, каждое бревно, каждый гвоздик, употребленный при постройке дома, рассказывая подробно, где каждый из них куплен, откуда привезен, где лежал до того времени, как занял свое настоящее место. Затем занимаются исследованием, насколько, кем и как обрублен и обсечен сырой материал, приготовленный для стройки. Наконец представляют смету, сколько эти материалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоят. Теперь дорожат каждым малейшим фактом биографии и даже библиографии. Где первоначально были помещены такие-то стихи, какие в них были опечатки, как они изменены при последних изданиях, кому принадлежит подпись А или В в таком-то журнале или альманахе, в каком доме бывал известный писатель, с кем он встречался, какой табак курил, какие носил сапоги, какие книги переводил по заказу книгопродавцев, на котором году написал первое стихотворение – вот важнейшие задачи современной критики, вот любимые предметы ее исследований, споров, сооб-

ражений. Верх ее искусства, апогей ее благотворности – если она захочет и сумеет показать значение произведений того или другого писателя для его времени и потерю этого значения в наше время. Но часто и этого не видим мы в современной критике. Она занимается фактами, она собирает факты, – а что ей за дело до выводов! Выводы делайте сами: при помощи современной критики это очень легко. Она вам указывает, где помещено то-то и то-то: возьмите и прочитайте! Если хотите сличений, и здесь вам критика поможет. Она представляет вам весьма подробно все перемены, какие сделаны в этом произведении при различных его редакциях. Мало того: она расскажет вам, где и в каких обстоятельствах писано такое-то произведение, она откроет вам где-нибудь надпись: село такое-то, месяц такой-то, или обстоятельно, посредством множества хитрых соображений, докажет, что это стихотворение, вероятно, писано было уже после того времени, как автор переехал с Мойки в Галерную улицу, но еще прежде, нежели он купил собственный дом. Результаты поистине блистательные! Можно надеять-

ся, что далеко уйдет с ними молодое поколение. Много эта критика сообщит ему живых воззрений, много породит отрадных, прекрасных явлений в области умственной жизни, много подействует на развитие общества! Имея своими высшими, совершеннейшими идеалами – Сопикова и Анастасевича, бойко и твердо пойдут наши гениальные, но тем не менее трудолюбивые ученые по дорожке, проторенной этими бессмертными основателями русской библиографии... Наполняя литературу указателями, помещая в журналах указатели, основывая свою ученую славу на составлении указателей, они смело будут говорить всей России: вот где истинное ученое достоинство, – вот где основательные, дельные труды, заслуживающие бессмертия в потомстве! Это не то, что какие-нибудь философские умствования, эстетические соображения, исторические, литературные и всевозможные общие взгляды, которые может бросать всякий мальчик со школьной скамьи, для которых следует только подумать несколько часов, а не нужно проводить месяцы и годы в переборке, сличении, переписывании.

вании и выписках из десятков и сотен книг.

Так думают и говорят представители фактического, или, лучше, библиографического, направления критики. Так еще долго будут говорить они, и, нельзя не сознаться, в словах их есть частица правды. В самом деле, их занятия трудны и почтенны, и если достоинство каждого дела мерять его трудностью, то едва ли в области умственной найдется труд более достойный. Это несчастные носильщики, перетаскивающие камни к месту стройки; это жалкие рудокопы, копающие землю, чтобы отыскать в ее горах зернышко золота. Они полезны, они необходимы, они даже достойны уважения; но позвольте мне все-таки более уважать архитектора, распоряжающегося стройкой, геолога, указывающего руду. Их дело, может быть, требует менее постоянного, тяжелого, изнурительного труда; но я знаю, что они-то именно и придают значение трудам каменщиков и рудокопов, что от них-то мир может ожидать открытий и планов, на исполнение которых всегда найдется довольно людей. Уважаю я труд библиографа, знаю, что и для него нужно некоторое приго-

товление, предварительные знания, как для почтальона нужно знание городских улиц; но позвольте же мне более уважать критика, который дает нам верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения, который произносит новое слово в науке или искусстве, который распространяет в обществе светлый взгляд, истинные, благородные убеждения. От этого критика я не узнаю, может быть, даже названий всех произведений писателя и тем менее то, где они были помещены и где писаны, но зато мне будет открыт характер писателя, я буду ясно и верно понимать лучшие его произведения, горячо сочувствовать всему прекрасному, что в них заключается... И долго будет в обществе отзываться звучный, ясный голос этого критика, долго будет чувствовать народ благотворное влияние его убеждений, его горячей, смелой, душевной проповеди. Конечно, это направление тоже может быть доведено до крайностей: можно набросать громких фраз, не имея никакого собственного убеждения. Но даже и это не совершенно бесполезно: по крайней мере подобная статья заставит читателя поду-

мать... Библиографические же труды могут только составить чисто пассивное упражнение памяти. Их, конечно, можно ставить себе в заслугу и успокоиваться на них, точно так, как некоторые ученые, покоящиеся на лаврах, ставят себе в заслугу то, что читают корректуры нового издания своих сочинений. Но нельзя не заметить, что для подобного дела существуют корректоры, работающие без всяких претензий на гениальность.

Странным может показаться такое вступление в сочинение, само имеющее предметом один из частных фактов нашей литературы. Но оно было необходимо для того, чтобы показать, в чем я полагаю задачу своего труда, как я смотрю на дело, за которое взялся, и чего читатель может ожидать от этого обозрения. Высказав теперь свои общие положения о трудах подобного рода, я уже смелее могу говорить о своем собственном труде, смелее могу предупредить, что это не будет библиографический указатель и тем менее сводный список разных статей, помещенных в «Собеседнике» и потом перепечатанных в разных изданиях. Пусть библиографы с презрением

отвернутся от моего труда; пусть люди, ищущие все только фактов, голых, сырых фактов, – пусть они обвиняют меня в недостатке научного, мозольного исследования, в страсти к общим взглядам, – пусть мой труд покажется им неосновательным, пустым, легким. Я не боюсь этого обвинения и надеюсь найти защиту перед читателями именно в легкости моего обзора. Я всеми силами старался скрыть черную работу, которая положена в основание здания, снять все леса, по которым лазил я во время стройки, потому что почитаю их совершенно излишними украшениями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счета, не множители и делители. Может быть, от этого труд мой потеряет *научное* достоинство, но зато его можно будет читать, а я хочу лучше служить для чтения, нежели для справок. Впрочем, чтобы неверующие не вздумали усомниться во всех моих выводах, я решаюсь дать им *примечания*. Эти примечания довольно обширны, и потому я отношу их к концу сочинения, под особым названием: *Библиографические заметки*. Здесь будет списано от-

части и оглавление «Собеседника», и представлен счет страниц его, и показаны опечатки, и высказаны «требовавшие обширной эрудиции» соображения о том, кого скрывала такая-то подпись из начальных букв и кому могло бы принадлежать такое-то четверостишие без подписи, – словом, все то, что так постоянно оставалось неразрезанным в наших журналах последних годов. В самом же сочинении читатель найдет только готовые выводы и самые необходимые соображения касательно важнейших вещей. Это дает мне более свободы в моем изложении, позволит подробнее и вернее проследить дух и направление журнала, оставит более простора соображениям критическим и собственно литературным.

Предмет моего исследования даст много поводов для подобных соображений. Это не какая-нибудь «Поденьщина», «Мешенина» или «Пустомеля»{2}, которые действительно могут довольствоваться и просто библиографическим описанием. «Собеседник любителей русского слова» должен занять видное место в истории русской литературы и в

особенности журналистики. Он может дать много важных фактов для изучающего состояние русского общества и литературы в конце прошлого столетия. Можно сказать, что в продолжение двух лет своего издания он совмещал в себе почти всю литературную деятельность русских писателей того времени. Жизнь общества тогдашнего отражалась в нем более, нежели в каком-либо из других изданий, и причину этого, конечно, должны мы искать в самых условиях существования «Собеседника». У нас вообще журнальная литература всегда пользовалась наибольшим успехом и получила наибольшее развитие – потому ли, что русские авторы никогда не хотели или не умели сами хлопотать о продаже и об издании своих сочинений, или потому, что чтение мелких, легких статей приходилось более по вкусу образуемого общества, нежели чтение сочинений обширных и серьезных. Да, впрочем, подобных сочинений у нас никогда и не являлось слишком много. Как бы то ни было, журналы различных форматов, с различным направлением и содержанием, различными сроками выхода разве-

лись у нас во множестве уже в 70-х годах прошлого столетия. Естественно, что они должны были следить за современностью, угадывать потребности общества, если хотели иметь успех. И действительно, пересматривая ряд этих изданий, мы находим общее старание следить за общественной жизнью и овладевать вниманием публики, представляя посильное изображение того, что особенно ее занимало или могло занимать в данное время. Отсюда объясняется раннее появление у нас нравоописательных изданий. При этом нельзя забыть и того особенного направления, которое всегда проглядывало в этих изображениях нравов, – направления сатирического. Молодое, развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видело, что ему еще многое нужно у себя исправить и переделать. Но не в его воле было вдруг отрешиться от всех своих недостатков, имевших большею частью историческое происхождение, проникнувших весь характер народа и нередко связанных с самым общественным его устройством. Для этого нужно было время, приготовление;

нужно было, чтобы появилось сначала сознание недостатков, чувство необходимости их исправления; сначала должно было теоретически овладеть умами, чтобы потом практически выразиться в жизни. Сатира явилась в этом случае могучим деятелем, как и всегда является она в обществе. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, так часто останавливаемое враждебными обстоятельствами в естественном ходе своего развития, так стесняемое в самых чистых и высоких своих стремлениях, связанное во всем по рукам и ногам вследствие совершенно неравномерного распределения в нем умственных и вещественных преимуществ, — это общество, не имея возможности действовать, искало отрады по крайней мере в слове — умном, смелом, благородном, выводившем на посмеяние все низкое и пошлое и выражавшем живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей. Никогда не замирало у нас это направление, и во всем, что есть лучшего в нашей словесности, от первых народных песен до произведений Гоголя и стихотворений Некрасова, видим мы эту иронию, то наив-

но-открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себе представителей и в 70-х годах прошлого века. Число журналов, начавшихся «Всякою всячиною» (1769) и отличавшихся преимущественно сатирическим направлением, довольно велико. В этом же году появились: «И то и се», «Ни то ни се», «Поденьщина», «Полезное с приятным», «Смесь»{3} и «Трутень». – В следующем году издавался «Парнасский щепетильник» Новикова, в 1771 году – «Трудолюбивый муравей» Рубана, в 1772 году – «Вечера» и «Живописец» Новикова{4}, имевший такой блестящий успех, что «Живописец» снова перепечатан был в следующем же году. С этого времени Новиков решительно овладел поприщем журналистики. В 1774 году издавал он «Кошелек»; в 1777–1780 годы – «Утренний свет»; в 1781 году – «Московское ежемесячное издание»; в 1782 году – «Вечернюю зарю», как продолжение «Утреннего света», и в 1784 году заключил все это «Покоящимся трудолюбцем». Не все новиковские издания отличаются одинаковым направлением, а потому не все имели одинаковый успех{5}. В «Утреннем свете»

является уже характер более философский, нежели сатирический, и только стихотворения да анекдоты все еще напоминают веселую сатиру. В «Вечерней заре» уже преобладают рассуждения – о посте, о бессмертии души, о суете сует, об истинном блаженстве, о совести, об откровении, о египетской морали и догматике и т. п. Самые стихотворения представляют большую часть переложение молитв, псалмов и душеспасительные размышления. То же самое находим в «Покаящемся трудолюбце», где в каждой книжке являются благочестивые размышления и духовные оды на любовь, на злобу, на смерть, на рождение вообще или чье-нибудь рождение в частности. Такое направление было очень почтенно и могло быть даже полезно в то время; но для этого нужно было немножко получше взяться за дело. Ввиду смелых и остроумных нападений величайших умов того времени нельзя уже было довольствоваться прежнею рутинною, обращениями к чувству, восклицательными знаками, изношенными сравнениями; нельзя уже было прятаться за авторитет египетских, китайских и других мудрецов. А

Этим-то именно и отличаются рассуждения новиковских журналов. Они чрезвычайно напоминают сочинения на заданные темы, какими упражняют обыкновенно воспитанников духовных семинарий. Это, впрочем, иначе и не могло быть, по самому составу сотрудников журнала, которые все почти были студенты Московского университета, как объявлял об этом Новиков на первых же листах каждого журнала. Большая часть имен остались совершенно неизвестными в литературе; в «Вечерней заре» можно только отметить Лабзина и Пельского, в «Покоящемся трудолюбце» – Подшивалова, Антонского и Сохацкого. Не удивительно, что эти классные упражнения мало встречали сочувствия в публике, которая, не обращая внимания на дидактические журналы Новикова, в это самое время жадно перечитывала во втором и третьего изданиях его «Живописца»{6} и «Вечера».

Гораздо большим вниманием пользовался журнал, издававшийся с 1778 году Григорием Брайко (1)[2] (по свидетельству митрополита Евгения), – «СПб. вестник». Этот журнал, ме-

нее обнаруживавший склонности к отвле-
ченным, бесплодным умствованиям, больше
вникавший в жизнь и лучше ее понимав-
ший, нежели остальная журнальная братия,
скоро овладел общим вниманием и продол-
жался непрерывно в течение почти четырех
лет – явление очень редкое в то время (2). В
нем явилось несколько поэтических опытов
Державина (см. об этом статью г. Грота в «Со-
временнике», 1845, № 4). В нем участвовал
Княжнин. Здесь же помещена была знамени-
тая в свое время сатира Капниста (3). Вообще
стихотворный отдел отличается скорее сати-
рическим, нежели дидактическим направле-
нием. В прозаических статьях тоже рассмат-
риваются предметы, более близкие к жизни,
нежели отвлеченные. Есть несколько статей
исторического и даже юридического содержа-
ния (4). Статья «О начале российского театра»
может быть бесполезна и ныне. Кроме того,
живейший интерес придаваем был журналу
тем, что он постоянно следил за новостями
политики и литературы. В его программе за-
ключался отдел библиографии – довольно
полной и дельной для своего времени – и,

сверх того, отдел, в котором помещались распоряжения русского правительства и известия о важнейших политических событиях других стран. Все это придавало журналу небывалые до того живость и разнообразие и, конечно, много содействовало его успеху в публике. Причины его прекращения неизвестны. Но после «Ежемесячных сочинений» {7} это было самое продолжительное издание в прошлом веке, и, уж конечно, прекратилось оно не по тем причинам, которые, например, заставили Туманского напечатать в 1786 году на последней странице своего «Зеркала света» {8} следующие строки: «Сия часть оканчивает издание «Зеркала света» понеделньо. Разные неудобства продолжение оногo прерывают, а малое число подписателей, сей год бывших, а и того меньше на будущий явившихся, подтвердили давно известную о писателях, общую пользу предметом имеющих, истину». Журнал Туманского и «С.-Петербургский вестник» разнились так, как, например, «Сын отечества» и «Телеграф», и если первый прекратился *своею смертию*, то уничтожение последнего, всего вероятнее, нужно искать в

обстоятельствах, теперь нам неизвестных{9}.

«Собеседник любителей русского слова» был прямым преемником и продолжателем «С.-Петербургского вестника», хотя без всякого предварительного соглашения, даже, вероятно, без всякого намерения, а совершенно случайно. Это продолжение видим мы не во внутренней жизни, не в существенных убеждениях и взглядах журнала: в этом сходство между «Собеседником» и «Вестником» разве немногим чем больше, как и между всеми другими журналами, которые все отличались более или менее полным отсутствием убеждения и более или менее яркую пестроту противоречивых понятий и взглядов. Нет, сходство это более внешнее, но тем не менее нельзя не заметить его. В «Собеседнике» участвовали почти все те же писатели, которые участвовали в «Вестнике»; из «Вестника» перепечатывал «Собеседник», особенно в первых частях своих, значительное количество статей, иногда сказывая об этом, а иногда и умалчивая (5). «Собеседник», как и «Вестник», защищал русский язык от вторжения ненужных иностранных слов, отличался

любовию к историческим изысканиям, пытался рисовать современные нравы, представлять в легкой форме дельные научные истины; наконец, в нем, как и в «Вестнике», находим мы совершенное отсутствие стихотворных шарад и загадок, которыми наполнялись тогда все журналы, особенно новиковские. Только отделы критики и новостей были уничтожены здесь, потому вероятно, что «Собеседник» не назначал себе срочного времени для выхода, а выпускал свои книжки по мере накопления статей.

Из этого коротенького обзора журналов, предшествовавших «Собеседнику», и из нескольких слов об отношении его к «С.-Петербургскому вестнику» видно уже, что в этом журнале смело можно искать отражения современной жизни общества. Успех этого искания представится нам еще более несомненным, когда мы вспомним о том, кто были его издатели. Это были княгиня Дашкова и сама императрица Екатерина II. Здесь не могли, следовательно, иметь места никакие опасения, никакая малодушная робость пред сильными мира сего. Литературное слово об-

личения и наставления нисходило с высоты престола, оно было *со властью*, было сильно, свободно и открыто, не щадило порока и низости на самых высших ступенях общественных, не было стесняемо никакими посторонними обстоятельствами, которые в других случаях так часто накладывают *печатъ молчания на уста* писателя. С другой стороны, это не было издание официальное, которое бы по необходимости должно было ограничиться узкой программой отчетов, мертвых цифр и других, хотя красноречивых, но тем не менее нисколько не характеристических данных. Это было издание собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полным простором в выборе предметов и в способе их изображения. К этому нужно присоединить и то, что вся литературная деятельность Екатерины II имеет вид высокой правды и бескорыстия, которое не могло не действовать и на других писателей, действовавших в то время. Правда, по духу того времени императрица не могла не терпеть разных, слишком восторженных, гиперболических дифирамбов; поэт прекрасно сказал от ее имени:

*Не запрещаю я стихотворцам
Писать и чепуху и лесть{10}.*

И в то время, может быть, даже более, чем во всякое другое, встречаем мы торжественных, льстивых од. Но это была дань своему веку, и, обеспечив себя подобным творением, каждый из писателей тем безбоязненнее и прямее мог изображать современное общество и подсмеиваться над его недостатками. Таков именно и есть характер «Собеседника», как покажет подробный разбор его.

Мы не будем здесь много распространяться об основании «Собеседника» Екатериною II: оно довольно общеизвестно, и известие о нем помещается даже в курсах литературы обыкновенно пред разбором «Фелицы» Державина (6). Трогательная история появления этой оды-сатиры, в самом деле, тесно связана с началом «Собеседника»: ода красуется на первых его страницах. В сущности, впрочем, это обстоятельство довольно маловажно для нашего дела, и потому, не останавливаясь на нем, ограничимся только необходимыми историческими данными.

«Собеседник любителей русского сло-

ва, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей» начался в 1783 году «по желанию Академии наук директора, ее сиятельства Е. Р. Дашковой», как сказано в предуведомлении к нему. Об участии императрицы Екатерины II ничего тогда не было сказано, и оно некоторое время оставалось тайною для многих, что доказывается смелыми вопросами Фонвизина, помещенными в третьей книжке{11}, и не совсем благосклонными критиками «Любословов»{12}, помещавшимися в самом же «Собеседнике» (7). Начался этот журнал с началом 1783 года: первая книжка его вышла мая 20-го, как видно из объявления «С.-Петербургских ведомостей» 1783 года, № 40. В этот первый год вышло девять книжек журнала; остальные семь вышли в следующем году. С шестнадцатою книжкою издание, по неизвестным нам причинам, прекратилось в сентябре 1784 года (8).

Издание это многие до сих пор относили к основанию Российской академии{13} (Греч, Полевой и др.) (9). Но оно началось гораздо раньше, потому что указ об учреждении Российской академии состоялся только 30 октяб-

ря 1783 года, а до этого времени издано уже было пять книжек «Собеседника»[3]. Вместе с этой ошибкой курсы нашей литературы повторяют другую, именно, будто бы в «Собеседнике» напечатана была речь, говоренная при учреждении Академии княгиней Дашковой: в «Собеседнике» этой речи нет (10){14}. Впрочем, не совпадая хронологически, «Собеседник» и учреждение Российской академии совпадают по мысли, произведшей их. В объявлении о «Собеседнике», которое вошло и в предуведомление к нему, сказано, что княгиня Дашкова «почитает нужным не только пещись, по долгу звания своего (как директор Академии наук), о приведении наук в России в цветущее состояние, но и стараться о доставлении публике хороших российских сочинений, чтобы тем подавать по мере сил своих способы сочинителям трудиться в стихотворстве и в прочих, до словесных наук и нравочения касающихся, сочинениях. Польза, от сего происходящая, ощутительна, как в рассуждении российского слова, так и вообще в рассуждении просвещения». В конце первой книжки напечатано уведомление издате-

лей, чтобы все, кому угодно, присылали в редакцию критики на статьи «Собеседника»: «ибо желание княгини Дашковой есть, чтобы российское слово вычищалось, процветало и сколько возможно служило к удовольствию и пользе всей публики, а критика, без сомнения, есть одно из наилучших средств к достижению сей цели»[4]. В речи при учреждении Российской академии княгиня Дашкова также говорит: «Учреждением Российской академии предоставлено усовершенствовать и возвеличить слово наше препрославленному веку Екатерины Вторыя... Многоразличные древности нашего отечества, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцев наших представляют нам обширное поле... Звучные дела государей наших, знаменитые деяния предков наших, а наипаче славный век Екатерины II явит нам предметы к произведениям, достойным громкого нашего века. Сие, равномерно как и сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением». Из этих слов видно уже просвещенное стремление княгини Дашковой способствовать успехам родного слова; видно, что

новый директор Академии наук с жаром и умением взялся за исполнение своих важных обязанностей. Назначенная директором Академии по непосредственному выбору императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова долго отговаривалась, утверждая, что она неспособна к такой важной должности. Но императрица сказала, что люди, прежде того занимавшие эту должность, по способностям и качествам своим были ниже княгини, и настояла на своем выборе. Из собственных записок княгини (11) видно, с каким бескорыстием и чистым усердием принялась она за вверенное ей дело, с какой ревностной, напряженной деятельностью заботилась о процветании и возвышении русского просвещения и русского слова. С первого дня своего вступления в должность она хлопочет о приведении в порядок библиотеки, типографии академической, о выборе новых членов, о возобновлении журнала Академии, об увеличении экономических сумм, на которые умножает число учеников в академическом училище, прибавляет жалованья профессорам, вводит новые курсы, издает карты губерний Россий-

ской империи (12). Но и этих трудов было для нее не довольно: она хотела еще непосредственнее действовать на распространение полезных знаний и добрых мыслей в обществе и для этой цели, через три месяца после своего назначения в должность директора Академии, задумала литературный журнал. Апреля 14-го 1783 года явилось в «С.-Петербургских ведомостях» первое объявление об издании «Собеседника». Мы не имеем никаких точных сведений о том, на какие суммы предпринято было это издание и кто первый возымел мысль о нем – Екатерина ли или сама княгиня Дашкова. В «Записках» ее сказано, что этот журнал «издавала Академия» [5], и на заглавном листе каждой книжки стоит: «Иждивением императорской Академии наук». Потому можно предполагать, что на это употреблены были именно те экономические суммы, которые умел сберечь новый директор Академии. Через полгода после начала этого издания княгиня Дашкова успела уже привести к совершению учреждение Российской академии как ученого общества, долженствующего «хранить и утверждать язык»; таким образом, что

она имела в виду совершить частным образом, посредством своих сочинений и кружка литераторов, помещавших свои труды в ее журнале, теперь высказалось официально и возложено было на целое сословие ученых, которые должны были усовершенствование отечественного слова поставить задачей своей деятельности. Вот в каком отношении могут быть сближены «Собеседник» и Российская академия: они имели одну и ту же цель, явились вследствие одного и того же просвещенного стремления – распространять просвещение в обществе и возвысить значение отечественной литературы. Мы обращаем особенное внимание на это обстоятельство, потому что оно определяет до некоторой степени самый характер и направление журнала. Двойная цель издания вполне объясняет нам, почему в «Собеседнике» рядом со статьями о нравах встречаются определения синонимов, вместе с лучшими поэтическими произведениями того времени – филологические исследования о свойствах славянского языка или критики, в которых «ни единое е, ни единое и, нечаянно, не у места поставленные в

«Собеседнике», не пропущены»[6].

И «Собеседник», сколько мы можем теперь судить, делал свое дело. При этом можно даже взять во внимание многочисленные письма, помещавшиеся в «Собеседнике» же и, прямо или косвенно, положительно или отрицательно, расхваливавшие этот журнал. Многие из них, очевидно, сочинялись в редакции, особенно те, в которых журнал хвалили под видом брани, вызванной будто бы негодованием лиц, в нем осмеянных. Но многие из этих писем, особенно при посылке разных собственных сочинений (13), без сомнения, действительно были получаемы в редакции, – и все они наполнены комплиментами; в большей части говорится о том, с какою жадностью все читают «Собеседник». Теперь нет возможности узнать, чьему перу принадлежат все эти письма, иногда очень оригинальные. В шестнадцати книжках «Собеседника» их напечатано с лишком 50. Они обозначены множеством различных местностей: есть письма из Архангельска, из Карасубазара, из Клина, из Симбирска, из Шлиссельбурга и пр. (14); но всего более писем из Москвы

(15) и Звенигорода (16), и в этих-то последних можно подозревать самих издателей, равно как и в тех, под которыми подписано, что они присланы «из-за тридевяти земель, из тридцатого царства». В библиографических заметках приведено несколько выписок из них; здесь же мы ограничимся только указанием на то, как умели хвалить «Собеседник» под видом брани. Вот несколько строк из письма к сочинителю «Записок о российской истории» [7], «Вы, мне кажется, не весьма удачным образом в свое сочинение вступили. Какое ваше, например, о происхождении россиян сухое и маловажное объяснение! Не могли вы разве славному народу, каков есть наш, чудеснее сего дать колыбели? Не так, сударь, право, не так пишут историю. Но вы, может быть, не довольны в древностях упражнялись, чтобы о том надлежащее иметь сведение; вам все кажется: чему трудно поверить, того в истории и писать не должно. Да нам-то что ж за забава читать лишь бытия простые и возможные?.. Вы больше всего, мне кажется, остерегаетесь витийства слога. Итак, я вам место в моей библиотеке подле Тацита определяю;

надеюсь, что и вас так же скоро крысы почнут: им уже давно они у меня питаются. Ваши скифы и славяне мне, право, не нужны; что мне до того, что они живали; мне бы лучше про Гостомысла или про дочь его Умилу что-нибудь послушать хотелось». Подобное же письмо напечатано в 6-й книжке – о «Былях и небылицах». Последнее заставило самого автора «Былей» спросить в следующей книжке: «Ай, сударь, заподлинно ли это критика или хитро сложенный пук хвалы?»[8]. По этому можно судить, каковы были те статьи, которые *прямо* расхваливали «Собеседник» (17). В последней книжке его помещена статья с следующим заглавием: «Исторические, философические, политические и критические рассуждения о причинах возвышения и упадка книги, во всех концах Российской империи славившейся и по столичным, губернским, областным и уездным городам той империи до сего дня читаемой, но не столько, как прежде, покупаемой, а именно «Собеседника любителей российского слова»[9]. Статья эта прерывается на третьей главе и обещает «продолжение впредь, ежели читателям угод-

но». Но, вероятно, читателям не угодно стало раскупать эту книгу, и следующей части «Собеседника» уже не вышло. Видно, что, несмотря на общий восторг, журнал расхотелся не слишком бойко. Первые 12 №№ объявлены были по рублю, 13-й и 14-й – по 80 копеек, 15-й и 16-й – уже по 50, и при объявлении о 15-м № прибавлено, что по 50 же копеек можно теперь покупать и все прежде вышедшие 14 частей (18). Ясно, что книга плохо шла с рук. Как же согласить это с известиями о том, что все и везде читают «Собеседник»? Некоторое объяснение на это может дать следующая выписка из одного письма к издателям (на стр. 158 III части «Собеседника»): «Девять человек купцов и четыре священника сию книгу у моего дворецкого брали читать». Видно, что и тогда, как ныне, распространен был обычай «взять книжку почитать»; покупать же находилось мало охотников, вероятно под тем предлогом, какой ныне представляют обыкновенно подобные даровые читатели: «Зачем, дескать, на пустяки деньги тратить? Прочтешь книгу – ведь она так лежать будет...» Распространение подобного образа

мыслей, конечно, не могло благоприятствовать успехам книжной торговли. Впрочем, конечно, не недостаток покупателей заставил Академию прекратить издание «Собеседника», а какие-нибудь обстоятельства другого рода{15}. Об этом свидетельствует Академия в предисловии к своему изданию: «Новые ежемесячные сочинения», которое началось с половины 1786 года. Там сказано: «Академия наук чрез многие годы издавала в свет на русском языке разные периодические сочинения, коими наибольшая часть читателей были довольны; и не бесполезность тех сочинений, ниже неудовольствие публики, но разные перемены, которым подвержена была Академия, были причиною, что оные сочинения неоднократно останавливались, вовсе прерывались и паки снова начинаемы были, когда обстоятельства Академии то позволяли»[10]. В числе этих изданий нужно, конечно, разуместь и «Собеседник», тем более что самые «Новые ежемесячные сочинения» могут быть названы как бы продолжением его, по своей цели, высказанной в том же предисловии: «способствовать *приращению* челове-

ских знаний и обогащению русского языка».

Главным двигателем и распорядителем этого издания была опять директор Академии, княгиня Е. Р. Дашкова (19), и оно продолжалось в течение с лишком десяти лет, прекратись только со смертью Екатерины II. Журнал этот имел более ученый характер и, конечно, не заменил «Собеседника» в отношении легкости и живости собственно литературного содержания. «Собеседник», как видно, долго не переставали читать, и в 1809 году он вышел вторым изданием; следовательно, в продолжение 25 лет он не устарел для русской публики и мог обращать на себя внимание даже после карамзинских журналов.

Такова внешняя история этого издания. Можно уже и из нее видеть, что это было замечательное явление в русской журналистике. Но еще более убедимся в этом, когда поближе рассмотрим внутреннее его содержание, характер и направление.

Взглянем прежде всего на состав редакции и на сотрудников журнала. Один перечень их имен покажет, что сюда принадлежало все

лучшее, что только действовало тогда на литературном поприще. Издатели были: княгиня Е. Р. Дашкова, которая нередко помещала здесь свои сочинения (20), и Екатерина II, наполнившая большую часть журнала своими «Записками касательно русской истории» и «Былями и небылицами» (21). Кроме того, весьма деятельным участником в издании был О. П. Козодавлев, молодой адвокат, как говорит княгиня Дашкова в своих «Записках» (22). Затем постоянным вкладчиком до конца журнала был Богданович, напечатавший здесь до двадцати стихотворений (23), большею частью подписанных полным именем. Державин, никогда не подписывавший своих стихотворений, предоставляя узнавать их *ungue leonem*[11], поместил здесь многие из лучших своих стихотворений: «Фелицу», «Оду на смерть Мещерского», «Оду к соседу», «Благодарность Фелице», «Ключ», «Оду Решемыслу», «Бог» и др. (24). Княжнин также ревностно трудился для первых книжек журнала, помещая в нем и стихи и прозу (25), впрочем, большею частью не подписывая их. Капнист, тогда еще не писавший ни своей «Ябеды», ни

превосходной оды «На истребление в России звания раба» (26), но уже известный своею сатирою, тоже участвовал в журнале и даже перепечатал сюда из «Вестника» знаменитую сатиру (27). Костров также дал сюда несколько стихотворений, и стихотворения эти по крайней мере не из худших у Кострова (28). Фонвизин, еще тогда не автор «Недоросля», но уже известный «Бригадиром» (29), постоянно принимал участие в «Собеседнике», печатая в ней свой опыт «Сословника», свои «Вопросы», «Челобитную российской Минерве», «Поучение иерея Василия» (30). По многим известиям, здесь были также статьи Хераскова (31), и действительно в «Собеседнике» находим несколько прозаических и стихотворных произведений, подписанных буквами М. Х. {16}. Проза весьма сильно напоминает Хераскова; но стихи плавнее, нежели обыкновенно у него. В полном собрании сочинений Хераскова нет ни одной из этих статей (32). Кроме того, в «Собеседнике» находим мы по несколько статей М. Муравьева (33), Д. Хвостова, Нелединского-Мелецкого, Боброва, Левшина (34), Плавильщикова (35) и других менее извест-

ных авторов (36). Здесь напечатано даже одно дотоле неизвестное стихотворение Ломоносова (37). Затем остается еще множество статей, неподписанных и принадлежащих неизвестным авторам, но часто весьма умных (38). По известиям митрополита Евгения, в «Собеседнике» помещено много статей академиков Лепехина и Румовского (39). Но мы не могли решить, какие статьи из неподписанных нужно присвоить этим ученым. Может быть, впрочем, что митрополит Евгений сам ошибся при этом, как ошибся он, сказав, что в «Собеседнике» помещена была речь княгини Дашковой, говоренная ею при учреждении Российской академии (40).

Нельзя не согласиться, что этот перечень сотрудников весьма блистателен и весьма много обещает. Правда, иногда имена эти обманывают, как и ныне случается с именами многих известных писателей. Муравьев, например, поместил в «Собеседнике» два весьма плохие стихотворения; Богданович втиснул сюда наполовину пьес очень посредственных; но вообще можно по справедливости сказать, что множество превосходных

произведений выкупают количество слабых и дают журналу право на наше уважение. Одни произведения Державина, Фонвизина и Капниста могли бы спасти его от забвения; но мы увидим, что в нем есть и еще немало замечательного.

В «Собеседнике», как и во всех тогдашних журналах, не было никакого разделения на разные отделы. Это было введено только Карамзиным, поддержано Полевым и продолжалось по привычке доныне^{17}. Теперь снова возвращаются к прежнему и соединяют, например, науки со словесностью, только – увы! – к великой досаде славянофилов, совсем, кажется, не из подражания старине, а просто по примеру иностранных журналов. В «Собеседнике», таким образом, господствовало приятное разнообразие: стихи перемешаны были с прозой, серьезные статьи с шуточными, сатирические с дидактическими, которых, впрочем, надобно заметить, было очень мало.

Открывалась книжка обыкновенно стихами; потом следовала какая-нибудь статья в прозе, затем очень часто письмо к издателям;

далее опять стихи и проза, проза и стихи. В середине книжки помещались обыкновенно «Записки о российской истории»; к концу относились «Были и небылицы». Каждая статья обыкновенно отмечалась особым номером, как ныне главы в бесконечных английских романах, и число статей этих в разных книжках было весьма неодинаково. В первой их 33, в V – 11, в X – 17, в XV – 7, в XVI – 12 (41).

Стихи в «Собеседнике» не были роскошью только, но, как в альманахах двадцатых годов, составляли его существенную часть. В подтверждение этого стоит указать только на то, что из 242 статей, напечатанных в 16 книжках «Собеседника», 110 стихотворений и что они занимают до 500 страниц из 2800, составляющих весь журнал.

Приступая к обозрению содержания «Собеседника», мы должны прежде всего обратить внимание на «Записки касательно российской истории», занимающие почти половину журнала (1348 страниц). Записки эти были потом изданы отдельно, в шести частях, 1785–1797, исправленные и дополненные, с именем императрицы Екатерины II. В 1801

году было третье их издание. В «Собеседнике» они доведены до 1224 года, в отдельном издании продолжены до 1276 года. История происхождения этого творения известна довольно неопределенно{18}, и до сих пор на него никто из ученых не обратил должного внимания. В курсах истории литературы о «Записках» этих едва упоминается. Карамзин, кажется, не имел их в виду; жизнеописатели Екатерины говорят только, что она составляла записки о русской истории – и более ничего (42). Г-н Старчевский, обзревая русскую литературу до Карамзина, сказал о «Записках» несколько слов, не дающих никакого понятия об этом сочинении (43). Г-н Соловьев в статье своей о писателях русской истории в XVIII веке{19} (44), о «Записках» Екатерины II не говорит ни слова. Об этом тем более нужно сожалеть, что специалист ученый, конечно, весьма легко мог бы определить меру непосредственного участия Екатерины II и ее воззрений в этом сочинении и произнести решительный суд о научном его достоинстве и об отношении его к другим историческим трудам прошедшего века, посвященным нашему

отечеству. Не принимая на себя подобной задачи, я попытаюсь представить здесь несколько данных, которые могут служить для дальнейших выводов об этом замечательном труде Екатерины II.

Следя постоянно за движением умов на Западе, императрица хорошо видела добрые и дурные его стороны. Понимая, что оно могло произвести гибельные последствия в отношении к существующему порядку вещей, она старалась всеми силами противодействовать распространению его в России. Но из опасения зла, не желая лишить свой народ всех выгод образованности и, таким образом, явиться в глазах Европы противницею просвещения, императрица продолжала покровительствовать наукам, только решилась сама наблюдать за правильным ходом развития понятий нашего общества. Зная всю важность наук исторических в этом случае, она сама принялась за историю и в своем труде дала образец своих воззрений на то, каким путем должны развиваться в России исторические знания. Взгляды Екатерины II не все были приняты нашими учеными, и уже Стриттер делал свои

замечания на «Записки о русской истории» {20}. Но императрица, просматривая его труд и делая на него свои замечания, говорит: «Я нашла во многом здравую критику «Записок касательно российской истории»; но что написано, то написано: по крайней мере ни нация, ни государство в оных не унижено» (45). Последние слова указывают нам, какое значение придавала своему труду государыня.

С самого начала царствования своего Екатерина II покровительствовала ученым трудам касательно русской истории (46). Скоро сама она стала заниматься ею, и профессорам Чеботареву и Барсову было поручено доставлять императрице выписки из летописей. Г-н Старчевский говорит, что поручение это дано было им в 1783 году и что сводные выписки из летописей они должны были делать, начиная с 1224 года (47). Но как на этом году именно остановились «Записки» в «Собеседнике», то нужно думать, что это уже относится к продолжению «Записок», которое готовила Екатерина для отдельного издания. Г-н Старчевский свидетельствует также, что выписками из летописей для императрицы занимался

и А. И. Мусин-Пушкин; но что это были за выписки – неизвестно (48). Вообще свидетельства о лицах, участвовавших в этом труде, не приведены еще в надлежащую ясность. Но, как бы то ни было, самая мысль составить историю из свода летописей уже замечательна для того времени, когда юные русские ученые, как все вообще юноши, давая слишком большой простор своему воображению, отважно заменяли цветами его недостаток фактических сведений. Ранее этого только Татищев вполне понял у нас необходимость обработки материалов, и только он сделал попытку свода летописей{21}. Его труд, конечно, важнее, потому что он указывает, откуда именно брал то или другое известие; но «Записки о российской истории» имеют то преимущество, что облечены в более легкую форму, и притом события представлены в них подробнее. Может быть, более научного достоинства имеет труд Щербатова, которого начало появилось около того же времени (49){22}, но, во всяком случае, в прошедшем столетии и начале нынешнего он пользовался гораздо меньшею известностью, нежели «Записки»

Екатерины. Сам «Собеседник» свидетельствует о важности, какую придавал им, говоря в своей заключительной статье:[12] «Сии записки, собранные рукою истинного и нелицемерного любителя российского народа, дали сему изданию некоторую степень важности и сотворили оное книгою, полезною каждому россиянину». В одном из писем к издателям, из Звенигорода, сказано, что «посредством «Собеседника» можно рассеять в народе познания, тем паче что книга сия заключает в себе российскую историю, *каковой еще не бывало*, и для одного уже сего сочинения всякой с жадностию покупает «Собеседник»»[13]. Можно даже предполагать, что прекращение этого издания зависело отчасти от того, что недостало материалов для продолжения «Записок о российской истории».

Составление «Записок» из летописей обнаруживает себя даже в их слого. Здесь нередко попадаются целые куски, взятые прямо из летописи и внесенные в сочинение даже без перемены в слого. Эти места тотчас можно отличить по славянским формам. Иногда эти формы странно перемешиваются с новыми;

например, «Ольга, взяв благословение патриарха константинопольского, *иде во* свою землю и, пришед в Киев, уговаривала сына креститься, *он же* ей ответствовал: как я един крещуся, а прочие не хотят. *Она же рече:* ежели ты *только* крестишься, то все будут то же творить»[14]. Или: и повеле Владимир себя крестить. Епископ же корсунский *со иереи* цесаревнины крестили его, и нарочей во святом крещении Василий. Писатели сказуют, что во время крещения отпаде яко чешуя от очей его, и прозрел»[15].

Хотя, собственно, разбор «Записок о русской истории» мало относится к самому журналу, но я скажу несколько слов об их характере, так как в этом сочинении отразились воззрения императрицы Екатерины, принимавшей столь близкое участие в издании «Собеседника».

Цель этого труда состояла в том, чтобы искусным и подробным изображением древних доблестей русского народа и блестящих судеб его уронить те клеветы, которые взводили на Россию тогдашние иностранные писатели. При этом автор не брал на себя труда *только*

восхвалять русских: он хотел достигнуть своей цели другим способом. В предисловии он говорит, что если сравнить какую-нибудь эпоху русской истории с современными событиями в Европе, то «беспристрастный читатель усмотрит, что род человеческий везде и по вселенной одинакие имея страсти, желания, намерения и к достижению употреблял нередко одинакие способы»[16]. Для большего удобства к таким сравнениям в конце истории каждого князя приложена таблица современных ему государей европейских и некоторых азиатских и африканских. Тем не менее автор умел набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, даже отрадный колорит. С особенным искусством обходит он многие несправедливые деяния князей или старается придать им вид законности не только по понятиям того времени, но и пред судом новых воззрений. С самого начала идет коротенький рассказ о баснословном времени славянской истории (V–IX века) и приводится рассказ новгородского летописца о скифах и славянах, которых он почитает единоплеменным народом, производя

их названия от имен князей Скифа и Славяна, родных братьев. Автор «Записок» замечает, что здесь, вероятно, баснословное смешано с истиною. «Князьям не дано ли имен народов славян и скифов? Князья названы братьями, хотя славяне и скифы были народы разные» [17]. Впрочем, об отношениях этих народов друг к другу автор сам имел, кажется, не совсем ясное понятие. Ниже он говорит, что *скифы* было у греков общее название для многих народов, на великом пространстве Азии, Африки и Европы живших [18], и что под ними весьма часто разумели и славян. Поэтому он очень подробно и благосклонно описывает нравы и образованность скифов. Коренным народом северной России считает автор руссов, к которым пришли потом славяне с Дуная. Варяги же были народ, единоплеменный славянам, живший по берегам Балтийского моря и издавна находившийся в сношениях с руссами, так что Гостомысл, умирая, просто указал своим согражданам на Рюрика с братьями как на людей, хорошо им известных и достойных быть их правителями [23]. Вот как понимает автор «Записок» запутанный во-

прос о происхождении руссов и призвании варягов. В описании свойств и нравов славян замечательно, что автор обращает внимание на язык их и говорит, что распространением и умножением славянского языка доказывается распространение славянского народа. «До времен Рюрика почти вся Россия уже славянским языком говорила. Многие народы в свете завоеваниями теряли свой язык, по славянский язык перенимали побежденные славянами народы»[19]. Здесь же замечено, что славяне задолго до рождества Христова «письмо имели» и что у них были даже древние письменные истории, что доказывается сказаниями Нестора[20]{24}. Об Аскольде и Дире рассказано здесь, что Рюрик послал их к Киеву для обороны жителей от козар[21] и что Олег пошел в Киев, чтобы поверить жалобы на Аскольда, которые «найдя знатно основательными», поступил с ним как с ослушным подданным, лишив его княжения. Ни о хитрости, ни об убийстве нет ни слова[22]. Олегу приписывается начало Москвы[23]. Различены два договора Олега 907 и 911 годов (в «Записках» – 906 и 910, потому что автор, счи-

тая год с сентября, весьма часто расходится с Нестеровым летосчислением с марта), которые до позднейшего времени принимали за один (50). Святослав характеризуется в «Записках» совершенно словами летописи[24]. Предание о мести Ольги древлянам рассказано весьма умеренно, с выпуском большей части летописных подробностей (51). О самом сватовстве князя Мала (в «Записках» – Малдива) замечено, что «сие мало имеет вероятности», потому что великая княгиня Ольга была уже тогда шестидесяти лет; но, с другой стороны, князь Малдива «мог прельстить таковой союз по участию великой княгини Ольги в правлении Россиею»[25]. Это замечание весьма сходно с тем, которое отмечает г. Соловьев у Щербатова, предложившего подобное соображение о мнимом сватовстве к Ольге Константина Порфирородного[26]. В «Записках», впрочем, замечено и о сватовстве Константина, что, по старости Ольги, оно невероятно, «во все же опровергается тем, что Константин тогда имел супругу, которая принимала и угощала Ольгу»[27]. В заключении правления Ольги находим любопытную заметку: «Бла-

женная Ольга, будучи сама от рода князей славянских, паки народ славянский возвысила. При ней всюду имена славянские в начальниках и правителях оказываются. *Ольга и язык славянский во употребление общее привела.* Известно, что народы и языки народов *мудростию и тщанием вышних правителей умножаются* и распространяются. Каков государь благоразумен о чести своего народа и языка прилежен, потому и язык того народа процветет. Многие народные языки исчезали от противного сему»[28]. В этом прекрасно выражается стремление императрицы Екатерины показывать во всем, в чем только можно, что всякое добро нисходит от престола и что в особенности национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства. Говоря о смерти Святослава, «Записки» утверждают, что он утонул в Днепре во время боя:[29] видно, что автор боялся, чтобы не унизить достоинства великокняжеского даже рассказом о позоре, учиненном над трупом князя. То же самое старание представить всех князей русских сколько возможно более чистыми и высокими личностями, видно и в

последующих главах этого труда. Так, говоря о Владимире, автор «Записок» рассказывает всю историю ссоры его с братьями так искусно, что все три князя остаются совершенно правыми, а вина вся падает на Свенельда и Блуда (в «Записках» – *Блюд*), которые и не остаются без наказания. Ярополк с трогательным братским участием заботится об Олеге и гневается на Свенельда, узнав, что Олег утонул[30]. Затем с сожалением прибавлено, что «люди иные порочили Ярополка, и никто его не оправдал, но осуждение от всех понес по сему несчастному делу»[31]. Владимир представляется благородным мстителем за брата, а Ярополк – кротким князем, хотевшим мира и любви. Убийство его совершается без ведома Владимира, по предательству Блуда, который на третий же день и наказан Владимиром[32]. Говоря о войне Владимира с полочанами, автор опять, чтобы не возбудить и мысли темной о князе, умалчивает об убийстве Рогвольда, а женитьбу на Рогнеде представляет как следствие давно начатого сватовства. Среди восторженных похвал Владимиру встречаются только два упоминания о тем-

ных сторонах его, и то в высшей степени искусно прикрытые: «Летописцы говорят, что Владимир бе женолюбив, яко же Соломон... Греческие писатели описывают Владимира до крещения упрямым и своевольствующим» [33]. В описании принятия христианства Владимиром находим несколько любопытных соображений. Избрание греческого исповедания Екатерина приписывает отчасти тому, что Владимир знал об этом законе от своей бабки Ольги и жены, которая была родом чехиня [34], и тому, что между близкими ко Владимиру людьми было уже много христиан или склонность имеющих к христианству [35]. О странном походе на греков в 988 году замечено: «Вероятно, что причина тому была паки неустойка грек и неисполнение тех договоров, кои, по-видимому, возобновлялись в восьмилетнее течение или по прошествии того срока» [36]. Таким образом, дело это поставляется здесь в совершенной отдельности от намерения принять христианство, и, следовательно, становятся ненужными все рассуждения о том – гордость ли языческая, желание ли лучше научиться вере или что другое по-

будило Владимира предпринять поход на Корсунь. Замечательно, что, говоря о взятии Корсуни, автор умалчивает, что он взят был посредством измены Анастасия. О повелении народу креститься сказано следующим образом: «По возвращении Владимира в Киев крестились дети его и вельможи. Слышав же сие, люди многие с радостию шли креститься на реку Почайну»[37]. Вслед за тем рассказано о крещении новгородцев Добрынею, который «ласковыми словами увещевал их» вместе с епископами{25}. Но несколько непослушных произвели замешательство, и Добрыня, собрав войско, «запрети беспорядки и грабление»[38], потом крестил новгородцев. При этом случае упоминается здесь об «Иоакиме, который летописец писал»[39]. Все войны и походы Владимира представляются славными и счастливыми, а к концу его царствования замечена следующая любопытная черта: «Владимир, находя по сердцу своему удовольствие в непрерывном милосердии и распространяя ту добродетель даже до того, что ослабело правосудие и суд по законам, отчего умножились в сие время разбои и грабитель-

ства повсюду, так что наконец митрополит Леонтий со епископы стали говорить Владимиру о том, представляя ему, что всякая власть от бога и он поставлен от всемогущего творца ради правосудия, в котором есть главное злых и роптивных смирить и исправить и добрым милость и оборону являть»[40].

Святополк Окаянный, столь известный в истории братоубийствами, также находит себе оправдание в «Записках». По их словам, он, видя, что киевляне к нему не расположены, собрал бояр и спросил, что делать... «Суровость того века и нравы людей, взрослых в правилах, не сходных со благочестием и гражданским добрым устройством, видны по злочестивому совету. *Писатели сказывают, что положили убить Бориса и сокровенно послали то исполнить*». – О Глебе еще лучше сказано, что просто «в дороге напали на него неизвестные вооруженные люди, и все подозрения сего случая пали на Святополка»[41], об убиении Святослава вовсе умолчено. Равным образом ничего не сказано об отношениях Ярослава к новгородцам и о великодушии, оказанном ими при затруднительных обстоя-

тельстввах Ярослава, как будто бы этому так и должно было случиться{26}.

В княжении Ярослава упоминается о судебных грамотах, которые дал он новгородцам; но какие льготы и вольности заключали они в себе, об этом нет ни малейшего намека. Изгнание новгородцами Брячислава объясняется здесь тем, что они «хотели быть верными Ярославу»[42].

Здесь находим, между прочим, несколько черт, обнаруживающих, что автор «Записок» заметил права старшего в роде, какие существовали в древней Руси. Это видно и в ответе Бориса, который не хочет принять престола киевского, ибо уважает Святополка как старшего в роде[43], и в распределении владений между Мстиславом и Ярославом, причем последний, как старший в роде, получает великокняжеский престол[44]. Так же точно замечено и о Всеволоде, брате Изяслава, что он «наследовал брату, яко старший и предпочтеннейший в роду»[45]. Подобные замечания встречаются и в дальнейшем продолжении труда[46].

Со времени Изяслава княжеские между-

усобия делаются столь постоянными, что их невозможно было бы скрыть или сгладить. Но, сколько возможно, и в этом периоде «Записки» щадят князей. Так, например, о Ростиславе Владимировиче не сказано, что он был отравлен, а просто замечена кончина его, при этом прибавлена похвала его добрым качествам. Так точно и Изяслав с братьями щадится и оправдывается постоянно автором и в вероломстве, и в трусости, и в жестокости. Дело освобождения Всеслава{27} представлено и здесь точно так, как у Татищева, у которого одного только г. Соловьев нашел подробное его описание (51). Если оно не списано из Татищева (что, впрочем, нетрудно предположить), то нужно заключить, что у составителя «Записок» были под руками те летописи, которыми пользовался Татищев. Впрочем, здесь характер рассказа опять несколько мягче. Например, ничего не сказано о совете заколоть Всеслава; вместо целого веча киевского представлены «некоторые роптатели»[47]; и описание первого возвращения Изяслава в Киев 1069 года, весьма близкое к летописи, разнится от нее только тем, что раскаяние ки-

евлян усилено, а условия, предложенные ими князю, смягчены; противодействие братьев Изяславу в этом случае представлено ходатайством перед ним за киевлян[48]. О казни освободителей Всеслава ничего не сказано, равно как и о гонении Изяслава на Антония Печерского. Во вторичном изгнании Изяслава «Записки» считают виновным одного Святослава Черниговского, сходно, впрочем, с летописью[49].

Но совсем не с летописным простодушием рассказывается здесь о нападении Всеслава на Новгородскую область[50]. Там на первом плане действуют сами новгородцы, и притом рассказано, что они взяли Всеслава в плен и только ради Христа отпустили его. «Записки» же говорят только, что князь Глеб Тмутарканский собрал войско новгородцев и победил Всеслава. Далее[51] о Князе Глебе сказано, что он ходил с новгородцами на Ямь в Заволочье и в бою убит; летописи же говорят, что он, будучи выгнан новгородцами, бежал в Заволочье и там убит чудью[52].

Описывая княжение Всеволода, «Записки» не говорят о несправедливости, оказанной им

Святославичам, которым он не дал областей, а, напротив, в самом начале его княжения перечисляют уделы их, об одних прямо говоря, что он даровал их, о других же просто, что такой-то князь имел такой-то удел[53].

Вообще составитель «Записок» имел особый взгляд на удельный период. Он признает великого князя законным полновластительным государем, остальных же князей – его подданными, которые от него зависят и обязаны ему повиноваться во всем. Поэтому, описывая ссоры удельных князей, он еще довольно близко к летописи рассказывает дело, но, говоря о восстании удельного князя на великого, всегда винит первого, как нарушителя порядка и ослушника. Любопытным подтверждением этого может служить следующая заметка, которою заключается описание правления Всеволода: «Не малое великому князю Всеволоду беспокойство было от удельных князей, ибо, *не удовольствуясь уделами, им данными, желали всегда больше иметь.* Между удельными князьями вражды и беспокойства продолжались; по большей части они *слушали советы ласкателей или моло-*

дых людей, окружавших их, которые находили способы ссорить удельных князей, брата с братом, и с великим князем. Когда же он их увещевал к любви между братии, тогда негодовали на него и не принимали ни его советов, ни советов старейшин и вельмож мудрых; чрез что повсюду правосудия в народе и обидимым обороны, а злым исправления и наказания не доставляли, и начали судии грабить и продавать правосудие и суд»[54].

Святополк Изяславич, не имевший никаких достоинств, похваляется в «Записках» по крайней мере за хорошее зрение и память; нерешительность и слабость его обращены в доброту, а его безрассудный образ действий отнесен к тому, что он был неосторожен и слушался недобрых людей[55].

Поражения, претерпенные от половцев, оправдываются большею частью тем, что мы не могли противиться превосходному множеству[56]. Рассказывая о вероломном убийстве Китана и Итларя половецких (1095), автор говорит о том, что Владимир Мономах сначала противился этому, но не упоминает ничего о том, что он наконец на это согласился[57]. О

походе 1095 года, когда Святополк купил мир у половцев, сказано в «Записках», что Святополк пошел на них с войском, а они, «уведав о приходе великого князя, не мешкав, ушли» [58].

Из всех князей того времени порицание «Записок» заслуживает только Олег Святославич за свой «беспокойный нрав и гордость». Да еще о Давиде Игоревиче автор решился заметить, что это был «человек не твердый и ко вражде склонный» [59]. Злодейство его и великого князя с Васильком Теремовльским не могло быть оправдано, и потому оно только смягчается присутствием злых советчиков, последующим раскаянием и тем, что они были действительно ослеплены страстью. Давид, впрочем, принимает на себя всю тяжесть преступления; великий князь участвует в нем только своим вынужденным согласием и потому представляется почти правым.

Все княжение Мономаха описано блестящими красками; иначе и не могло быть, конечно, потому что летописи также говорят о нем с особенным чувством благоговейной любви.

Столько же восхваляется в «Записках» и Мстислав, которого могущество представляется столь великим, что он посылает вельможу своего разобрать удельных князей и разделить по справедливости пределы их владений[60].

И не только Мстислав, действительно пользовавшийся большим значением, но даже Ярополк и Всеволод II представлены в «Записках»[61] как полновластные владыки, совершенно законно и произвольно распоряжавшиеся уделами, переводившие князей из одной отчины в другую, отнимавшие и раздававшие области кому хотели. Все притязания князей выставляются как незаконные посягательства, нарушавшие высшую власть великокняжескую и происходившие от их своевольного, непокорного характера. Вследствие этого взгляда великий князь никогда не является виною междоусобий, но всегда решителем распрей, миротворцем князей, защитником правого, если только он следует внушениям собственного сердца. Как скоро он делает несправедливость, которую нельзя скрыть или оправдать, то вся вина слагается на злых

советчиков, всего чаще на бояр и на духовенство.

При этом весьма странно рассказываются в «Записках» отношения Новгорода к князьям. Автор постоянно следит его историю, не пропускает ничего, не порицает новгородцев за своевольства, но не сообщает и их общественного устройства, отчего все новгородские события кажутся непонятными. Здесь даже не упоминается нигде о вече, а все происшествия представляются следствием замыслов некоторых, или говорится просто: новгородцы решили. Князьям приписывается слишком большое значение в Новгороде, а между тем рассказывается, как новгородцы прогоняли своих князей. Кажется, что автор как будто имел мысль, что князья сами были виноваты, не умели держать в руках беспокойных граждан. Так, под 1113 годом, говоря о печерской дани, которой не хотели платить новгородцы, автор замечает: «Писатели приписывают сие тому, что князь Всеволод Мстиславич, быв не токмо кроток, но и слаб, не содержал их в надлежащем порядке, оттого и своевольствовали»[62]. Так и после описания

того, как схватили, осудили и изгнали Всеволода из Новгорода, автор говорит, что великий князь весьма был недоволен Всеволодом, потому что «его неустройством» новгородцы до того дошли, что передались Ольговичам [63]. О Святославе Ольговиче сказано, что в 1140 году новгородцы, те, «кои остались верны князьям рода Владимира, предупели выслать из Новгорода князя Святослава Ольговича» [64], тогда как известно, что он принужден был бежать, опасаясь суда веча и мщениа граждан за свои насилия. Следовавшие затем изгнания князей из Новгорода автор «Записок» рассматривает именно с той точки зрения, что одни были верны дому Мономаха, другие же не хотели хранить верности и искали других князей. Конечно, в отношении к главной мысли всего труда это было лучшее объяснение всех самоуправств веча новгородского.

Княжение Изяслава II рассказано чрезвычайно подробно и везде подлинными известиями летописей, которые отличаются особенным расположением к этому князю. Только тон рассказа, по обычаю, изменен, и опять

в пользу великого князя. Например, узнавши о вероломстве Давидовичей, Изяслав посылает в Киев заявить об этом «народу»; в «Записках» же сказано, что он посылал известие к брату Владимиру, «который, яко наместник, ведал Киев в отсутствие великого князя, также ко митрополиту и тысяцкому киевскому», и эти уже решились «объявить об этом всенародно, дабы киевляне, не теряя времени, вооружиться могли»[65]. Мирясь с Давидовичами, великий князь посылает за советом к брату, князю смоленскому, и тот отвечает – по летописи: «Брат, ты меня старше, то как хочешь, так и делай; если же ты удостоиваешь спрашивать моего совета, то я бы так думал: ради русских земель и ради христиан мир лучше...», и пр. В «Записках» же он отвечает: «что он в воле великого князя, старейшего своего брата, и повеление его исполнит охотно, что он согласен с мнением Изяслава, понеже мир для сохранения пользы всего государства лучше на сей случай, нежели война»[66]. Подобные маловажные, едва заметные оттенения событий встречаются здесь нередко.

О Юрии, столь памятном в истории ненавистью к нему народа киевского, «Записки» отзываются нехорошо, особенно в то время, как он был еще князем ростовским и добывал Киева, следовательно, был «виновен» в незаконных притязаниях. Характеризован он почти словами Татищева; [67] большая часть его неудач и дурных действий отнесена, впрочем, как всегда, на счет «любимцев и вельмож», которых он во всем слушался. То же обвинение относится отчасти к последующим князьям, Изяславу III и Ростиславу I [68]. Впрочем, их княжения, равно как и следующее, Мстислава II, не представляют особенно замечательных соображений автора. Только относительно дел новгородских он говорит, что Ростислав «говорил им пространно о их беспорядке и своевольстве, отчего земле и всей области новгородской происходит вред и наконец последует разорение. Они же со слезами обещались сына его иметь непременно самовластным князем и утвердили оное ротою» [69]. По истории известно, что новгородцы приняли Святослава, совсем не убежденные красноречием великого князя, а потому, что

были тогда очень в стесненных обстоятельствах, угрожаемые Андреем Боголюбским. При первой возможности они Святослава и выгнали.

«По смерти Мстислава, – говорят «Записки», – состояние великокняжения Киевского было таково, что единое токмо уже звание имело. Князи не почитали власть великого князя и из послушания ко оному вышли даже до того, что себя ставили равными ему»[70]. Вследствие этого автор уже не следит за одним киевским князем как средоточием исторического движения, а описывает наиболее замечательные события во всех княжествах довольно отрывочно, соблюдая только хронологический порядок. Автор «Записок» не мог оценить еще всей важности поступка Андрея Боголюбского, не взявшего Киева, а оставшегося во Владимире; но он все-таки довольно много останавливается на этом князе и с того именно времени замечает падение важности Киевского княжества. Этого уже достаточно для его времени. О самом Андрее «Записки» говорят с большим уважением, только замечают, что в последнее время жизни он «воз-

гордился зело и гордостию многие неистовства изъявил»[71]. Вообще за высокоумие «Записки» никого не хвалят, и пороки, наиболее подвергающиеся их осуждению в князьях, — это слабость, слушанье чужих советов, гордость, беспокойный нрав. Одобрения заслуживают всего более ум, приветливость, твердость, попечение о расправе внутренней и делах воинских. Понятно, что качества, которые пред целым светом выказывала сама императрица, не могли не возбуждать ее сочувствия и хвалы тогда, когда она видела их в других.

Утомительно было бы для читателя следить по «Запискам» всю нить мелких происшествий, последовавших за смертью Боголюбского до 1224 года и рассказанных очень подробно. Потому не станем разбирать этого повествования, помещенного в XIII–XIV книжках, тем более что подробный разбор «Записок» не входит в план этого труда. Мы занялись им только, желая указать на исторические воззрения автора их, в надежде, что кто-нибудь из занимающихся отечественной историей возьмется за это дело и сделает его полнее и совершеннее. Теперь, в заключение

нашего обзора, нужно прибавить только, что по окончании второй эпохи истории с 1224 годом помещены в XIV и XV книгах еще разные приложения. Первое из них имеет заглавие «Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 по 1224 год»[72]. Здесь рассказаны важнейшие, по мнению автора, факты из рассказанных в «Записках». Затем следует краткая выписка о делах государей, современных Рюрику[73] и Игорю[74]. Третье приложение – о медалях к царствованиям Рюрика[75] и Игоря[76]. Медалей этих для двух княжений автор предполагает 49, и из них некоторые интересны по подписям. Например, № 19: «Рюрик усмирил новгородские беспокойства, начавшиеся от зависти». Надпись: «И зависть победы». Внизу: «Усмирил новгородские беспокойства». № 24: «Олег начинает опекуновское свое управление объездом областей русских». Надпись: «Попечительный обычай». Внизу: «Олег объезжает области русские». № 42: «Игорь послал к грекам ежегодной дани ради и, не получая, пошел с войском в ладиях к Царюграду». Надпись: «Неисправных исправить». Внизу: «Игорь

идет в ладиях к Царюграду, в 941 году». В таком же роде и другие медали, проектированные автором «Записок».

Заметив главную мысль и направление этого сочинения, мы должны прибавить еще несколько слов об исполнении. Слог их и способ представления событий можно было видеть из выписок. Но нужно еще сказать, что в «Записках» не только рассказываются одни деяния князей, но отмечаются, как в летописи, и необыкновенные явления природы и события внутренней жизни государства – например, действия духовенства, народные суеверия, ереси и т. п. В самом изложении составитель весьма близко держится летописных сказаний, во многих местах близко сходится с Татищевым, только распространяя его сжатый рассказ, иногда прерывает простодушное повествование летописи своими соображениями. Вообще прием изложения и представления событий очень сильно напоминает тот прием, которым воспользовался недавно другой ученый исследователь русской истории – г. Соловьев{28}. В «Записках» попадаются даже страницы, которые разнятся от рассказа г.

Соловьева только слогом. Уже это одно много свидетельствует в их пользу.

Вообще в «Записках о российской истории» императрица, дав нам образец своих взглядов на историю, вместе с тем представила и образец умения провести свою мысль во всем труде и направить его к подтверждению своей идеи, не прибегая ни к явным натяжкам, ни к совершенному искажению достоверных фактов. Иногда она давала им свой смысл, умалчивала об одном и изменяла тон рассказа о другом; но искусство рассказа было таково, что читающему даже не приходило в голову, чтобы могло быть что-нибудь другое, кроме того, что ему сообщается.

И мы знаем, что сама императрица высоко ценила свое искусство и «Записки о русской истории» считала одною из заслуг своих для русского просвещения.

Вместе с «Записками касательно русской истории» в первых книжках «Собеседника» (до восьмой) помещался другой труд императрицы Екатерины II: «Были и небылицы». Отличаясь совершенно другим характером, они, конечно, не имели столь важного значения,

как «Записки». Сам автор смотрел на них только как на плоды досуга и говорил в них обо всем, что ему приходило в голову. Нередко он отвечал в них на разные толки, которые возбуждало появление этих и других статей, отвечал на письма, мнимо или действительно адресованные к нему, посредством редакции «Собеседника». Словом, это был труд легкий, шуточный, совершенно противоположный важности «Записок». Это выражено даже в одном письме к автору «Былей и небылиц»: «С вами все-таки, сударь, еще переписываться можно. Вы по крайней мере на письма отвечаете; а как у вас есть товарищ, г. сочинитель «Записок о русской истории», так от того даже и о получении письма не дождешься отповеди»[77]. Автор отвечал на это: «Государь мой! Нам, безграмотным, на всякие письма отвечать не трудно, понеже на то не более надобно, как только, чтобы чернила с пера текли. Головоломных мыслей у нас не спрашивается, как то вам, государю моему, и всем читателям «Былей и небылиц» известно»[78]. И действительно, головоломных мыслей нельзя встретить в «Былях и небылицах».

В них все легко, шутливо, неглубоко, все писано как будто импровизацией, без особенного плана и заботы о том, чтобы составить стройное целое. В этом отношении лучшая оценка «Былей и небылиц» сделана самим автором: [79] «Когда начинаю писать их, – говорит он, – обыкновенно мне кажется, что я короток умом и мыслями, а потом, слово к слову приставляя, мало-помалу строки наполняю; иногда самому мне невдогад, как страница написана, и очутится на бумаге мысль кратко-длинная, да еще с таким хвостом, что умные люди в ней изыскивают тонкомыслие, глубокомыслие, густомыслие и полномыслие; но, с позволения сказать, все сие в собственных умах их, а не в моих строках кроется». В другом месте он же говорит, что издателям хорошо «иметь возле бока «Были и небылицы»: когда листа недостает в книге, тогда заказать можно лист, аки попадьям пирог у просвирни. Кто так послушлив, чтоб взял перо и наполнил лист, правду сказать, – чем бы ни случилось! Таково дело иметь с безграмотным: ни от одного грамотея вы так скоро не бываете услужены»[80].

В самых «Былях» встречаются страницы, которые именно как будто для того только были написаны, чтобы чем-нибудь наполнить лист. Часто автор сам замечает это и говорит, что, начав писать, еще не знает, что будет говорить дальше[81]. Вот страницы полторы и написаны, – говорит он, – чего? – ничего [82]. По словам автора, он ничего и не хотел писать особенного; одного только не хотел он, чтобы его произведения были скучны. От этой скуки делает он заклятие 64 подобранными наудачу глаголами, говоря: «Пусть ее ищет, родит, несет, влечет, дает, наносит, приносит, кормит, бережет, сеет, выкапывает, наговаривает, привозит, привлекает, причиняет, производит, приключает, выравнивает, наворачивает, напихнет, натолкнет, напустит, надует, накашляет, напреет, начихает, насвистит, наиграет, напляшет, напоеет, накричит, нажурчит, наревет, навертит, навернет, привьет, навинтит, натрет, наскоблит, наложит, нашьет, наболтает, намотает, насчитает, нальет, налепит, налает, нахрапит, нагрузит, навалит, напыхтит, наворчит, набранит, насудит, нагрузит, назевает, насулит,

нагрозит, наколотит, накладет, настроит, наломает, изобретет или напишет, кто изволит, лишь бы вы не встретили ее, читая «Были и небылицы»[83]. Повторение по несколько раз одного и того же глагола в этом истинном наборе слов показывает, что автор не заботился ни о чем более, как только чтобы наставить глаголов побольше. В свое время, впрочем, и это считалось, вероятно, очень остроумным.

С явным желанием дать простор остроумию написаны также, например, следующие строки:

*«Если писать нечего, за неимением
умотечения, станем писать, как и
что у конца пера явится, о чем чрез
сие чиню объявление.*

*.....Уши прожужжали...
Предварительное.*

*Когда летом при открытых окнах...
NB. Зимой при закрытых сие не бывает,
как самому читателю известно.
...Стрекоза влетает в низкие хоромы
и, ища обратного пути, вместо неиз-
меримого свода (т. е. неба), к которо-
му она привыкла, находит несколько*

локтей от земли потолок, в который она ударяет, не локтем, но головою и крыльями, произнося журчание, тем и другим обращает внимание находящихся тут зрителей, подобно тому... Теперь начинается, о чем дело... Что? «Были и небылицы»? Нет! Но вовсе – я не то сказать хотел, и вылилось почти так, вовремя еще успел остановить словесный поток», и пр.

Читатель все еще ждет чего-то, но далее уже идет дело о письмах, полученных автором, на которые он собирался отвечать и никак не может собраться. В заключение автор от всего сердца желает читателю разумения сих строк[84]. Желание, конечно, не напрасное, но весьма трудно исполнимое, особенно для тогдашних читателей, которых недогадливость о самых простых вещах равнялась только разве их нетребовательности, что доказывается почти каждой страницей «Былей и небылиц». Из всего этого можно уже видеть, что статьям, печатавшимся в «Собеседнике» под этим названием, совсем нельзя придавать значения серьезной сатиры, как хотели некоторые критики. Сам автор под-

смеивается над этим мнением, рассказывая о том, как он приписывал своим статьям всеобщее исправление нравов, замеченное им со времени появления «Собеседника», и как среди этих мечтаний нашел вдруг свои «Были» употребленными на папильотки и на обертку фруктов у разносчика[85]. В другом месте, в ответ на желание, выраженное в одном письме, чтобы в «Былях и небылицах» было выведено человеческое тщеславие[86], автор говорит: «Не моему перышку переделать, переменить, переломить, убавить, исправить, и пр., и пр., и пр., что в свете водится. Я из тех людей, для которых свет *поди, как может, а жить в оном, как определено.* Перемытаривать оный мне казалось дело возможное, пока я не слег горячкою (которую у нас запросто называют: к бороде), но с того времени вещи мне иначе казаться стали»[87]. И это не ирония, а искреннее убеждение, искреннее по крайней мере в отношении к литературе. Императрица очень хорошо видела, что русское общество того времени далеко еще не так образованно, чтобы считать литературу за серьезную потребность, чтобы теоретические

убеждения вносить в самую жизнь, чтобы выражать в своих поступках степень развития своих понятий.

Поэтому она позволяла писать и то, что ей не нравилось, зная, что это не будет иметь слишком обширного влияния на жизнь общества; возвышала чинами и наградами тех, чьи произведения были ей приятны, для того, чтобы этим самым обратить общее внимание на автора, а таким образом и на его сочинения. В то время у нас писали и печатали все без разбора: и переводы из энциклопедистов, и «Эмиля», и поэму на разрушение Лиссабона {29}, и путешествие Радищева; {30} но награды получали: Державин за «Фелицу», Петров за «Оду на карусель», Костров за торжественные оды {31}, и т. п. Это уже много значило и необходимо должно было придать более веса в глазах общества творениям последнего рода.

Точно так, как, покровительствуя литературе, великая Екатерина умела тем самым указывать ей и надлежащее направление, так же точно, взявшись за сатирическое перо, она умела указать и предметы сатиры в

современном русском обществе. В «Былях и небылицах» есть сатира, и, вероятно, меткая и живая, потому что о ней было много толков в то время. Об этом свидетельствуют многие письма к издателям «Собеседника», свидетельствуют сами издатели, свидетельствуют мимолетные заметки и намеки в других современных произведениях. Сама Екатерина, в ответ на присланное будто бы к ней письмо Петра Угадаева, который угадывал лица, изображенные в «Былях», писала: «Буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство с предложенными описаниями в «Былях и небылицах», то сие доказывает, что «Были и небылицы» вытащены из обширного моря естества»[88]. Один из издателей «Собеседника» (конечно, княгиня Дашкова) замечает, что это «совсем нового рода сочинение служит к украшению сего издания»[89]. В стихотворениях Державина встречаем несколько намеков на лица, выведенные в «Былях и небылицах», и несколько фраз, пущенных ими в ход (52). Княжнин в «Исповедании жеманихи» прямо обращается к сочинителю «Былей и небылиц» и говорит, что

В них, как в зеркале, себя увидишь» (53). В нескольких статьях, помещенных в «Собеседнике», тоже выводятся лица из «Былей и небылиц»[90]. Какие же обличения и нападки возбуждали так сильно общее внимание? В первой же статье[91] осмеиваются: самолюбивый, нерешительный, лгун, мот, щеголиха, вздорная баба, мелочной человек. Это самая обильная сатирическим элементом статья. В следующих гораздо более болтовни и менее подобных портретов. Во второй статье находятся насмешки над пренебрежением к литературе, да нападки на мелочных критиков, да еще выведен майор С. М. Л. Б. Е., в котором «для закрытия» выпущены буквы А, О, Ю и И, как тотчас объясняет автор. Далее насмешки над человеком, который некстати высказывает свое недовольство, над женой, не любящей мужа, над девушкой, которая белится, и т. д. Большая часть описаний, намеков и острот слишком общи и выражают скорее общечеловеческие страсти, нежели пороки тогдашнего общества. Может быть, и действительно находились личности, которые узнавали здесь себя, но, во всяком случае, это не была харак-

теристика общества. Гораздо более характерного находим мы в беглых заметках, которые там и сям понемножку рассеяны в «Былях и небылицах». Так, будто мимоходом, но постоянно, автор вооружается против пристрастия к иноземному, особенно французскому, против того, когда человек тянется, чтобы выйти из своего состояния, против непостоянства, часто меняющего заведенный порядок, против умничанья, которое называет скучным. Вообще автор не любит тех, которые «более плачут и рассуждают, нежели смеются», и в своем завещании, в котором передает «Были и небылицы» другому, желающему продолжать их, заповедует: «Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писания их, чтобы не получили врачебного запаха; проповедей не списывать и нарочно оных не сочинять»[92]. Так и в этом выразился блестящий век Екатерины – век *веселый*, век празднеств, пиров, без заботы об отдаленном будущем, с мыслию, что все на час и что нужно скорее пользоваться жизнью.

Во многих местах также встречаем мысль, что ныне в России лучше, чем прежде. Любо-

пытна в этом отношении выходка дедушки, который говорит, что «в прежнее время люди охотнее упражнялись нынешнего в разговорах, касающихся поправления того-сего; разговоры же сии вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой беды оные кому из нас не нанесли; следовательно, громогласие между нами редко слышно было; беседы же получали от того некоторый блеск и вид вежливости, которой следы не столь приметны ныне; ибо разговоры, смех, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». Далее дедушка «для изъяснения сего говорит, будто мысли и умы, долго быв угнетены под тягостию тайны, вдруг, яко плотина от сильной водополи, прорвались»[93]. Вообще Екатерина выставляла как великое преимущество своего царствования то, что она позволяет говорить все, что угодно, и каждый почти стихотворец ее времени восхвалял ее особенно за это. Даже Вольтер воспеваает монархиню:

*Qui pense en grand homme et qui
permet qu'on pense[94]{32}.*

Императрица, разумеется, охотно позволяла *говорить*, зная, что от этих разговоров ничего дурного быть не могло и что чем больше, чем беспрепятственнее говорят, тем меньше обыкновенно делают. Но она же смеялась над сплетнями и над людьми, которые умничали, равно как и над теми, которые выражали свое неудовольствие, не понимая дела. Так, например, в «Былях и небылицах»[95] рассказывает она об одном человеке, который «мысли и понятия о вещах, которые сорок лет назад имел, и теперь те же имеет, хотя вещи в существе весьма переменились. Например, он не едет жить в деревню, боясь разбойников по большой дороге, и о бывших говорит, как будто ныне состоялись. Поныне еще жалуется на несправедливость воевод и их канцелярий, коих, однако, уж нигде нет; жалуется на внутренние пошлины по городам, как притесняющие торги, хотя сняты в 1753 году...», и пр. Но особенно сильно восстала она против *свободоязычия* по поводу вопросов Фонвизина. Самые ответы на эти вопросы, напечатанные в III части «Собеседника»[96], свидетельствуют, что вопросы не были при-

ятны императрице. Тем не менее она не только их напечатала, но даже отвечала на них. Только ответы эти такого рода, что большая часть из них уничтожает вопросы, не разрешая их; во всех почти отзывается мысль, что не следовало об этом толковать, что это – свободоязычие, простершееся слишком далеко. Например, самый первый вопрос: «Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречаются ни малейшего сомнения?» получает такой уклончивый ответ: «У нас, как и везде, всякий спорит о том, что ему не нравится или непонятно». Второй: «Отчего многих добрых людей видим в отставке?» разрешается: «Многие добрые люди вышли из службы, вероятно, для того, что нашли выгоду быть в отставке». На десятый вопрос: «Отчего в наш законодательный век никто в сей части не помышляет отличиться?» отвечено: «Оттого, что сие не есть дело всякого». В ответ на четырнадцатый вопрос о том: «Почему многие добиваются чинов пронырством и плутовством, чего прежде не было?» прямо замечается, что «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».

Наконец, на прямую обязанность подданного указывает смелому вопрошателю императрица и в ответе на последний вопрос: «В чем состоит наш национальный характер?» – «В остром и скором понятии всего, – говорит она, – *в образцовом послушании* и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». Вообще, если мы можем удивляться в этом случае смелости Фонвизина, то тем более должны удивляться искусству государыни, с которым она умела отклонить своими ответами самые прямые вопросы и в ответах на самые щекотливые из них давать чувствовать, что они неуместны и не могут ожидать прямого решения. Только на один вопрос отвечает она прямо и решительно, не уклоняясь от сущности дела. Это пятый вопрос: «Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжоб своих и решений правительства?» – Императрица говорит: «Для того, что вольных типографий до 1782 года не было». За этот ответ красноречиво и восторженно благодарит Екатерину Фонвизин в письме к ней, напечатанном в V части «Собеседника»[97]. «Способом печатания тяжоб и решений, – говорит он, – глас

обиженного достигнет во все концы отечества. Многие постыдятся делать то, чего делать не страшатся. Всякое дело, содержащее в себе судьбу имения, чести и жизни гражданина, купно с решением судебным, может быть известно всей беспристрастной публике; воздастся достойная хвала праведным судиям; возгнушаются честные сердца неправдой судей бессовестных», и пр. При всем том, сколько известно, никто, кажется, у нас не воспользовался благодетельным разрешением великой монархини, и темные судебские дела, к сожалению, по-прежнему не выходят за стены судебских архивов.

Мы видели, что в самых ответах была довольно ясно высказана неуместность вопросов, что понял сам Фонвизин, когда писал потом в письме своем: «По ответам вашим вижу, что я некоторые вопросы не умел написать внятно», и потом даже несколько раз принимался оправдываться. «Я думал честно, – говорит он, – и имею сердце, пронзенное благодарностью и благоговением к великим деяниям всеобщий наша благотворительницы... перо мое никогда не было и не будет

смочено ни ядом лести, ни желчью злобы... Всякое ваше неудовольствие, – заключает он, – мною в совести моей ничем не заслуженное, если каким-нибудь образом буду иметь несчастье приметить, приму я с огорчением за твердое основание непреложного себе правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься». Императрица уважила это письмо и заметила, что «сей поступок г. сочинителя вопросов сходствует с обычаем, достойным похвалы, православного христианина, по которому за грехом вскоре следует раскаяние и покаяние»[98].

Однако ж этого не было довольно. И прежде и даже после этого письма автор «Былей и небылиц» несколько раз выказывал свое недовольство вопросами и подсмеивался над затруднительным положением, в которое поставлен был автор их «ответами». В IV части «Собеседника»[99] дедушка сильно восстанет против вопросов (54) и хотя возможность говорить так смело опять относит к преимуществам того времени, но заключает свою выходку следующим образом: на вопрос: «Отчего прежде шуты, шпыни и балагуры чинов

не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» – он отвечает: «Отчего? отчего? Ясно, оттого, что в прежние времена врать не сме-ли, а паче письменно, без опасения».

Такой прием не мог ободрить Фонвизина, и он хотя обещал продолжать вопросы, но уже не осмелился сделать этого. Вообще нужно сказать, что Фонвизин не умел вполне понять великой Екатерины, и, конечно, вследствие этого он не пользовался расположением при дворе, по свидетельству его биографа {33}. Это был, конечно, один из умнейших и благороднейших представителей истинного, здравого направления мыслей в России, особенно в первое время своей литературной деятельности, до болезни; но его горячие, бескорыстные стремления были слишком непрактичны, слишком мало обещали существенной пользы пред судом императрицы, чтобы она могла поощрять их. И она сочла за лучшее не обращать на него внимания, показав ему предварительно, что путь, которым он идет, не приведет ни к чему хорошему.

Кроме «Былей и небылиц», из сочинений императрицы Екатерины помещена в «Собе-

седнике» «Ежедневная записка Общества незнających»[100]. Статья эта есть не что иное, как пространная насмешка над незнających людьми, которые составляют общества, собираются, толкуют, отдают преимущество мнению того, у кого грудь сильнее, и все-таки разъезжаются, ничего не решив, или кончают дело тем, что записывают мнение каждого члена порознь и потом сдают дело в архив. Результат всех заседаний состоит разве в том, что на членов общества жалуются соседи за ранние их собрания, говоря, что каретным стуком мешают многим спать[101]. Теперь трудно решить, с каким намерением написана эта статья; но, вероятно, императрица имела в виду какое-нибудь действительно существовавшее общество, где дела решались не обыкновенным приказом, а общим собранием, на котором каждый из членов имел право подавать голос{34}. С таким характером является участие великой Екатерины в «Собеседнике». Мы нарочно долго останавливались на разборе произведений, помещенных здесь ею, имея в виду проследить ее участие в литературе нашей, не официальное, а, так сказать,

приватное, домашнее. Для разбираемого нами журнала это особенно важно. Во-первых, Екатерина признавала себя одним из издателей его. Во вступлении к ответам на вопросы Фонвизина прямо сказано: «Издатели «Собеседника» разделили труд рассматривать присылаемые к ним сочинения между собою по-недельно, равно как и отвечать на оные, ежели нужда того потребует. Сочинитель «Былей и небылиц», рассмотрев присланные вопросы от неизвестного, на оные сочинил ответы»[102]. Эти слова ясно показывают, что Екатерина принимала участие в издании. Но даже если мы оставим в стороне это обстоятельство, то и тогда нельзя не видеть, что образ мыслей и воззрений императрицы не мог не иметь сильного влияния на дух журнала, издававшегося одним из приближенных к ней лиц и которого большую часть она сама наполняла своими литературными трудами. Поэтому нам было особенно важно рассмотреть собственные труды императрицы, в которых выразились ее литературные убеждения. Они могут нам послужить ключом для объяснения многих других статей, помещен-

ных в «Собеседнике».

* * *

Вместе с императрицею руководила изданием княгиня Е. Р. Дашкова. Ее имя напечатано на первых же строках объявления о «Собеседнике». Сначала даже все статьи для журнала присылались к ней, и только уже по выходе 14 № «Собеседника» объявлено было, чтобы статьи присылались в Академию, а еще позже – что они будут принимаемы «в той комнате, где присутствуют находящиеся при Академии советники» (55). Таким образом, на княгине Дашковой лежал главный труд издания. Касательно собственного участия в своих «Записках» она говорит, что «сама *иногда* только писала для журнала» и что особенно деятельным ее помощником был «молодой адвокат Козодавлев» (56). Вероятно, он разделял труд по изданию, и ему, может быть, должно приписать некоторые из писем к издателям, явно сочиненных лицом, близким к редакции. Из статей княгини Дашковой ни одна не подписана ее именем. По свидетельству митрополита Евгения, ей принадлежит надпись к портрету Екатерины, помещенная

В I книжке, непосредственно за «Фелицею», и не заключающая в себе ничего особенного. Ей же, может быть, принадлежат ответы *от издателей*, не принадлежащие самой Екатерине. Кроме того, по сходству в слоге и мыслях с другими произведениями княгини Дашковой, несомненно ей принадлежащими (57), можно предположить, что ею же написаны в «Собеседнике»: «Послание к слову *так*»[103], «Сокращение катехизиса честного человека»[104], «О истинном благополучии»[105], «Искреннее сожаление об участи издателей «Собеседника»[106], «Вечеринка»[107], «Путешествующие»[108], «Картины моей родни»[109], «Нечто из английского «Зрителя»»[110]. Все это, впрочем, не более как наше предположение; удачно ли оно или нет – это, может быть, покажет со временем открытие каких-нибудь положительных свидетельств. Что касается до стихотворных произведений, то здесь без положительных данных невозможно даже предположение (58). Из ответов издателей более других заслуживают внимания, по своей обширности: ответ звенигородскому корреспонденту, заключающий в себе обстоятель-

ное рассуждение о воспитании[111], ответ Иоанну Приимкову «об архангелогородской куме»[112] и еще обращение одного из издателей к сочинителю «Былей и небылиц»[113] {35}.

Несмотря на то, что не можем указать на верное статей самой княгини Дашковой в «Собеседнике», мы тем не менее не задумываемся приписать ей весьма большую долю участия в направлении и характере всего этого издания. Журнал этот был ее задушевной мыслью: она надеялась посредством его действовать на распространение знаний, развитие истинных понятий, на образование самого языка. Более серьезно, нежели все окружавшие ее, проникнутая просвещенными идеями, умея вносить их в самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы в самом деле быть полезною для других, она стояла гораздо выше современного ей русского общества. Странно себе представить молодую девушку того времени, проводившую ночи в чтении потрясающих произведений, от которых были тогда в волнении умы всей Европы. Еще

труднее поверить, что эта пятнадцатилетняя девушка в непродолжительном времени расстраивает свое здоровье сильным умственным напряжением, размышляя о том, что ею прочитано[114] да вот ее для развлечения везут в столицу. Здесь она пристает к каждому иностранцу, надоедает каждому путешественнику, которого увидит, расспрашивая их о других странах, и потом их ответы сравнивает с тем, что видит у себя пред глазами. Это в ней рождает непреодолимое желание путешествовать. Наконец она достигает осуществления своих желаний. Она видит Европу, посещает Дидро, Вольтера, проводит время в душевных разговорах с этими знаменитостями Европы, столь дорогими ее сердцу еще по воспоминаниям детских чтений (59). С обильным запасом мыслей и знаний, с просвещенною любовью к родине, с желанием служить ей на поприще общественной жизни возвращается она в Россию, и здесь встречаются ее назначения, которые заставляют ее трудиться на поприще ученом и литературном. В этом деле княгиня Дашкова могла сделать много полезного, как по своей обширной на-

читанности и развитому уму, так и потому, что здесь не могли ее встретить интересы, которые бы заставили ее изменить честности и правоте своих стремлений. Она, конечно, не была идеальной женщиной: намерение возвысить своего сына вместо Потемкина, навлекшее на нее столько зла и столько порицаний, доказывает, что и она поддавалась внушениям житейских расчетов. Но самая неудача в этом деле, вместе с некоторыми другими биографическими данными, свидетельствует, что Дашкова была не совсем ловкий придворный и имела нечто священное в сердце своем, чем не могла жертвовать влечению грубого эгоизма. Ее чистое направление выразилось в литературе уже самым выбором переводов с французского и английского, которые помещены ею в «Трудах Вольного российского собрания»{36}. Такое же направление отзывается и в тех статьях, о которых мы сказали, что можно приписать их Дашковой. Эти статьи сильно вооружаются против того, что вообще есть низкого, гадкого в человеке и что особенно распространено было в некоторых слоях русского общества того времени, – про-

тив двоедушия, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, обмана, презрения к человечеству. Эти статьи отрадно читать и ныне: через семьдесят лет еще можно угадывать правдивость, меткость, благородную энергию этих заметок. Видно, что эта сатира бескорыстная, не руководившаяся ничем, кроме желания добра. Так, например, в «Послании к слову *так*», написанном прозой и стихами, сильно поражается ласкательство, и нельзя не сознаться, что примеры выбраны очень хорошо.

Автор пишет:

*Лишь скажет кто из бар: учение
есть вредно,
Невежество одно полезно и без-
бедно.
Тут все поклонятся: и умный, и
дурак,
И скажут, не стыдясь: «Конечно,
сударь, так».*

*Клир скажет, например, что глупо
по Марк[115] считал,
Когда сокровища свои он прода-
вал,*

*Когда он все дарил солдатам из
чертогов,*

*Хоть тем спасал народ от тя-
гостных налогов.*

*Клир пустошь говорит; но тут,
почтенья в знак,*

*Подлец ему кричит: «Конечно, су-
дарь, так».*

*Невежда, нарядясь в кафтан золо-
тошитый,*

*Смышляет честь купить, гор-
дится подлой свитой;*

*Хоть чести не купил и мыслит в
том не так,*

Дурак прискажет: «Так».

Такальщики всегда подлы; но, говорит ав-
тор,

*Но самые и те, которым потоака-
ют,*

*Не лучше чувствуют, не лучше
рассуждают.*

*Кто любит таканье и слушает
льстеца,*

*Тот хуже всякого бывает подле-
ца.*

А между тем льстецов награждают, тогда

как умные всегда обойдены:

*Другой пускай дурак,
Но, говоря все так,
Он чин за чином получает
И в карты с барамы играет;
А тот в передней пусть зевает
За то, что он не льстец,
Не трус и не подлец[116].*

Это «Послание к слову *так*» возбудило толки. В III книжке «Собеседника» помещено весьма грубое письмо от защитника Клировых мыслей. Автор этого письма говорит о Клире как о лице хорошо ему известном и оправдывает его отзыв о Марке Аврелии; в заключение же говорит с огорчением: «Критики, а особливо вмешивающиеся в дела политические, которых не знают ни малейшей связи, всегда будут иметь прекрасное поле рассыпать свои рассказы»[117]. Издатели замечают на это, что «он не знает, может быть, кто они таковы, и что письмо это помещается для того, чтобы публика сама могла судить, сколь мало благопристойно предложенное сочинение, которое если не послужит к удовольствию читателей, то, конечно, служить

может образцом неучтивости»[118]. «Впредь же мы будем помещать только учтивые критики», – говорят издатели.

Этим письмом, вероятно, вызван «Ответ от слова *так*», несомненно сочиненный в самой редакции. В нем находим обращение к сочинительнице «Послания к слову *так*», чем еще подтверждается наше мнение о том, что его писала Дашкова[119]. Здесь рассказывается о разных лицах, которые обижались намеками этого послания, узнавали себя в вымышленных именах, вступались за Клариссу, Клира и пр., так что «по речам их казалось, будто все стихотворцами употребленные имена им весьма знакомы». Впрочем, вы их не опасайтесь, – говорит слово «*так*» автору, – они ничего не осмелятся сделать вам, потому что

*Кто любит таканье, находит в
лести вкус,
Того душа подла; во всех делах он
трус;
Наедине всегда тот за себя бра-
нится,
А в публике всем льстит, с злоде-
ями мирится[120].*

Это имели, кажется, в виду издатели «Собеседника» постоянно, во всех трудах своих. Они были в таком положении, что нечего было им бояться, и притом княгиня Дашкова, которая все-таки была главной распорядительницей журнала, глубоко была проникнута, как мы сказали уже, просвещенными и благородными стремлениями. Сама императрица всегда старалась показывать просвещенную терпимость в деле литературы, сдерживая только те порицания и обличения, которые казались ей несправедливыми или опасными. В одном письме к издателям «Собеседника» сказано: «Держитесь принятого вами единожды навсегда правила: не воспрепятствовать честным людям свободно изъясняться. Вам нет причины страшиться гонений за истину под державою монархини,

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense»[121].

Таким образом, все свободно могли говорить правду о пороках общества и находили себе приют в «Собеседнике». Из свидетельства самого журнала мы знаем, что в редак-

цию «присылались с легкою и тяжелою почтою из всех концов России огромные кучи разнообразного вранья» и что выбор был затруднителен для издателей[122]. Поэтому в составе книжек, в помещении таких именно, а не других статей, мы должны видеть, собственно, участие вкуса и направления издателей, в особенности когда имеем дело со статьями неизвестных авторов, принадлежащими, может быть, лицам, близким к редакции. Соображая все это, мы не отделяем особенно тех статей, которые приписываем самой княгине Дашковой, а будем рассматривать их вместе с другими неподписанными, а иногда даже и подписанными произведениями, имеющими тот же характер, и будем следовать порядку разных предметов, которые рассматриваются в этих статьях. Кроме «Послания к слову *так*» и кратких заметок в других статьях, сильную тираду против ласкательства находим в статье: «Моя записная книжка» [123]. Здесь передается мнение одного человека, которого приятель называет мизантропом. Вот это мнение: «Вельможа, украшенный титулами и чинами, более ни о чем не

помышляет, как сохранить только ту пышность и великолепия, которые его окружают, и удовлетворить свои страсти, какими бы средствами то ни было. Не погнушается он унижать себя всячески пред вышними, дабы иметь после удовольствие оказывать равномерную гордость низшим, а те, подражая его примеру, льстят его высокомерию, для того чтобы удовлетворить собственные свои пристрастия. Богатства и чины, будучи первым предметом желаний ваших, препятствуют вам почитать природные дарования, дабы приобрести благосклонность вельможи, каким ласкательствам, каким низкостям не должно себя подвергнуть? Потому-то не те занимают места, которые своим дарованием и знанием удобны ко исполнению, но те, которые имели случай, способность и терпение приобрести себе покровителей»[124]. В других статьях говорится нередко с насмешкою о разных *милостивцах*, а в статье «Картины моей родни»[125] выведена тетушка, которая говорит: «Кто родню забывает, а особенно знатную, в том нет уже божией благодати», и за то, что племянник редко ездит к ней *покла-*

няться, называет его «беззаконником и даже антихристом».

Все это такие черты, которые и донныне не утратили своего значения. Они резко характеризуют те грубые понятия, тот жалкий образ поведения, который произошел у нас от смешения старинного невежественного барства с новым чиновничеством. Как во всем почти, у нас тогда и в этом деле обратили внимание только на внешность. Перестали гонять собак и жиреть в бездействии в глуши деревень своих, стали служить дворяне со времен Петра I; но чувство долга, сознание того, что они обязаны именно *служить*, а не считаться на службе, и служить для того, чтобы быть полезными отечеству, а не для своих выгод, — это сознание было еще недоступно даже большей части вельмож того времени. Службу считали средством для получения чинов, для приобретения богатства, и потому вместо того, чтобы служить, все только прислуживались, а потом, выбравшись в люди, сами начинали важничать и требовать, чтобы пред ними унижались другие. И выслужившийся вельможа пускался опять в древнее барство,

только менее, чем прежде, простодушное, а более требовательное и нахальное. Против этого тщеславия внешними отличиями «Собеседник» тоже бросил мимоходом несколько слов, показывая, как они ничтожны и как часто бывают незаслуженны.

С благородным жаром говорит об этом Фонвизин в письме своем по поводу ответов на его вопросы. «Мне случилось по земле своей поехать, – говорит он. – Я видел, в чем большая часть носящих имя дворянина полагает свое любочестие. Я видел множество таких, которые служат или паче занимают места в службе, для того что ездят на паре. Я видел множество других, которые пошли тотчас в отставку, как скоро добились права впрягать четверню. Я видел от почтеннейших предков презрительных потомков, – словом, я видел дворян раболепствующих»[126]. В «Челобитной российской Минерве» Фонвизин так же резко говорит о многих вельможах, которые, «пользуясь высочайшей милостию, достигли до знаменитости, сами не будучи весьма знамениты, и возмечтали о себе, что сияние дел, Минервою руководствуемых, проис-

ходит якобы от искр их собственной мудрости, ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы их суть умы жалованные, а не родовые, и что по штатным спискам всегда справиться можно, кто из них и в какой торжественный день пожалован в умные люди». Подобную заметку находим в статье «Путешествующие»[127]. «Многие из знатных и богатых, – говорит автор, – мыслят, что если кто не причастен благ слепого счастья и щедрот Плутуса, тот недостойн с ними сообщения; а те, которые уже совсем в бедном состоянии, те им кажутся не имеющими на себе подобного им человечества»[128]. Пример тому, как достигается эта знатность, представляет нам злая сатира: «Повествование глухого и немого» – в IV части «Собеседника». – «Сосед наш, – там сказано, – имел у двора ближнего свойственника и нелицемерного друга. Сия знаменитая особа был дворцовый истопник Касьян Оплеушин, получивший свое прозвище по данной ему от гоффурьера оплеухе за то, что однажды печь закрыл с головнею. Я думаю, однако ж, и всегда был того мнения, что гоффурьер поступил на сию крайность,

последуя более своему первому движению, нежели правосудию, ибо Оплеушин был такой мастер топить печи, что те, для которых он топил, довели его своею протекциею и до штаб-офицерского чина»[129].

Люди, получавшие чины и места таким образом, не могли бескорыстно исполнять своих обязанностей, и оттого между чиновниками господствовали продажность, плутовство, приказные увертки, направленные к преступному искажению для своих выгод существующих законов. Это обстоятельство тоже не укрылось от сатирической наблюдательности сотрудников «Собеседника», и в нем встречаем несколько горячих нападков на корыстолюбие, несколько резких картин, представляющих нам, как велико было зло в это время. В «Записной книжке» рассказан следующий случай. Автор заезжает к соседу своему Аггею и застаёт у него какого-то капрала, которому сосед рассказывает, что он, капрал, – законный и правильный наследник пятидесяти душ крестьян; но, прибавил он, «понеже ты человек неимуций и не знающий законов, то я, сжался на твое состояние, соглашаюсь у

тебя купить сие имение, и ежели ты дашь мне на оное купчую, то сначала даю тебе 50 рублей, а ежели выхлопочу дело, то еще 100 прибавлю. Нововыисканный сей наследник, который и сам не знал своего благополучия, благодарил ему и обещал купчую совершить. Я не налюбовался на великодушие моего соседа, который сими способами нажил уже изрядное имение». Затем приходит один приказный и показывает, как вывел он родословную какого-то Елисея, который уступает пустошь соседу Аггею, и доказал, что Елисей, «по мужескому колену двоюродного его брата внучатный племянник». «Ничего нет легче, – прибавляет он, – как вывести оное в родословной и показать его законным наследником, хотя, между нами будь сказано, и есть правильнее его наследники, но они об этой земле совсем не знают, и нам легко будет их утаить или написать мертвыми; когда же купчая совершится и они про то сведают, то пусть просят и отыскивают законным порядком, а между тем как в справках и выписках пройдет лет десятка два-три, то можете вы весь лес вырубить и продать, а луга отдавать

знаем и ежегодно получать с них втрое больше доходу, нежели вы за всю сию дачу заплатите»[130].

Подобные вещи делались в Петербурге. О том, что происходило в провинциях, дают понятие следующие строки из IV части «Собеседника»: «Другой сосед наш был титулярный советник Язвин, знаменитого подьячего рода. Он купил воеводское место в Кинешме за 500 рублей, т. е. за тогдашнюю обыкновенную таксу воеводских мест средних городов. Всякое время имеет свои чудеса. Ныне часто деревни в города обращаются; тогда нередко города преображались в деревни. Город Кинешма подпала под сей несчастный жребий. Лишь только Язвин в него прибыл, казалось, что в него сама язва ворвалась. В первое еще лето его благополучного воеводства уже во всем уезде богатии обнищаша и взалкаша. В два года опустошение сделалось в том крае всеобщее; наконец услышано стало моление убогих, и на смену Язвина прислан был из Петербурга воеводою коллежский асессор Исай Глушцов. Между тем Язвин купил деревню в нашем соседстве и в нее переселился»

[131]. Замечательно, что здесь не оставлена без внимания эта последняя черта, характеризующая ловкость тогдашних плутов увертываться из рук правосудия. Казалось бы, правительство увидело бесчестные поступки воеводы, признало его недостойным оставаться при прежней должности, и за все его преступления он должен понести заслуженное наказание; но нет! он выходит в отставку и преспокойно переселяется в грабежом приобретенную деревню наслаждаться наворованным добром. К сожалению, нельзя не заметить, что эта черта подмечена слишком верно. Конечно, не без намерения также сказал автор, что на место *Язвина* прислан был *Глуцов*. Это напоминает стихи из сатиры Капниста:

*Куда ни кинь, так клин: тот чистен,
так глупец;
Другой умен, так плут, ханжа,
обманщик, льстец[132].*

В сатире этой, не пользующейся у нас известностью, которой бы заслуживала и из которой поэтому я решился сделать несколько выписок, находим также несколько стихов

против взятки. Автор говорит о своем приятеле Драче:

Драч совесть выдает свою за образец,
А Драч так истцов драл, как алчный волк овец.
Он был моим судьей и другом
быть мне клялся;
Я взятки дать ему, не зная его, боялся;
Соперник мой его и знал и сам был плут,
Разграбя весь мой дом, призвал меня на суд.
Напрасно брал себе закон я в оборону:
Драч правдой покривить умел и по закону.
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота:
Меня ж разграбили, меня ж и обвинили
И вору заплатить бесчестье осудили.

Любопытна также следующая заметка в

XII-й части «Собеседника»: «Дядя мой мешался в ученость и иногда забавлял себя чтением древней истории и мифологии, оставляя указы, которые он читал не для того, чтобы употреблять их оградой невинности, но чтобы, силу ябеды присоединяя к богатству своему, расширять своего владения земли, что он весьма любил, – и для того-то любил паче всего читать римскую историю. Насильственным завладением чужого находя он великое сходство в себе с Римскою империею, почитал потому себя древним римлянином»[133].

Не приводим здесь нескольких мелких заметок о том же предмете, потому что и из приведенных, кажется, можно хорошо видеть, как живо, умно и смело нападал «Собеседник» на сутяжничество и взяточничество, и из этих нападений можно заключать, как сильно распространен был у нас этот порок. Не удивительно, что многие сердились и восставали на издателей за подобные обличения; но они имели тогда щит, отражавший все нападения. Сама императрица ободряла сатириков своим примером, и они умели этим воспользоваться. Замечательно, что,

несмотря на всю силу и едкость некоторых статей «Собеседника», на них нет жалоб порочных людей, которые себя в них узнавали; но зато очень много помещалось в «Собеседнике» писем, в которых разные лица жаловались на «Были и небылицы», осмеявшие их. Видно, что редакция, зная автора их, недоступного никаким осуждениям, нарочно помещала подобные письма в своем журнале, чтобы таким образом оградить от нареканий и свой образ действия в этом случае.

Обличая плутовство и корыстолюбие чиновников, «Собеседник» преследовал и всякий обман, всякий нечистый поступок, приносящий вред материальному благосостоянию ближнего. Особенно подвергались его негодованию люди, не платящие долгов своих и мотающие на чужой счет. Во II книжке напечатано коротенькое письмо г. *Редкобаева*, который просит издателей «написать что-нибудь такое, что бы принудило молодчиков, да и родителей их, платить долги»[134]. В ответ ему говорится, что действительно не платить долгов нечестно и что притом это вредит торговле, потому что купцы, по необходи-

мости, пропавшие суммы в долгах наверстывают на покупателях, возвышая цену на товар. Вслед за тем напечатана статья под заглавием: «*Покорно прошу прочесть*», в которой рассказывается история *одного человека*, который разорился для своего милостивца, был им принимаем как свой и долго пользовался его ласками. Но когда дело пришло до платежа денег и разорившийся клиент напомнил ему о деньгах, которые тот должен был заплатить, то милостивец запер для несчастного свои двери и оставил его на произвол кредиторов, которые захватили все его имение и пустили его по миру. Другой несчастный, замешанный в эти же долги, попал в тюрьму и приговорен был к ссылке; но, заключает бедняк рассказ свой, «великодушные общего нашего милостивца, большого боярина, участь его облегчило. Он взял его на выкуп и возмечтал, что он тем долгу человеколюбия и правосудия удовлетворил совершенно»[135].

В IX части «Собеседника» помещены «Записки разнощика», который описывает, как он собирал долги свои. «Обходив несколько

домов для сбора должных мне денег, в ином завтраками отпотчевали, в другом отослали до будущего понедельника, в третьем не доложили госпоже за болезнь, которая приключилась ей от того, что птичка ее вылетела из клетки и любимая собачка переломила ножку; одним словом: вместо трехсот рублей, которые считал я тот день получить, тринадцать рублей мне отдал тот из должников моих, который бы скорее извинен был в неисправности, ибо он всех прочих беднее»[136].

Вообще всякий обман, предательство, вероломство встречали сильное обличение в «Собеседнике». Этого касаются отчасти даже «Были и небылицы»; но гораздо сильнее говорят против того другие статьи. В XIV части помещен целый рассказ «Клеант», в котором выведен человек, обманывавший своего друга ложною преданностью и между тем клеветавший на него.

В сатире Капниста есть стихи:

*Злохват бежит ко мне, прижав к
грудь, целует
И благодетелем и другом имену-
ет,*

*Клянется, что он всем пожертво-
вать мне рад,
И клятвами острит коварной
злости яд.
Он рвется, мучится, отчаяньем
мятется,
Пока конца моей он жизни не до-
ждется[137].*

В IV части находим общее обвинение; отец говорит сыну: «я испытал, что обращение светское и служба за собою влечет предательство, ухищрения, зависть, злоключения и самое умерщвление духа»[138].

Видно, что, в самом деле, понятия об истинной чести и честности были весьма мало тогда развиты в нашем обществе: иначе трудно объяснить себе такое невольное обвинение, особенно в устах отца, поучающего сына своего на путь жизни.

Как самый отвратительный вид двоедушия, ханжество и пустосвятство также вызвали порицания и насмешки в «Собеседнике». Нельзя не сказать, что насмешки эти очень удачны и остроумны. В них схвачены черты очень резкие и в самом деле поразительные.

Например, в «Повествовании глухого и немого» честный воевода Язвин характеризуется еще следующей чертой: «Однажды украл он из нашего табуна 12 лучших лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тех же краденых конях отправился в Ростов богу молиться»[139].

В «Картинах моей родни» постная тетушка хвалит своего брата за то, что он не жжет восковых свеч дома. «Уж ныне люди до чево дошли, – говорит она, – что не только равняются, но хотят перевысить иконы. Я и им, светам, по разбору ставлю. Иные у меня белого (воска) и в праздники не видят, а и желтым так же таки пробавляются». Эта богомольная старушка оказывает особенное расположение одному племяннику, который «заслужил сие равною с ней охотою замаливать то, что вместе согрешат, а после опять нагрешить, чтоб иметь удовольствие замаливать»[140]. Эта же почтенная старушка старается поддержать гнев своего брата на слуг, «несмотря на то, что она лишь с церкви от вечерни приехала» [141]. Эти слова замечательны для нас потому, что они показывают в авторе статьи свет-

лый взгляд на истинное благочестие. Не в исполнении пустых обрядов, но в чистой любви к человечеству поставляется здесь угождение богу. И мысль не случайно попадает здесь. Она встречается очень во многих статьях «Собеседника», и почти в каждой книжке можно найти или положительное провозглашение обязанностей человеколюбия и сострадания, или сильное обличение жестокосердия, презрения к ближним и грубых проявлений эгоизма. Не представляя рассуждений «Собеседника», возьмем несколько отрывков, которые могут дать понятие о лицах, какие описаны в нем и какие, конечно, бывали у нас в то время.

В первой же книжке «Собеседника» помещена статья «Приятное путешествие», в которой рассказывается, между прочим, следующий эпизод. К одному богачу, во время богатого обеда в его загородном доме, является бедная женщина, которой муж был благодетелем этого богача. Увидав ее в окошко, хозяин начал роптать на беспокойство, которое ему причиняют бедные люди. Когда же она пришла, то он на все мольбы о помощи ей и

малолетним детям ее отвечал сухо, что помочь ей не может, что издержки его и без подаяния велики. Таким образом, отказав ей, он еще оскорбил ее названием нищей, замечает автор. «Преисполненный омерзением, автор вышел и уже к недостойному тому богачу более не возвращался»[142]. Затем следует еще несколько резких обличений на бездушных богачей. Несколько таких выходов есть также в статье «Путешествующие»[143], при рассказе одного подобного случая. Какой-то несчастный, будучи в Лондоне, обратился здесь к своему министру, в надежде, как у земляка и человека, найти у него прибежище; но «знатный мой, ополчась своим величием, бедняка и до лица своего не допустил». Бедняк принужден был наняться в матросы на одном судне, чтобы иметь возможность возвратиться в отечество[144].

В XIII части есть статья «Приключение», которой содержание состоит в том, что проезжему, заблудившемуся в пути, встречается барин, возвращающийся с охоты, и на просьбу о помощи отвечает: «Мне не до вас: я, право, не ужинал, так спешу домой». Потом

встречается дровосек и приглашает проезжего к себе в избушку[145]. Это опять дает повод автору к нескольким горячим словам обличения. В IV части выведена еще любопытная личность майора Щелчкова «из солдатских детей, по жене разбогатевшего». «Лучшая его в деревне забава состояла в том, чтобы, выбрав сильных мужиков, ставить их на колени и щелкать по лбу. Он в сем искусстве так отменно был силен, что во всем его селе не было лба, у которого бы он одним щелчком не отшибал памяти»[146]. Этот человек делал что хотел в уезде, и на него не было никакого суда: «ибо воевода и с приписью подьячий, с женами и детьми, были не что иное, как твари, питавшиеся от крупниц, падающих из майорского дома». Кто знает нравы нашего общества того времени, особенно провинциального, тот оценит справедливость и грустное значение этих замечок.

Но ни на что не обращалось в «Собеседнике» столько преследований, как на легкое поведение тогдашних женщин и на слепое пристрастие ко всему французскому. По замечкам современников, по целой литературе

екатерининского времени мы знаем, как распространены были действительно эти недостатки в тогдашнем обществе (60). И это было великое дело – восстать на пороки сильные, господствующие, распространенные во всех классах общества, начиная с самых высочайших, и чем выше, тем больше, по крайней мере в отношении к первому. Смотря на эту сильную, настойчивую борьбу с главнейшими недостатками эпохи, нельзя с сожалением не припомнить нашей литературы последнего времени, которая большею частью сражается с призраками и бросает слова свои на воздух, которая осмеливается нападать только на то, что не простирается за пределы какого-нибудь очень тесного кружка или что давно уже осмеяно и оставлено самим обществом. Это тем более досадно, что с нынешними своими средствами она могла бы сделать гораздо больше для общества, нежели в то время, когда она сама еще едва выходила из пеленок (61).

Резкость и бесцеремонность выражений, в которых описывается в «Собеседнике» тогдашний разврат, может показаться стран-

ною и неприятною для утонченных нравов нашего времени, которые позволяют делать некоторые вещи, но не позволяют говорить о них. Принимая в уважение это обстоятельство и не видя надобности приводить доказательства на столь общеизвестный предмет, мы удержимся здесь от выписок из статей, в которых особенно резко изображаются отношения тогдашних женщин к мужьям и пр. В каждой книжке «Собеседника» можно найти непременно насмешливое описание какой-нибудь четы, или госпожи с *господчиком*, или просто госпожи, излагающей свои понятия об этом предмете. Есть также несколько эпиграмм, в которых все остроумие вертится на слове *рогатый*. Вот, например, одна для образчика:

*Филинт искал купить хорошую
картину,
Изображающую рогатую скотину;
Он в лавку только лишь ступил,
То зеркало купил[147].*

До какой степени доходило расстройство всех семейных отношений, можно видеть из нескольких стихов в «Послании к слову *так*».

Здесь жена просит мужа позволить ей *помахать* (техническое слово тогдашнего времени) для того,

*Чтоб свету показать, что мы
живем по моде.*

Муж *по моде* потакает ей, и она продолжает:

*Mon coeur très obligé[148],
Ведь верность наблюдать, конечно,
préjugé?[149]
И верность в женщине не глупости ли знак?
Тут муж ей говорит: «Так, маменька, так, так»[150].*

В этой же части помещено будто бы полученное издателями письмо от одной дамы, жалующейся на своего мужа, который не дает ей *махать*. «У него такие идеи премудреные, – говорит она, – он совсем не слушает зону, а еще умным человеком считается. Я ему тысячу примеров насказала, да он мне отвечает теми же глупостями. Я не знаю, что мне с ним делать. Он, конечно, видит, что в хороших сосиететах за порок не почитают ма-

хоть от скучных мужей и что, напротив, таких женщин везде хорошо принимают; а ежели бы маханье было порок, то бы, всеконечно, их в хороших домах не ласкали. Но со всем тем муж мой все при старых каприсах остается»[151].

Таким образом, видно, что разврат вошел в обычай, в моду и даже считался признаком образованности. Многие тогда не женились только потому, что «*c'est chi bon ton*[152] – быть холостым», как сказано в другой статье [153]. Следовательно, моде этой подражали равно мужчины и женщины.

В «Собеседнике» есть несколько статей, собственно посвященных этому предмету. Таково письмо, из которого приведена выписка [154], «Исповедание жеманихи»[155], «Прогулка»[156], «Маскарад»[157]. Кроме того, много заметок рассеяно мимоходом в других статьях. Даже «Были и небылицы», в которых никак нельзя ожидать рассказов о подобных предметах, касаются их нередко[158]. Впрочем, нельзя не отличить в этих нападениях двух сторон: одна – на самое дело, – и это на смешки, очень невинные и снисходительные;

другая – на те средства, которыми хотят привлечь к себе, – на щегольство, *прикрасы личные* и пр. Эти нападения жестокие и нещадные. Видно, атмосфера до того была заражена, что даже лучшие люди не могли вполне понять гадости самого порока и смотрели на него как на вещь очень обыкновенную и неважную в сущности, заслуживающую порицания только смотря по форме, в которой она проявляется. Из всех статей «Собеседника» видим, что тогда разврат женщин осуждали только с одной точки зрения – за то, что здесь находили обман. Сущность же дела казалась очень милою, привлекательною и вовсе не незаконною. Доказательств можно найти тысячу в литературе того времени: в сочинениях Державина, Богдановича, Фонвизина, Майкова, Екатерины и пр., даже в статьях «Собеседника», даже в тех самых статьях его, которые вооружаются против «развращения». В первой книжке «Собеседника» помещена идиллия «Вечер», в которой рассказывается встреча пастуха вечером в роще со спящею, разметавшеюся пастушкою [159]{37}. *Идиллия* эта не отличается большою скром-

ностию и напоминает Богдановича в сцене задуманного самоповешения Душеньки. Вероятно, это и нравилось тогда. Каковы были требования тогдашних барынь от мужчины, видно отчасти из одного намека в «Записной книжке». Две женщины восхищаются одним молодым человеком, и на вопрос: что они нашли в нем хорошего? – одна отвечает: «Ах, неужто ты этого не заметила? Посмотри, пожалуй, какой рост!..» «Он головою выше моего мужа», – пресекла другая[160]. Взгляд на самую любовь был совершенно чувственный. Вот, например, для доказательства начало оды «К любви», из «Собеседника»:

*О ты, что чувства в нас питаешь,
Томишь и услаждаешь кровь,
Приятну страсть в сердца влива-
ешь,
О ты, божественна любовь...[161]*

Смотря на любовь как на волнение крови, конечно нельзя было иметь строгого взгляда на семейную нравственность.

Но корень всему злу было французское воспитание, и на него-то обращена большая часть самых ожесточенных нападений. При-

чина этого настойчивого преследования объясняется отчасти тем, что тогдашнее волнение умов во Франции грозило многим и в политическом отношении, отчасти же и тем, что княгиня Дашкова, понимавшая истинную сущность дела, естественно должна была негодовать, видя, как русские люди, знакомясь с литературой и нравами Франции, перенимали самое пустое, самое глупое, самое ничтожное, не обращая внимания на то, что составляло действительное сокровище, что могло в самом деле образовать и облагородить человека. Эти две причины, до некоторой степени противоположные, если рассмотреть их внимательно, произвели, однако ж, одно следствие: осмеяние пустого подражания французам (62). В этих насмешках попадает несколько характерных черт, которые могут служить любопытным выражением нравов того времени.

Иметь учителя француза или *мамзель* француженку считалось необходимым в порядочном семействе. Автор статьи «О воспитании» говорит: «Нередко случалось слышать, особливо в замоскворецких съездах

или беседах: «Что ты, матушка, своей манзели даешь?» – «Дарага, проклятая, дарага! Да что делать! хочется воспитать детей своих благородно: 180 руб. деньгами, да сахару по 5 и чаю по одному фунту на месяц ей даю». – «И, матушка, я так своей больше плачу: 250 руб. на год да домашних всяких припасов даю довольное число. Правду сказать, зато она уже моет кружево мое и чепчики мне шьет, да и Танюшу выучила чепчики делать. Нынче, матушка, уж и замуж дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умеет, а ведь постричь ее нельзя же. Как быть! Да я и сама таки люблю французское благородство и надеюсь, что дочь моя в грязь лицом не ударит»[162]. При таком воспитании, при таких руководителях с первых лет жизни основательного образования, разумеется, нельзя было и ожидать. И вот выходили молодая девушка или молодой человек с презрением к отечеству, с беспредельным благоговением ко всему французскому, с легкой головой, с пустым сердцем – словом, нечто вроде соллогубовского Ивана Васильича с своей матушкой{38}. У девушки тотчас является же-

вание иметь *petite sante*[163] и тратиться выше состояния на французские накладки, шпильки и булавки. Об этом много говорится в «Собеседнике» и в статье «О воспитании» и в других, например в «Письме некоторой женщины»[164], при котором есть даже примечание издателей, подсмеивающееся не над безнравственностью его, а над тем, что в нем много французских слов. То же есть в «Записной книжке» сначала[165], в «Подражании английскому «Зрителю»»[166], в «Прогулке»[167], в «Вечеринке»[168], во «Французской лавке»[169] и пр. Не делаем выписок, потому что и без того слишком много выписывали; притом из этих выписок мы узнали бы нового разве только то, что тогда была мода носить дамам высокие каблуки, растрепанные волосы, румяниться и притираться, что были в употреблении:

Флер, креп, лино, цветы, и перья, и накладки[170].

И здесь, впрочем, зло было слишком сильно, и «Собеседник» старался только уменьшить, а не истребить его. В статье «О личных

прикрасах» он прямо сознался, что есть «необходимо нужное зло»[171].

Молодой человек тогдашнего времени при малейшей возможности отправлялся в *вояж* и прямо направлял путь свой в Париж. В дороге он ограничивал свою наблюдательность трактирами, честолюбие его удовлетворялось названиями сиятельства и светлости от трактирной прислуги; любознательность не шла далее покроя платья. В самом Париже изучал он модные лавки, гулянья, лореток и даже спектакли – для того чтобы знакомиться с актрисами. Возвращаясь в отечество, он исполнялся горестию, что должен со слугами объясняться не по-французски и что нельзя между невеждами вести образованной парижской жизни. С полным презрением ко всему родному, с совершенным отсутствием серьезного образования, эти люди были уверены, что они обо всем могут судить очень дельно, и потому говорили обо всем решительным образом, пренебрегая все то, что видят дома, а решения свои считая выше всякой апелляции, потому что были в Париже. Так «Собеседник» описывает русских путешественников конца

прошедшего века в статьях своих: «О воспитании»[172], «Просвещенный путешественник» [173] и «Путешествующие»[174]. К этому можно прибавить характерную заметку мизантропа из «Записной книжки». «Молодой путешественник, – говорит он, – спешит в Париж, чтобы перенять разные моды и со вкусом одеваться, в Рим – чтобы посмотреть на хорошие картины, в Лондон – чтобы побывать на конском ристании и на драке петухов; но поговорите с ним о нравах, законах и обычаях народных, он скажет вам, что во Франции носят короткие кафтаны, в Англии едят пудинг, в Италии – макароны»[175].

Таким образом, не мудрено поверить, что в обществе царствовали величайшее легкомыслие, пустота и полное невежество в отношении ко всем вопросам науки и литературы. Просвещенный путешественник говорит, что он не крестьянин, чтобы ему интересоваться успехами сельского хозяйства и задачами политической экономии; что он не будет составителем календарей, чтобы ему заниматься математикой и физикой; что он не секретарь, чтобы тратить время на изучение

прав народных. При господстве такого образа мыслей легко могло произойти то, что утверждает мизантроп: что если два человека с талантами в обширном городе встречаются, то так друг другу обрадуются, как двое русских, которые бы в первый раз встретились в Китае. О невежестве встречаем довольно свидетельств в «Собеседнике». Эти свидетельства нужно разделить на два рода: одни относятся к тем, которые не хотели знать литературы и науки, другие – к тем, которые сами пускались в писательство, но тоже умели доказывать свое невежество.

В отношении к первому роду невежд мы находим такого рода данные. Множество было людей, которые ни о чем больше говорить даже не умели, как только о собаках; [176] другие, имея претензию на высшую образованность, посвящали все свое время танцам, клавибордам или скрипке и разговорам о театре; [177] третьи заботились о том, «чтоб издавать наряды своим соотечественникам» и забавлять компанию разговорами, не заботясь о том, правду или нет говорить придется [178]. Таким образом, когда дело доходило до се-

рѣзныхъ вопросовъ, то подобныя господа решительно терялись. В XI-й части «Собесѣдника» помещено письмо одного священника, который говоритъ: «Недавно в немаломъ благородномъ собраніи предложенъ былъ, между прочимъ, высокоблагородному важный вопросъ: что есть богъ? – и по многимъ преніямъ многіе сего общества члены такіе опредѣленія сей задаче изыскивали, что не безъ сожаленія можно было приметить, сколь много подобныхъ симъ найдется мудрецовъ, за то одно не знающихъ святости христіанскаго закона, понеже никакого о немъ понятія не имеютъ»[179]. Отъ этого бессилія передъ вопросами, требующими серьезнаго размышленія и положительныхъ знаній, развился в то время и остался, кажется, надолго в употребленіи у полужнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ в стихахъ г. Х. Х.[180]:

*Не мыслить ни о чемъ и презирать
сомнѣнье;
На все давать тотчасъ свободное
решенье;
Не много разуметь, о многомъ го-
ворить;*

Быть дерзку, но уметь продержо-
стями льстить;
Красивой пустошью плодиться в
разговорах;
И другу и врагу являть прият-
ство в взорах;
Блестать учтивостью, но чтя,
пренебрегать;
Смеяться дуракам и им же пота-
кать;
Любить по прибыли, по случаю
дружиться;
Душою подличать, а внешностью
гордиться;
Казаться богачом, и жить на
счет других;
С осанкой важничать в бездели-
цах самих.
Для острого словца шутить и над
законом,
Не уважать отцом, ни матерью,
ни троном;
И, словом, лишь умом в поверхно-
сти блестать,
В познаниях одни только цветы
срывать;
Тот узел рассекать, что развя-
зать не знаем, —

Вот остроумием что часто мы считаем.

Но у кого недоставало душевной наглости и для того, чтобы хоть так отделяться от вопросов, тот просто не допускал их в свою голову. А делалось это очень просто. Прибежали для того к карточной игре[181], к сплетням [182], к вину[183]. Иные от праздности придумывали еще лучшее занятие. Например, в «Картинах моей родни» тетушка для развлечения принимается ругать слуг, а муж ее, опасаясь, чтобы после того, как она всех перебранит, и ему не досталось, помогает супруге нападать и «продолжает всячески гнев ее на слуг, спасительный для него»[184]. Некоторые от нечего делать занимались гаданьем на картах[185], придавая, впрочем, ему серьезное значение. Если еще и теперь можно встретить верующих этому гаданью, то в то время их, конечно, было несравненно больше, судя по образчикам тогдашнего суеверия в других родах. Тогда, например, не верили врачебной науке и считали грехом лечиться: об этом говорит «Собеседник». В четвертой части находим рассказ о человеке, который

ожесточен был против лекарств и еще более утвержден в своем предубеждении отцом игуменом на Перерве, куда он ездил молиться богу, – «его преподобие имел такое мнение, что всякий доктор должен быть неминуемо колдун и что весь корпус медиков есть не что иное, как сатанино сонмище, попущенное гневом Божиим на пагубу человеческого рода»[186].

Общество, столь мало или столь превратно развитое умственно и нравственно, не могло, разумеется, отличаться сочувствием к литературе, – и это не раз замечено было в «Собеседнике», как дело весьма постыдное. В «Вечеринке» является один господин, который на вопрос, читал ли он «Душеньку», отвечал: «Не читал и не видал». – «Как – не видали?» – «Я думал, что ее когда-нибудь сыграют». – «Да это не драма, а сказка в стихах». – «А мне сказывали, что это комедия». – «Надобно знать, – прибавляет автор, – что господин этот выдает себя за человека просвещенного, за любителя наук и художеств»[187]. В письме к Капнисту сказано прямо, что «публика наша еще не очень охотно читает российские стихотворе-

ния (63):{39} ««Душенька» и многие другие сочинения в стихах лежат в книжных лавках непроданы, тогда как многие переведенные романы печатаются четвертым тиснением. Посему стихотворцы наши не могут еще без покровителей надеяться на одобрение публики»[188]. В последней книжке «Собеседника» описан один любитель чтения, который заставляет своего дворецкого читать себе книги, а сам в это время спит, по прочтении же отмечает своей рукой на книге: *прочтена*. «Зачем же вы это подписываете?» – спрашивают его. «А чтобы в другой раз не читать книги», – наивно отвечает он[189].

Но, выставляя на посмеяние подобных читателей, «Собеседник» не оставляет в покое и писак, которые пускались в литературу, особенно тех, которые писали по-русски французским складом. «Собеседник» сам иногда помещал у себя для смеху подобные произведения; но дорого стоила авторам их честь попасть в этот журнал. Над ними долго нещадно смеялись, разбирая по ниточке уродливые фразы их. Особенно досталось двум авторам; Любослову, который поместил в «Собесед-

ник» свою критику[190] и на первую часть его, мелочную, правда, но большую частью справедливую, и потом «Начертание о русском языке»[191], и еще автору одного письма к сочинителю «Былей и небылиц»{40}, приложившему при этом письме и свое предисловие к «Истории Петра Великого»[192]. Первого осмеяли за мелочную придирчивость и за напыщенность выражения, второго – за то, что, «пишут по-русски, думая по-французски» и написал свое предисловие совершенно по-французски, только русскими словами. За это особенно нападает «Собеседник», и дело это действительно было важно для литературы. Даже Карамзин жаловался, как известно, на то, что русскому писателю негде взять образца для своего языка, потому что все образованные люди говорят по-французски{41}. Обычай этот, усиливаемый французским воспитанием и, в свою очередь, поддерживавший его жалкое влияние, был особенно распространен в то время, и нельзя не отдать должной справедливости издателям «Собеседника» за старание противодействовать этому злу. Осмеивая неуместное употребле-

ние французских фраз в обществе, они тем сильнее осмеивали тех, которые с подобною привычкою принимались писать по-русски. Об одном из подобных сочинений «здравомыслящий человек» говорит: «Мне кажется, все сие написано по-французски русскими словами; если вам угодно, я переведу все сие сочинение на французский язык, и, возвратя оное в первобытное состояние, оно более смысла иметь будет, нежели теперь в русских словах оно содержит. Автор же этот, хоть верхом или инако во французском шаре летать будет, пока по-русски не выучится, русским сочинителем не будет»[193].

Плохим стихотворцам тоже доставалось от «Собеседника», особенно в эпиграммах. Вот одна из них:

*Глупонов написал и прозу и стихи,
Чтоб всякому читать за тяжкие
грехи.
Хоть грешников и есть на свете
очень много,
Но их наказывать не должно
слишком строго[194].*

На плохих рифмоторцев нападает и Кап-

нист в своей сатире, сожалея, что можно прекратить злодеяния страхом наказаний, но никак нельзя стихотворцев заставить «без смысла не греметь», —

*Не ставить на подряд за деньги
гнусных од
И рылом не мутить Кастальских
чистых вод.*

А что подобных писак было и тогда очень довольно, свидетельствует «Искреннее сожаление об участии издателей «Собеседника», в котором сказано: «Присылаемые к вам разноманерные пакеты, запечатанные то пуговкою, то полушкою, правда, наполнены стихотворениями; но по сколько добрых стихов на сто худых? Я уверен, что не находится тут ниже по шести на сто указных процентов»[195]. Письмо сочинено, очевидно, в редакции, и потому его уверенность можно принять за положительное показание.

«Собеседник» открывает нам еще одно странное явление тогдашней литературы. Были люди, которые нанимали других, чтобы написали для них сочинения, которые они потом издавали под своим именем. Этот обы-

чай, как видно, тоже принесен из Франции, где он получил освящение от знаменитого Ришелье. Факт этот рассказывается в статье: «Счастливое излечение зараженного болезнью сочинять»[196]. Статья незначительна сама по себе; содержание ее взято из одного анекдота, помещенного еще в «Письмовнике» Курганова (64). Он состоит в том, что двое молодых людей вздумали уверять своего приятеля, что он слеп, и для того среди темной ночи, когда он спал, подняли спор об одном слове, которого будто бы не могли разобрать в одной тетради. Проснувшись от шума, он спросил, о чем они спорят, и они попросили его разобрать, что тут написано. Он сказал, что без огня не видит; они начали смеяться над ним и уверяли, что теперь день. Таким образом он уверился, что ослеп. Разница между рассказом «Письмовника» и «Собеседника» та, что там друзья решаются настраивать приятеля за богохульство, в котором он упражнялся с вечера, а здесь за то, что он оскорбляет божество Талии, осмеливаясь писать комедии по заказу одного господчика, который, побывав в Париже (как видно, это было в гла-

зах издателей необходимое условие глупости), слыл между дворянами великим умником, да и от мещан тоже хотел получить дань поклонения своему гению.

Мы рассмотрели большую часть нравоучительных статей «Собеседника», в которых являются сколько-нибудь живые личности, сколько-нибудь действительная жизнь. При этом мы не брали во внимание всем известных произведений Державина, Фонвизина, Богдановича и пр., которые могут еще дополнить картину тогдашних нравов, представленную в «Собеседнике». Нельзя не видеть, что в этих статьях более выводится на сцену дурная сторона нравов, и за это нельзя осуждать «Собеседник». Еще в наше время испытал неудачу в создании идеальных русских лиц писатель, которому равного, конечно, не представит прошедшее столетие в нашей литературе{42}. А между тем наше время уже далеко не то, что тогдашнее. Тогда, как видим из «Собеседника» же, старинные предрассудки, невежество, грубость сердца, суеверие, боярская спесь упорно еще боролись против просвещения, насильно вторгавшегося в рус-

скую жизнь. Но остановить распространение света они не могли, и молодое поколение жадно бросилось перенимать французский ум, французские нравы и переняло, разумеется, настолько, насколько можно перенимать ум и нравы. Все было искажено, все перешло в одни пошлые, заученные формы без души, потому что все внимание обращали только на внешность, не думая о том, что под нею скрывается. Да и самая внешность эта была не понята и, поразив сначала удивлением непривычных людей, скоро потом переходила к нам в чудовищных искажениях. Так, французская свобода обращения в переложении на наши нравы сделалась семейным развратом, французская веселость – шутовством, их легкомыслие и беззаботность – презрением ко всяким серьезным занятиям, их насмешки над предрассудками – кощунством, тем более отвратительным, что оно у нас не имело никакого внутреннего основания в личных убеждениях. Словом, что у француза было естественно, чем он был по своей природе, тем русский хотел сделаться чрез подражание и, таким образом, считая правилом

для себя то, что было только невольным движением подвижной природы француза, разумеется, впадал в крайности и достоинство обращал в недостаток, а недостаток – в отвратительный порок. Если, остепенившись потом, образованный по-тогдашнему русский принимался за дело, за службу, то выходило еще хуже. Из всего французского учения он понимал, конечно, легче всего то, что уничтожало предрассудки, которым он прежде верил, но взамен этих предрассудков философия того времени не давала ему никаких принципов, к которым бы мог привязаться, которые бы мог полюбить сердцем и мыслию человек, так мало приготовленный к философским отвлеченностям, как были тогда французившиеся русские. Плоды многолетних, тяжелых размышлений, идеи, добытые вековыми горькими опытами и разочарованиями, пролетали чрез головы наших *господчиков* в несколько дней и, не переваренные, часто не понятые или понятые наизусть, оставляли только в сердце пустоту, а в голове – несколько новых фраз, которые при первом же случае и пускались в оборот, без убеждения и без сознания.

Таким образом, они оставались совершенно мертвым капиталом для своих владельцев, не сообщая им убеждений чести и добра, а только освобождая их от страха, в котором держали их прежние верования. Нечего говорить о том, каков должен был сделаться в жизни человек, потерявший всякий страх перед каким-нибудь судом внешним и не имеющий благородства внутреннего. Самый грубый, самый гадкий эгоизм делался пружиной всех действий, и – распложились люди такого рода, какие описаны в стихах «Модное остроумие». Все это горькое переходное время тяжело отразилось на русском обществе, и нельзя не отдать чести «Собеседнику» по крайней мере за то, что он понял нелепость этого положения и старался выводить на общее посмеяние как упорное старинное невежество, так и пустоцвет французской цивилизации, столь дурно усвоенной у нас тогдашними молодыми людьми. Если не прежде всех, то сильнее всех восстал он на употребление французских фраз в русском разговоре, на французское воспитание и на обольщение одною внешностью образования; первый за-

говорил он с такою энергиею о человеколюбии и об уважении достоинства человека, осмеивая жестокость, грубость, презрение к человечеству. Не много предшественников имел он и в нападениях своих на женский разврат и безумную расточительность. Нельзя не согласиться, что стремления издателей «Собеседника» были честны и благородны, во всем издании нельзя не видеть печати просвещенного вкуса и бескорыстного желания добра, которые всегда отличали княгиню Дашкову в ее ученой и литературной деятельности.

Что касается до исполнения, то оно, конечно, не имеет тех достоинств, каких привыкли мы ныне требовать от литературных произведений. Прежде всего не понравится нам язык тогдашний, неустановленный, с формами старинными и простонародными, с галлицизмами и славянизмами и сбивчивой орфографией (65). Касательно этого обстоятельства есть замечания в самом «Собеседнике». Любопытно, что критиковали неправильности языка, а в предисловии к этим критикам в то же время издатели (вероятно, сама Екатерина) гово-

рили: «Один из издателей нижайше просит, чтоб дозволено ему было и не всегда исправные свои сочинения в «Собеседнике» помещать, так как он ни терпенья, ни времени не имеет свои сочинения переправлять, а притом и не хочет никого тяготить скукою поправлять его против грамматики преступления»[197]. В самом деле, хотя императрица прекрасно изучила русский язык, но все-таки это не был природный язык ее, и она никогда не могла привыкнуть к сбивчивой его грамматике, почему и признавалась открыто, что грамматики совсем не знает (66)[198].

В статьях других авторов тоже встречаются нерусские обороты, странные ныне окончания и т. п.; но сравнительно с общей массой литературных произведений того времени статьи «Собеседника» большею частью были написаны удивительно чистым и легким языком. Дурным изложением отличаются только статьи, над которыми сам же «Собеседник» смеется. Таковы – одно письмо к автору «Былей и небылиц», «Начертание» Любослова. «Начертание» это, впрочем, смешно только напыщенностию длинных периодов

во вступлении и заключении; из самого же изложения дела видно, что автор его серьезно занимался исследованиями филологическими. Так, он приводит более сотни слов, сходных в русском и латинском языках, и доказывает, что оба эти языка произошли от одного корня, что резко отличает его от тогдашних филологов, которые были помешаны на заимствованиях одного языка из другого и часто производили всё от славянского. В дальнейшем изложении, впрочем, и Любослов приближается к тому же, доказывая, что славянский древнее латинского, потому что в латинском есть *suadeo* как одно слово, а у нас оно является в своих корнях – с + вет, равно как слово *donee* = до + неле, *solidus* = со + лит (как бы *слитой*), и пр., и потому, что у нас есть первоначальные формы слов, которые в латинском являются в форме уже распространенной, например, око = *oculus*, небо = *nebula*, грач = *graculus* и пр. На этих немногих словах Любослов основывает свое мнение о древности славянского языка, простирающейся далее двух тысяч лет[199]. В критике своей Любослов делает много верных замечок, напри-

мер, восстает против употребления окончания глаголов на *ти* вместо *тъ*, против неправильных ударений в стихах, против неверной расстановки слов, против подобных фраз «избол глаза», «отверзив двери», «ты пишешь в сказках поучений», «отроча рождеи» и пр. Заметим, что Державин, впоследствии исправляя свои стихотворения, принял во внимание некоторые из этих замечаний (67).

Кроме этих произведений, в «Собеседнике» были еще следующие статьи, относящиеся к языку: «Сумнительные предложения одного невежды, желающего приобрести просвещение»{43}, где он делает несколько замечок на «Фелицу» и на некоторые другие стихотворения, помещенные в I части «Собеседника». В подстрочных примечаниях к его критике Державин и Богданович представили свои опровержения, которые оставили автора критики совершенно в дураках. Например, он замечает, что нельзя сказать: *нежить чувства*. Державин отвечает: «Если нет у г. Невежды прекрасной женщины, которая бы приятными своими объятиями нежила его осязание, то не благоволит ли он приказать себя кому хо-

рошенько ожечь или высечь. Когда сие ему сделает хотя небольшую боль, то вероятнее всех ученых доказательств из собственного своего опыта познает он, что оскорблять чувства, следовательно, и нежить, – можно»[200]. Вероятно, испуганный таким тоном, невежда более не являлся в «Собеседник» с своими сомнениями. По поводу предисловия к «Истории Петра Великого» написано прошение к гг. издателям, чтобы они не отягощали публику сочинениями, которые писаны языком неизвестным; в прошении есть и разбор некоторых фраз, не согласных с духом русского языка[201]. В той же книжке «Собеседника» помещено письмо{44}, представляющее набор каких-то слов без смысла, в виде пародии на сочинения Любослова[202]. В последней книжке последней статьей помещено мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении правописания з и с[203]. Здесь решено то, что ныне и принято, т. е. чтобы пред твердыми писать з, а пред мягкими с. Только странно, что здесь твердые (б, д) называются мягкими, а мягкие (п, т), наоборот, твердыми. Есть еще в I части маленькая за-

метка о правописании слова *драма*.

Более значительны статьи Фонвизина: «Опыт российского сословника»[204], с ответом на критику его против Любослова[205], и «О древнем и новом стихотворении» Богдановича[206]. Эти произведения, впрочем, так известны, что о них нет нужды говорить здесь, тем более что статьи Фонвизина заключают только определения слов, а статьи Богдановича состоят почти из одних выписок стихов Ломоносова.

Из произведений, имеющих предметом своим литературу, можно еще остановиться на письме Именотворителя[207]. Автор доказывает здесь важность имен в повестях особенно чувствительных. «Одно имя *Монними* и *Аемониды*, – говорит он, – в изобильные слезы нежную красавицу или сладкосердного молодца повергнет». Если же «сочинитель без вкуса станет описывать злосчастнейшие приключения, но называет героев своих *Брандышевыми*, *Брандаусовыми* и *Клонтубасовыми*, то впечатление теряется, и хотя никто оспорить не может, что *Брандаусов* и *Клонтубасов* имеют столько же права быть несчастными,

как какого бы имени христианин ни был» [208].

Для избежания этого неудобства Именотворитель предлагает свои услуги, так как он набрал до семисот французо-русских имен для романов да для ученых сочинений триста имен, содержащих каждое не менее тринадцати букв, чрез что в читателе возбуждаются доверенность и уважение. Много имен также собрано и для стихов, и притом они так остроумно сложены, что, по требованию стиха, можно и выпустить или прибавить слог совершенно незаметно. Важность имен доказывается здесь, между прочим, и тем, что есть много комедий, в которых всю соль составляют имена, изображающие собою характер лиц.

Таким образом, еще в 1784 году находим мы насмешки над тем, против чего принуждена была вооружаться наша критика в 30-х годах текущего столетия и что от времени до времени и теперь еще появляется в некоторых рассказах и комедиях. И в этом случае «Собеседник» далеко опередил свое время.

Но, рассматривая до сих пор светлую сто-

рону «Собеседника», мы еще не видели недостатков, составляющих его темную сторону. Недостатки эти происходили от не установившихся еще убеждений в самих писателях, от некоторого стеснения обществом, которое было еще не приготовлено понимать их чистые стремления, и от недостатка последовательности самим себе. Вообще в характере тогдашней литературы была какая-то двойственность, какая-то нетвердость в однажды начатом пути. Изобразив глупца, автор считал обязанностью рядом с ним поставить и умного, который бы объяснял и поправлял глупости первого; осмеяв ябеду, считали нужным заметить, что, собственно, судьи полезны и даже необходимы, но только честные судьи, и т. п. Видно, что и публика еще требовала назиданий, да и автор не надеялся на свои силы и хотел рассуждениями дополнить то, что опустил при изображении характера. Подобных рассуждений, оговорок, восклицаний много есть и в «Собеседнике». Есть целые статьи, предлинные и прескучные, дидактического направления. Иногда они облекались даже в аллегорическую форму, в которой, ра-

зумеется, становились еще скучнее. Таковы две статьи: «Египетская повесть»[209] и «Новейшее путешествие во сновидении»[210] В. Левшина. Первая рассказывает путешествие царевича *Ниня*, внука царицы *Идеи* (в которой нетрудно узнать Екатерину), в разные страны, для того чтобы отыскать, где обитают божества Правды, Человеколюбия, Мужества и Мудрости. Путешествие описано очень неискусно, и даже если в нем были какие-нибудь современные намеки, то теперь нет возможности понять их. «Египетская повесть» сама опасается, чтобы не навести на читателей *египетской скуки*, и нужно сказать, опасение ее сбывается совершенно.

«Новейшее путешествие» описывает нравы лунных жителей и содержит пространные размышления об эфире, о силе тяготения и пр. В авторе видно желание доказать преимущество патриархального, не мудрствующего о жизни народа – пред нами, зараженными новейшим просвещением. В изложении довольно ясно проскальзывают непонятые идеи Руссо. Один старик рассказывает Нарсиму-путешественнику о своей жизни и сооб-

щает ему свои понятия, которые Нарсиму и самому автору кажутся совершеннейшими. «Мы веруем во всевышнее существо, – говорит старик, – любим друг друга, занимаемся земледелием и скотоводством; прочие же науки, которые стали было выдумывать люди, не любящие трудов, отвержены. Кто пустится в разные выдумки, тому мы не даем есть, и голод всегда заставляет его образумиться. Законов никаких мы не имеем, потому что естественный довольно тверд в душах наших; природа же наша, старанием правителей семейств, осталась еще в той первобытной чистоте, в какой развернулась в первом человеке». Затем, для параллели, идет рассказ о земле, на которую путешествовал один из лунных жителей, Квалбоко. Сущность рассказа состоит в том, что все на земле дурно, что различие между дикими народами и просвещенными маловажно: «дикие производят то наглостью, что просвещенные делают искусством».

После этого следуют еще два отрывка из путешествия, не имеющие никакой связи. В одном говорится о египетских божествах и ги-

ероглифах, в другом описываются путешествие Квалбоко по России и его восторг и изумление при виде необыкновенно разумного и благодетельного устройства этого государства под державою премудрой монархии.

Обыкновенными дидактическими рассуждениями наполнены статьи: «Утро», «Полдень» М. Х., «Сокращенный катехизис честного человека», «Об истинном благополучии», «Письмо из Карасубазара», «Письмо о великодушных чувствованиях» Богдановича, «Письмо отца и сына», сообщенное Яковом Дол., «Подражание английскому «Зрителю»», «Некоторые рассуждения о смехе»; отчасти также статьи: «Приятное путешествие» К – ва, «Путешествующие» и др. (68). Сюда же можно бы отнести «поучение» Фонвизина;{45} но оно, по своему выражению, может скорее быть названо юмористическим произведением. Не относим сюда также и речи Княжнина, сказанной им в Академии художеств, равно как и статьи «О системе мира», которая имеет свое достоинство в дельном изложении учебного предмета.

Мы не будем ничего выписывать из дидактических статей, потому что нового в них ничего нет; те же самые стремления, какие мы уже показали, выражаются и здесь, только нравоучительным тоном, то в рассуждениях о необходимости добродетели, то в похвалах добрым людям, которые, однако же, очень редко являются в действии живыми, то в обращениях к совести, к небесам, к Минерве российской и пр. Все эти статьи очень скучны; лучше других «Рассуждение об истинном благополучии» и «Подражание английскому зрителю». Совершенно пусты, но любопытны по изложению статьи: «Письмо Иоанна Приимкова» и «От архангелогородской кумы». В последнем особенно интересна попытка подделаться под простонародный язык [211].

Иногда в рассуждениях авторов попадают довольно странные мысли, обличающие еще не совершенно просветленный взгляд или отречение от своих личных убеждений по каким-нибудь житейским расчетам. Так, например, одна статья удивляется тому, что итальянцы подражают французам, и считает

это преступлением с их стороны потому, что Италия владела некогда всем светом[212], как будто бы сила оружия и пространство империи условливают и высшую образованность... Или: один отец побуждает сыновей служить – зачем же? затем, что иначе «дети отдаваемых нами рекрут будут нашим детям командиры»[213]. Дальше этого не простирался просвещенный разум чадолюбивого родителя. А между тем автор выставляет его человеком, достойным уважения и подражания. В «Письме из Карасубазара» старый служивый толкует о дисциплине и, между прочим, открывает в ней вот какие свойства: «Она вливает в душу воина храбрость и мужество, воспламеняет ее любовью к отечеству, растрогивает в ней страсти и побуждения к делам великим и честным, а к низким дает омерзение», и пр.[214]. Конечно, таких вещей нехитрому уму не выдумать и ввек.

Но что особенно замечательно, так это постоянное выражение глубокого благоговения к «августейшей наук покровительнице российской Минерве, милосердной монархине», императрице Екатерине. Нет почти ни одного

произведения, в котором бы как-нибудь, кста-ти или некстати – все равно, – не выразились чувства благоговения к государыне. В особен-ности сатирики отличались этим, и даже чем острее, чем резче была сатира, тем с большим чувством говорилось в ней о благодеяниях, изливаемых на народ императрицей, как буд-то бы автор хотел этим отстранить от себя всякий упрек в *свободоязычии* и старался за-ранее показать, что он предпринимает обли-чать пороки единственно по желанию добра обществу. Вероятно, в то время находились тоже люди, способные перетолковывать все в дурную сторону, как перетолковали, напри-мер, вопросы Фонвизина...

Но верноподданнические чувства в прозе все еще не так сильно выражались, как в сти-хах. До сих пор мы очень мало говорили о стихотворной части «Собеседника», и, кажет-ся, нам не придется много говорить о ней. Это потому, что одна половина стихотворений, принадлежащая Державину, Княжнину, Кап-нисту, Богдановичу, так общеизвестна и столько раз была разобрана, что здесь и нече-го сказать нового. Другая же половина, при-

надлежащая неизвестным пиитам, не отличается ничем особенным, что бы могло надолго остановить на себе внимание читателей.

В библиографических заметках перечислены все произведения, принадлежащие известным поэтам и напечатанные в «Собеседнике». Здесь же можем только указать на то, что и тут выбор стихотворений обличает светлый взгляд издателя. «Фелица», как известно, напечатана без ведома Державина княгиней Дашковой), – и она осталась одним из замечательнейших стихотворений во всем издании. Потом из «С.-Петербургского вестника» перепечатаны были лучшие произведения его же: «На смерть князя Мещерского», «Соседу», «На новый 1781 год» и др., а не были перепечатаны, например, «Песнь Петру Великому» или «Песенка отсутствующего мужа». У Капниста издатели просили его сатиры, для напечатания в «Собеседнике» в исправленном виде, особым письмом, напечатанным в первой же книжке журнала[215]. Из стихотворений Княжнина перепечатаны из «Вестника» *стансы* «К богу», по теплоте чувства и

по чисто христианскому взгляду на бога, единственно как на высочайшую любовь, стоящие гораздо выше знаменитой оды Державина{46}. Что касается до Богдановича, то он был, кажется, присяжным участником журнала и до последней книжки помещал в нем всевозможный вздор. «Душенькой» своей он приобрел такую славу, что с радостью брали всё, выходившее из-под пера его, и он под большей частью стихотворений своих выписывал всеми буквами: Ипполит Богданович. Два его стихотворения были в первой книжке «Собеседника» без подписи; но и тут Богданович не удержался и показал, кто он, как только осмелилась критика коснуться в них некоторых выражений.

Из писателей менее известных, помещавших свои стихи в «Собеседнике», особенного внимания заслуживает Козодавлев, по легкости своего стиха. Полным его именем подписано здесь только одно стихотворение «На смерть князя Голицына»[216], да буквами О. К. подписано «Послание к татарскому мурзе» (Державину)[217]. Но ему можно приписать достоверно еще стихотворения: «Клелии»

[218], «К другу»[219], из которых последнее подписано: автор «Приятного путешествия» и стихов «Клелии»; «Приятное» же «путешествие» подписано: К – в. Ему же принадлежит, по всей вероятности, «Письмо к Ломоносову», в котором он называет Державина своим другом и говорит, что писал к нему послание [220], Ему же принадлежит, может быть, и шуточная пьеса «Сновидение», которая напоминает его по стиху и в которой тоже говорится о «Клелии»[221].

Вот одна строфа из его оды «На смерть Голицына». В ней он так хвалит умершего:

*Коварства он терпеть не мог
И ввек не осквернялся лестью,
К себе во всех делах был строг,
Наполнен был единой честью,
Несчастных жребий облегчал
И никого не мог обидеть,
Желал людей в блаженстве видеть
И милосердием дышал.*

В стихах «К мурзе» есть место, замечательное по поэтическому представлению предмета, и потому выпишем его здесь. Козодавлев

убеждает Державина писать стихи, не слушая невежд, которые, может быть, уверяют, что люди дельные стихов не сочиняют:

*О стихотворстве мысль оттуда
их идет,
Где в вечной мрачности невеже-
ство живет.
Есть остров в море, проклятый
небесами,
Заросший вес кругом дремучими
лесами,
Покрытый иссини густейшим
мраком туч,
Куда не проникал ни разу солнца
луч,
Где ветры вечные кипяще море ро-
ют,
Вода пускает гром, леса, колеб-
лясь, воют,
Исчадь мерзкое подземна бога
там.
Построило себе железный мрач-
ный храм.
Невежеством оно издревле наре-
чено,
Великим божеством невеждами
почтенно.
При входе в сей чертог два стра-*

жа вечно бдят,
Потупя вниз глаза, со робостью
стоят
И глупость на челе и подлость по-
казуют;
Их суеверием и рабством имену-
ют.
На троне из свинца невежество
сидит
И взором вниз тупым недвижимо
глядит.
Оттуда гадов тьма всечасно вы-
ползает,
Которая ту мысль повсюду рассе-
вает,
Что будто смертному считаются
стихи
Самой Минервою за тяжкие грехи
И что с величеством земным
владык несходно,
Чтоб мыслил и писал их поддан-
ный свободно;
А паче правду кто стихами гово-
рит,
Над тем уж мщенье жестокое
висит.
Не слушай ты невежд, возмись
опять за лиру... и пр.[222].

В «Письме к Ломоносову» Козодавлев смеется над торжественными одами и говорит, что они уже выходят из моды. Здесь же высказывает он взгляд на тогдашнее положение стихотворцев в отношении к языку. Он говорит:[224]

*Пусть выбирает всяк предмет себе по воле,
Не наполняя стих пустым лишь звоном слов,
С Олимпа не труда без нужды к нам богов,
Иной летит наверх и бредит по-славянски,
Другой ползет вниз и шутит по-крестьянски,
И думают они сравниться с тобой,
Забыв, что их стихи – лишь только звон пустой.*

Кроме Козодавлева, к Мурзе писали еще несколько пиитов, которых стихи помещены в «Собеседнике». Так, какой-то Василий Жуков (69) написал *Сонет* к нему;[225] г-жа М. С. {47} прислала в «Собеседник» «Письмо Китаецка к «Мурзе»»;[226] Костров тоже написал к

нему послание[227].

Во всех этих стихотворениях, не отличающихся особенным достоинством, хвалят Державина не столько за хорошие стихи, сколько за то, что он писал без лести. Затем речь обращается к самой Фелице, и большая половина стихотворения наполняется восторженными похвалами ее доблестям.

Еще более, нежели к Державину, обращались пииты с хвалебными песнями к княгине Дашковой, причем, разумеется, величали и «российскую Минерву». В первой же книжке Богданович поместил разговор Минервы с Аполлоном, где Дашкову вводят они в сонм муз[228]. В VI книжке находим стихи М. Х. княгине Дашковой, оканчивающиеся так:

*Пойте, росски музы, пойте,
Есть наперсница у вас;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Вверен Дашковой Парнас[229].*

Г-жа М. С. напечатала стансы на учреждение Российской академии, в которых превозносит златой век Екатерины и называет Дашкову честью своего пола и красою муз[230]. Княжнин поместил здесь письмо к Дашковой,

в котором, впрочем, по обычаю, хвалит более Екатерину, нежели саму Дашкову, и подсмеивается над одами, которые всегда уподобляли Екатерину райскому крину и в своем восторге, взятом взаймы, становили вселенную вверх дном[231]. Значит, и тогда уже видели приторность, неестественность и неискренность этих торжественных похвал.

Несколькими стихотворениями наградил «Собеседник» некто Р – Д – Н (70). Он поместил здесь «Цидулку», «Сонет»[232], «Эклогу»[233], потом вдруг прислал письмо, в котором говорит, что десять лет не писал стихов, а теперь сочинил подпись к монументу Петра Великого и потому просит поместить ее в «Собеседнике»[234]. После того прислал он еще стихи «К***» и «Эклогу», два стихотворения, сочиненные на одни и те же заданные рифмы[235]. Стишки пустенькие, за исключением сонета, в котором (если это только не перевод) тяжелым горем отзываются душевные сомнения. Вот мрачное окончание сонета:

*Коль правосудным жить мы со-
зданы творцом,
То жизнодавец наш нам должен*

*быть отцом;
Но как мы здесь живем? Повсеми-
нутно страждем,
Наш дух отягощен, и смущены
умы;
Мы ищем помощи и только
тщетно жаждем...
Творец иль виноват, иль заблуж-
даем мы[236].*

Кроме этих стихотворений, замечательно, по благородству и силе выражения, «Послание Катона к Юлию Цезарю» (ч. VIII, ст. V), подписанное буквами Др. (71). Вначале Катон с гордой грустью вспоминает минувшую славу Рима, его героев-граждан, его Брутов, Регулов, Камиллов, потом с желчью негодования нападает на Цезаря за то, что он коварно захватил власть —

*Чтобы отечество себе порабо-
тить
И на вселенную оковы наложить.*

«Ты достиг этого, — говорит он, — но не в этом величие»:

*Внимай, чем славится великий че-
ловек;*

*Любя отечество, ему он служит
век,
Разит врагов его, пороки истреб-
ляет,
Законы чтит его и вольность
охраняет.*

«А ты только хочешь быть всем страшным,
ты окружаешь себя стражей»

*И сонмище убийц друзьями почи-
таешь,
Какие ж то друзья, в которых че-
сти нет?
Толпа разбойников тебя не сбере-
жет.
Когда б ты, Рим любя, служил
ему, гонитель,
Тогда бы целый Рим был страж
твой и хранитель;
А ты, в нем с вольностью законы
истребя,
Насильством, яростью мнишь со-
хранить себя,
Но гнусным средством сим ты
бед не отвращаешь,
Сам больше на себя врагов воору-
жаешь.*

Не менее любопытна ода «На золото»[237], в

которой резко раскрыты все бедствия, происшедшие от золота. В начале мира, когда еще не знали золота, – говорит поэт!

*Тогда еще не возвышались
Чинами, славою пустой;
Еще поля не орошались
Той кровию, что льет герой.
Довольствуясь своей судьбою,
Не зрел владыки над собою
Рожденный вольным человек.
Он богу лишь повинился,
Которым мир сей основался.
О, коль счастлив был оный век!*

Когда же открылось золото и некоторые хитростью завладели им, тогда другие также захотели его, и – несчастные – «подло предались своим врагам». Неужели вы так безумны? – восклицает поэт:

*Тираны вам готовят муки,
А вы лобзаете их руки
И их венчаете главы.
Меж тем как всяк из них трудится
От вас себя обогащать,
Печаль на ваших лицах зрится,
Должны вы с глада умирать,*

*Вы стонете и слезы льете
И ваших варваров клянете,
Что, к злату лишь питая
страсть
И не смягчаясь вашим роком,
Презрительным взирают оком
На злополучну вашу часть.*

Ода оканчивается обращением к добродетели:

*Коснися к нам лучом твоим,
Да паки будем жить в равенстве,
В покое сладком, в благоденстве
И век златой возобновим...*

Стихи здесь несколько шероховаты, но все-таки видно, что это не подбор фраз, как всегда было в торжественных одах, а что, напротив того, стихотворение сильно прочувствовано автором, скрывшим, к сожалению, свое имя.

После этих стихотворений можно обратить внимание в «Собеседнике» разве на шутивную оду «К бессмертию» (ч. X), принадлежащую, кажется, А. С. Хвостову (72), и «Дружескую песню» (в четвертой части), тоже, может быть, им написанную. Вот начало оды:

Хочу к бессмертью приютиться,

*Нанять у славы уголок;
Сквозь кучу рифмачей пробиться,
Связать из мыслей узелок;
Хочу сварганить кой-как оду
И выкинуть такую моду,
Чтоб был не надобен Пегас,
Ни Аполлон, детина строгий.
Хочу проселочной дорогой,
На долгих ехать на Парнас.*

В таком же тоне написана вся ода, выражающая глубокое презрение ко всем правилам ложноклассической поэтики.

Здесь —

*...Сципион, являя к бою,
На Аннибала наплевал;
Помпея Цезарь в ухо хлопнул,
От Александра Дарий лопнул,
Ахилл туза Гектору дал...*

И обо всех выражения таковы: спуску нет никому.

В «Дружеской песне» поется:

*Пускай, кто хочет, тот трудит-
ся
Узнать, сколь крепок Гибралтар,
И отчего мог приключиться*

*В Константинополе пожар.
Мы ум свой тем не отягчаем,*

мы будем пить и веселиться с друзьями да прославлять дела нашей монархини. До остального нам дела нет.

Таковы же пьесы «Старое и новое время» [238] и «Народный обед» [239], поэма в семидесяти стихах, «Н. М. с товарищи». Это как будто подражание «Елисею» Майкова {48}. Вся острота состоит в том, что высокие слова эпических поэм применяются здесь к кулачному бою мужиков из-за окорока и вина, которое было выставлено для народа по случаю какого-то торжества.

К этому же роду нужно отнести «Баталию» Плавильщикова [240].

Заметим еще «Эпитафию жене от ее мужа»: [241]

*На месте сем моя покойная жена
Мо
им старанием была положена.
Ах, как ей хорошо под мраморной
доскою,
Для вечного ее и моего покою.*

Затем остаются еще в «Собеседнике» исто-

рические надписи А. Мейера, вроде следующей – к Андрею Боголюбскому:

*Сей во Владимир скиптр принес
от града Кия.
Пресекли жизнь его Кучковичи
презлые.*

Или – Симеон Гордый:

*Взяв Новгород, он вел с литовца-
ми войну,
Но язвой в пагубе зрел русскую
страну.*

Остаются еще стихотворения Муравьева, М. Х., торжественные оды П. Иковского (73); остаются притчи Д. Хвостова, стихи Прохора Соловьева и других писателей, благоразумно скрывших имена свои от потомства. Перечисление всех их относится к библиографическим заметкам (74). Читатель не потребует от нас разбора этих произведений. Довольно и того, что они раз были напечатаны. Зачем тревожить гроба мертвых? Скажем только, что многие из них – в том официально восторженном роде, который обличал в пиитах этих короткое знакомство не с парнасским

сонмом богов и полубогов, а с обычными обитателями лакейских.

Но и за исключением этих стихотворений в «Собеседнике», как видели читатели, найдется много замечательного в литературном отношении. Если в наше время можно еще перечитывать журналы прошедшего века, то, конечно, только для того, чтобы видеть, как отразилась в них общественная и домашняя жизнь того времени, чтобы проследить в них тогдашние понятия о важнейших вопросах жизни, науки и литературы. И в этом отношении едва ли какой-нибудь из тогдашних журналов может удовлетворить нашему любопытству в такой степени, как «Собеседник». В нем сосредоточивалось все, что составляло цвет тогдашней литературы; его издатели были люди, стоявшие по образованию далеко выше большей части своих соотечественников; стремления их клонились именно к тому, чтобы изобразить нравы современного им русского общества, выставив напоказ и дурное и хорошее. Правда, что и здесь встречаем мы резонерство и торжественные оды, стансы, сонеты и пр., воспевающие нещадно

своих милостивцев и прославляющие *златой век* тогдашний; но эти произведения все-таки относительно занимают немного места в «Собеседнике». Притом же в самом резонерстве издателей нельзя не видеть, что это – резонерство умного человека. Да оно объясняется и оправдывается и самым состоянием русского общества в то время. В письмах к издателям мы видим одинаковые похвалы и истинно поэтическим произведениям и сочинениям дидактическим. Видно, что общество не довольствовалось одним изображением порока, а требовало еще указания на то, что в нем именно дурно и почему, – требовало поддержки и возбуждения для себя в прямом поучении, которое можно бы было просто принять, не трудясь над размышлением и обсуживанием предмета.

Как бы то ни было, «Собеседник» удовлетворял требованиям своего времени. Мы старались показать, как отразилось в нем тогдашнее общество русское, старались выставить на вид главные стремления издателей, показать отчасти, какое влияние имели на ход издания покровительство Екатерины и

просвещенное участие княгини Дашковой. Библиографы мало, конечно, найдут для себя данных в этом труде, но об этом мы не много и жалеем. Может быть, упрекнут нас еще в том, что слабо обозначено собственно литературное достоинство произведений. Но худшие и не стоили разбора, лучшие же давно уже оценены, и нам не хотелось повторять того, что прежде и лучше нас уже сказали другие. Притом мы смотрели на «Собеседник» как на памятник более исторический, нежели чисто литературный.

Библиографические заметки

(1) Н. И. Греч, объявив в своей учебной книжке^{49} и в «Чтениях о русском языке» издателем «С.-Петербургского вестника» И. Ф. Богдановича, ввел в ошибку многих из последующих писателей. То же потом повторилось и в курсах литературы у Плаксина («История литературы», стр. 244), у Мизко («Столетие русской словесности», стр. 157) и др. Митрополит Евгений в «Словаре светских писателей» (ч. 1, стр. 117, Снегир. изд.) говорит, правда, что Богданович только участвовал в издании «Вестника» в продолжение шестнадцати месяцев с начала издания, но и этому трудно поверить после статьи в 7 № «Вестника» на 1778 год «Об историческом изображении России», соч. Богдановича, – статьи, которая, несмотря на свою крайнюю умеренность, возбудила в нем жесточайший гнев. Оскорбленный автор напечатал в 64 № «С.-Петербургских ведомостей» 1778 года ответ на этот разбор, где «дал восчувствовать гнев свой». Издателем «С.-Петербургского вестника», по свидетельству Евгения, был

Григорий Брайко, поводом же к ошибке, вероятно, послужило то, что другой Богданович – Петр – действительно издавал другой, «Новый С.-Петербургский вестник», в 1786 году и издал три книжки, вместо обещанных двенадцати.

(2) Большею частью журналы в то время продолжались только по одному году, если успевали дожить до конца его. Некоторые, являясь и на другой год в том же составе, при тех же издателях, переменяли, однако, название; например, Новиков в 1769 году издавал «Трутень», в 1770 – «Смесь», в 1771 – «Живописец»; Рубан – в 1769 – «Ни то, ни се», в 1771 – «Трудолюбивый муравей», в 1772 – «Старина и новизна».

(3) Из произведений Державина помещены в «Вестнике»: 1) «Песнь Петру Великому» (1778, № 6); 2) Надписи, числом шестнадцать, из которых две внесены в «Полное собрание сочинений Державина», остальные же под сомнением (1779, № 2); 3) «Песенка отсутствующего мужа» (там же); 4) ода «На смерть князя Мещерского» (№ 9); 5) «Ключ» (№ 10); 6) «На рождение на Севере порфирородного отрока»

(№ 12); 7) «На отсутствие императрицы Екатерины в Белоруссию» (1780, № 5); 8) Ода «К со-седу моему» (№ 8); 9) «Песенка» (там же); 10) «Застольная песня», названная в собрании сочинений «Кружка» (№ 9); 11) «На Новый год» (1781, № 1). Большая часть этих стихотворений перепечатана в «Собеседнике». Ни одно из них не подписано.

Сатира Капниста помещена была в 6 № 1780 года и отсюда перепечатана в «Собеседник» с некоторыми изменениями.

(4) Из более обширных статей, помещавшихся в «Вестнике», заметим: «Об установлении патриаршества в России» (1778, № 9); «Описание Тибетского государства» (1779, №№ 3–4); «Краткое известие о театральных в России представлениях» (№№ 8–10); «О первом прибытии в Россию англичан» (1780, № 5); «О происхождении и разных переменах российских законов» (№№ 9–10); «Обретение пятой части света» (1781, № 1); «Раздробление и механическое строение тела человеческого» (№ 3). Таковы же большие критические статьи «О «Россиаде»» (1779, № 8) и «О «Потерянном рае»» (1780, №№ 6–7). Кроме ученых

статей, находим здесь также и несколько повестей, довольно длинных для тогдашнего времени, например: «Повесть о блаженстве» (1778, № 12; 1779, №№ 1, 3); «Фонг-Кианг, или Торжество дружбы» (1779, № 2); «Розалия» (1780, № 11); «Повесть о Палемоне и Сильвии» (1781, № 3); «Повесть о человеческой бороде» (№ 5). Из одного этого указания видно уже отчасти, как было разнообразно содержание «Вестника».

(5) Из «Вестника», кроме семи стихотворений Державина, перепечатаны в «Собеседнике» многие эпиграммы, сатиры Капниста, несколько стихотворений Княжнина и статья «О правописании слова «драма»».

(6) Довольно полный рассказ об этом находится, например, у Мизко («Столетие русской словесности», стр. 83–84); см. также словари Евгения и Бантыш-Каменского под именами Державина, Дашковой и Козодавлева. Подробнее же рассказано все это происшествие в объяснениях к сочинениям Державина, Львова (ч. II, стр. 6–9) и в статье г. Грота о «Фелице» и «Собеседнике» («Современник», 1845, № 11, стр. 120–125).

(7) Во второй книжке «Собеседника» (стр. 106–117) помещено послание *Любослова*, содержащее в себе несколько придирчивую критику на первую книжку. В третьей же части (ст. VI, стр. 39–43) помещено письмо от защитника Клировых мыслей, в котором неизвестный защитник выразился об издателях так, что они сочли нужным заметить, что, может быть, он писал так, «не зная, кто они» (стр. 45).

(8) Для библиографов выписываю здесь плод усердных разысканий моих в «С.-Петербургских ведомостях» 1783–1784 годов. Первое объявление о «Собеседнике» явилось апреля 14 1783 года, в 30 № «С.-Петербургских ведомостей». В 33 №, 25 апреля, оно было повторено. В 38 № (мая 12) помещено объявление, что первая книжка уже совсем готова и потому присланная статья «Египетская повесть» не будет уже в ней помещена. Мая 19, № 40, объявлено, что первая книжка выйдет завтра, 20 мая, в субботу. В последующем номере объявлено о действительном ее выходе. Вторая книжка вышла 24 июня («С.-Петербургские ведомости», 1783, № 56). Третья книжка –

июля 28, четвертая – августа 21, пятая – сентября 16, шестая – октября 10, седьмая – октября 28, восьмая – ноября 21, девятая – декабря 22. Таким образом, в 1783 году вышло девять книжек «Собеседника» (а не десять, как говорит г. Грот в своей статье, на стр. 128). Десятая книжка вышла в 1784 году, января 26, одиннадцатая – февраля 20, двенадцатая – марта 22, тринадцатая – апреля 23, четырнадцатая – мая 21, пятнадцатая – июня 21, шестнадцатая – сентября 6.

В объявлении о 13-м и 14-м № сказано, что они продаются по 80 коп., а все предыдущие по 1 рублю. В объявлении о 15 № назначено 50 коп., как за этот №, так и за все, прежде вышедшие. 16 № тоже объявлен за 50 коп. Большой промежуток времени между двумя последними книжками, которые при всем том обе очень тощи, показывает, что уже в это время были какие-то обстоятельства, задерживавшие издание.

(9) См. Остолопова «Ключ к сочинениям Державина», стр. 26; Полевого – «Очерки русской литературы», ч. 1, стр. 15; Греча – «Чтения о русском языке», ч. II, стр. 384; Савелье-

ва – предисловие к третьему изданию Державина, стр. XXXVII.

(10) Митрополит Евгений в словаре своем (см. «Дашкова») говорит, что в «Собеседнике» было помещено *много* сочинений княгини Дашковой и, между прочим, речь ее, говоренная при открытии Российской академии. Это известие перешло потом и в «Словарь» Бантыш-Каменского (ч. II, стр. 192), и в книгу г. Мизко (стр. 155), и др. Все они, без дальних справок, перепечатывали Евгения.

(11) Не имея под руками подлинных записок княгини Дашковой^{50} (или Дашкавой, как тогда писали), я должен был ограничиться отрывками из них, переведенными в наших журналах: «Москвитянин», 1842, №№ 1, 2, «Современник», 1845, № 1. В особенности интересен для нас отрывок, помещенный в «Современнике», потому что в нем рассказывается о назначении княгини директором Академии.

(12) Об издании карт русских губерний говорит сама княгиня Дашкова в своих записках, жалуясь на то, что тогдашний генерал-прокурор, кн. Вяземский, препятствовал

ей в этом деле, «не присылая бумаг, которых она требовала, касательно определения границ между губерниями» («Совр.», 1845, № 1, стр. 28), и даже «задерживая те сведения, которые губернаторы, по ее просьбе, препровождали в Академию» (ibid., стр. 31). В «С.-Петербургских ведомостях» во все продолжение 1783–1784 годов помещались объявления о постепенном издании карт почти всех русских губерний. Продавались эти карты по 55 и 60 коп.

(13) Таковы, например, письмо А. Мейера, при посылке исторических надписей российским государям (кн. I, ст. XXX); критика на эти надписи (кн. II, ст. XV); письмо при посылке сочинения «О системе мира» (кн. II, ст. XXII); письмо, при котором присланы вопросы Фонвизина (кн. III, ст. XVI); письмо, приложенное к «Повествованию мнимого глухого и немого» (кн. IV, ст. X); письмо г. Икосова при посылке его оды (книга IV, ст. XI); письмо, содержащее критику на «Систему мира» (кн. IV, ст. XVI); письмо при посылке стихов г. Голенищева-Кутузова (кн. V, ст. VII); письмо Любослова о напечатании его «Начертания о российском

языке» (кн. VII, ст. XV); письмо о «Былях и небылицах», с приложением предисловия к «Истории Петра Великого» (кн. VII, ст. XIX); письмо при посылке стансов на учреждение Российской академии (кн. IX, ст. IV); письмо с приобщением оды «К бессмертию» (кн. X, ст. XIII); письмо А. Мейера в ответ на критику его исторических надписей (кн. X, ст. XIV); письмо при посылке стихов Ломоносова (кн. XI, ст. XIV); письмо А. Старынкевича, с приложением «Стихов к другу» (кн. XI, ст. XVI); письмо при посылке стихов Р – Д – Н (кн. XIV, ст. V).

(14) Так, «сумнительные» предложения одного невежды присланы из Шлиссельбурга (ч. IV, ст. III); письмо со стихами Голенищева-Кутузова – из Симбирска (ч. V, ст. VII); письмо о дисциплине – из Карасубазара (ч. VII, ст. II); письмо при посылке оды «К бессмертию» – из Крыма (ч. X, ст. XIII); письмо при посылке «Притчи» – из Клина (ч. XI, ст. VII); письмо священника Старыкевича из Белоруссии (ч. XI, ст. XVI); письмо об одной ошибке в «Гамбургских ведомостях» касательно России – из Новгорода (ч. XII, ст. II); от архангелогородской кумы – из Архангельска (ч. XII, ст. X).

Кроме того, много помещено писем, под которыми местность не обозначена. Во всех высказывается чрезвычайное уважение к «Собеседнику».

(15) Из Москвы прислано письмо о собачниках (ч. I, ст. XX); письмо Редкобаева (ч. II, ст. VII); письмо с приложением стихов Китайца к татарскому мурзе (ч. V, ст. I) г-жи М. С. и ее же письмо при посылке стансов на учреждение Российской академии (ч. I, ст. IV). Кроме того, подписью: «Прислано из Москвы от неизвестного» отмечены два стихотворения: «Сон» (ч. VI, ст. XIV) и «К самому себе» (ч. VII, ст. XVII).

(16) Письма из Звенигорода назывались всегда письмами Звенигородского корреспондента и пользовались, как видно, уважением самих издателей. В «искреннем сожалении» об участи издателей «Собеседника» (ч. III, ст. XV), в числе прочих средств улучшить журнал и придать ему интерес, советуется издателям деятельнее продолжать переписку с Звенигородским корреспондентом (ч. III, стр. 153). Из писем его первое помещено во второй части (ст. II) и заключает вопрос о воспитании; второе – в третьей части (ст. XV), содер-

жит некоторые рассуждения об истинной и ложной чувствительности. На втором письме переписка эта и остановилась.

(17) Вот что, например, говорит о «Собеседнике» какой-то г. А. Г. в письме своем, напечатанном в 14-й книжке (ст. VI): «Книга ваша есть зеркало, где порочные видят свои пороки, а добродетельные находят утешение, усматривая, что хотя на словах получают возмездие за свои дела; книга ваша есть прут, которым развращение наказывается и очищаются нравы; книга ваша есть изображение благоденствия нынешнего века и процветания наук. Все благомыслящие люди читают ее с удовольствием и утверждают, что старанием какой-то любительницы муз российские словесные науки придут вскоре в такое совершенство, какому удивляемся мы у других народов» (стр. 145). В письме из Карасубазара говорится: ««Собеседник» читается уже и в Карасубазаре с таким же или, может быть, еще с большим вниманием и приятностью, нежели в Петербурге и Москве. Мы радуемся от истинного сердца, что новое сие издание, снимая последние с мыслей человеческих

оковы, подает им отверстую дорогу для их просвещения» (ч. VII, стр. 8). Священник Стариныч пишет, что небо послало ему счастье видеть первые четыре книжки «Собеседника» и что он «с толиким удовольствием листы полезнейшего сего сочинения прочитывал, с коликим утомленный долговременною жаждою из чистейшего источника опаленный свой язык орошает» (ч. XI, стр. 156). Подобных любезностей много можно найти в письмах к издателям.

(18) См. «С.-Петербургские ведомости», 1784, № 50, июня 21. Здесь помещено объявление о выходе 15-й книжки «Собеседника» и приглашение присылать свои статьи в редакцию. Объявление о понижении цены на первые книжки «Собеседника» сделано без всяких объяснений; просто сказано: «15-я книжка продается по 50 к.; по той же цене можно получать и все прежде вышедшие». То же повторено и в № 72, при объявлении о выходе 16-й книжки.

(19) Что княгиня Дашкова заведовала изданием «Новых ежемесячных сочинений», по крайней мере в первые годы, это видно из

письма Капниста, помещенного в 1790 году в 47-й части «Новых ежемесячных сочинений», где он просит ее поместить в этом журнале его ответ «Певцу Фелицы». Кроме того, можно заключать об этом из некоторых мест послания Николева к княгине Дашковой («Новые ежемесячные сочинения», ч. 60, 1791), Здесь, между прочим, он обращается к ней с следующими стихами:

*Составя круг ученых дум,
Ты поощряешь мысль и ум
К обогащенью росска слова...*

В «Новых ежемесячных сочинениях» есть, по общему свидетельству биографов княгини Дашковой, и несколько собственных ее сочинений. (См. словари – Евгения, Бантыш-Каменского, энциклопедические – Плюшара и Старчевского. Впрочем, все они списывали показания митрополита Евгения.)

(20) В своих «Записках» княгиня Дашкова говорит сама, что она работала для «Собеседника» («Совр.», 1845, № 1, стр. 29), Митрополит Евгений, а за ним и другие говорят, что здесь помещено *много* статей Дашковой. Впрочем,

узнать их наверное довольно трудно. Ниже представлены некоторые соображения наши об этом предмете.

(21) В «Записках» княгини Дашковой сказано, что «государыня сама иногда наполняла несколько страниц журнала». Но, вероятно, говоря это, княгиня Дашкова не имела в виду «Записок о российской истории». Кроме этих «записок» и «Былей и небылиц», в «Собеседнике» помещены еще следующие статьи, писанные Екатериною: 1) ответы на вопросы Фонвизина (ч. III, ст. XVII); 2) ответ на письмо к автору «Былей и небылиц» (ч. VII, ст. XX); 3) письмо неизвестного каноника *ignorante bambmelli*, по поводу того же письма (ч. VII, ст. X); 4) «Общества незнающих ежедневная записка», подписанная: «Скрепил известный каноник» (ч. VIII, ст. VI). Кроме того, ей же принадлежат, вероятно, несколько предварительных слов к критике Любослова (ч. II, ст. XIII) и, может быть, «Записки разнощика», подписанные: Рыжий Фролка{51} (ч. IX, ст. II). Последних двух статей нет в «Полном собрании сочинений Екатерины», а первые четыре напечатаны в III томе, как-то посреди «Былей

и небылиц». Тут же перепечатано, кстати, и письмо Фонвизина (стр. 53–57); а одно место из «Былей и небылиц», уже неизвестно для какой цели, напечатано два раза, на одной и той же странице (стр. 78), Здесь же перепечатано, неизвестно на каком основании, похвальное письмо к Екатерине по поводу «Былей и небылиц», помещенное в «Собеседнике» на стр. 175–178, VI части, и с примечаниями издателей.

(22) О Козодавлеве княгиня Дашкова говорит в своих «Записках»: «Из сотрудников журнала особенно деятелен был молодой адвокат Козодавлев, помещавший в нем и прозу и стихи» («Совр.», 1845, № 1, стр. 30). Из сочинений Козодавлева одно только подписано полным именем (ч. VII, ст. XIV); о других соображения представлено ниже.

(23) Из произведений Богдановича помещены в «Собеседнике»: 1) «О древнем и новом стихотворении» (ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, ст. III; ч. VIII, ст. II); 2) басни: «Пчелы и Шмель» (ч. I, ст. XVII), «Журавли и Комар» (ч. II, ст. XXI), «Слух и Видение» и «Лев и Ребята» (ч. V, ст. IV); басня на пословицу: «воля со

мною твоя, а по правде усадьба моя» (ч. VI, ст. XII); 3) письмо о великодушных чувствованиях (ч. I, ст. XXVIII); 4) идиллия белыми стихами, перепечатанная откуда-то в исправленном виде (ч. III, ст. IV); 5) «К Д. Г. Левицкому» (ч. IV, ст. V); 6) «К моему другу» (ч. V, ст. IV); 7) стихи на поговорку: «не всякая любовь свершается бедой» (ibid.); 8) «Гимн на бракосочетание великого князя Павла Петровича» (ч. VII, ст. XXI); 9) «Старина ненапечатанная» (ч. X, ст. XII); 10) «Станс к Л. Ф. М.» (ч. XI, ст. V); 11) «Стане к М. М. Хераскову» (ч. XIII, ст. I); 12) «Приятность простой жизни» (ч. XVI, ст. VII). Все эти произведения были подписаны полным именем Богдановича и вошли в собрание его сочинений. Кроме того, в первой книжке «Собеседника» напечатаны без подписи его стихотворения: 13) «Разговор Минервы с Аполлоном» (ст. XIV) и «К деньгам» (ст. XV). Любослов сделал несколько мелких замечаний на эти стихотворения, Богданович под строками поместил «возражения сочинителя» и подписал их своим именем. Несмотря на это указание, оба эти стихотворения, впрочем, пропущены в собрании сочинений Бог-

дановича. (24) В «Собеседнике» помещались стихотворения Державина, особенно в большом числе в первых книжках. Вот их перечень: 1) «Фелица» (ч. I, ст. I); 2) «Дифирамб на выздоровление покровителя наук» (ст. IV); 3) ода «На Новый год» (ст. VII); 4) ода «К соседу моему Г.» (ст. XX); 5) ода «На смерть князя Мещерского» (ст. XIX); 6) стихи «На рождение на севере порфирородного отрока» (ст. XXI); 7) ода «На отсутствие ее величества в Белоруссию» (ч. II, ст. I); 8) «Ключ» (ч. III, ст. I); 9) «Успокоенное неверие» (ч. II, ст. III); 10) «Благодарность Фелице» (ст. XIX); 11) ода «Решмыслу» (ч. VI, ст. I), подписанная: «Сочинял З...»; 12) ода «На присоединение Крыма» (ч. XI, ст. X); 13) «Бог» (ч. XIII, ст. VII). Ни одно из этих произведений не подписано именем Державина. Половина из них перепечатана из «Вестника», потому что (сказано в примечании) автор исправил их. Но поправки эти весьма ничтожны. Так, в оде «На смерть князя Мещерского» изменены следующие стихи:

*в «Вестнике»: – в «Собеседнике»:
Зовет меня от жизни он. – Зовет меня,
зовет твой стон.*

Узрел я только лишь сей свет. – Едва
увидел я сей свет.

Монарх и раб есть снесь червей. – Мо-
нарх и узник снесь червей.

Текут как в море речны воды, – Как в
море льются быстры воды,
Текут так в вечность дни и годы, – Так
в вечность льются дни и годы,

И миры ею разрушатся, – И солнцы ею
потушатся,
Твореньям всем она грозит. – И всем
мирам она грозит,

Не мыслит смертный умирать, – Не
мнит лишь смертный умирать,

Громовы стрелы не быстрее – Ее и гро-
мы не быстрее
Взлетают к гордым вышинам. – Сле-
тают к гордым вышинам.

Здесь персть твоя, а дух твой там. –
Здесь персть твоя, а духа нет,
Он там, он там, а где – Не знаем, – Где
ж он? Он там. Где там?.. не знаем,

*Мы только плачем и взываем. – Мы
только плачем и вздыхаем.*

*Где вкуса стол, там гроб стоит. – Где
стол был яств, там гроб стоит,*

*Коим в державу тесны миры. – Кому в
державу тесны миры.*

*Глядит на всех и на князей. – Глядит
на пышных богачей.*

*За хаос в бездну улетели. – Хаоса в без-
дну улетели.*

*Не сильно жжет мя красота. – Не
сильно нежит красота.*

*Желаньем пышности размучен. – Же-
ланием честей размучен.*

*Влечет меня и чести шум. – Зовет, я
слышу, славы шум.*

*Наградой чти судеб удар. – Благослов-
ляй судеб удар.*

В оде «К соседу» изменен только один стих.
Вместо *А то веселье непорочно* напечатано –
Веселье то лишь непорочно.

В стихотворении «Ключ» изменены следующие стихи:

в «Вестнике»: – в «Собеседнике»:
Источник вижу я прекрасный. – Прекрасный вижу я источник.
Источник милый и прозрачный, – Источник шумный и прозрачный,
Поящий луги, доли злачны. – Луга поящий, доли злачны.
Гора, в день стадом покровенна, – Гора, в день стадом покровенну,
Любуется, в тебя смотришь; – Себя в тебе, любуясь, зрит:
В твоих водах изображенна – В твоих водах изображенну
Дубрава, ветерком струясь, – Дубраву ветерок струит,
Со золотом волнуются нивы. – Волнует жатву золотую.
О, как с высот приятно зрится, – Прекрасный берег твой становится...

Равно ночьюю темнотою – О, сколь ночьюю темнотою
Прекрасен вид твой при луне. – Приятен вид твой при луне.

Лирный звон с твоим стремленьем. –

Лирный глас с твоим стремленьем.

В оде «На отсутствие ее величества в Белоруссию» изменены только три фразы: вместо *сладкой* песни – поправлено: *громкой* песни; вместо *истина и совет* – *истина и совесть*, и вместо *с велелепием* – *в велелепии*. Да еще поправлена опечатка: вместо *совет* напечатано *зовет*.

Столь же ничтожны перемены в стихах «На рождение порфирородного отрока». Здесь только вместо «полубог» поставлено – «некий бог», и вместо «возраждачи» – «возрождаючи», что в «Собрании сочинений» опять было изменено на «зарождаючи».

Более перемен сделано в оде «На Новый год». Впрочем, и они не важны.

Вот эти перемены:

в «Вестнике»: – в «Собеседнике»:

*Мольбы и плески восшумели, – Сошел –
и гласы раздалися,*

*Тимпаны, громы возгремели. – Мечты,
надежды понеслися.*

*Среди текущего блаженства – И само-
го среди блаженства*

Мы благ желаем совершенства. – Же-

лаем блага совершенства.
Здоровье, хлеб и совесть права, – Меня
здоровье, совесть права,
Одежда, сон и добра слава – Достаток
нужный, добра слава
Меня равняют с королем. – Творят
счастливее царей.

Бессмертный воин хочет славы, – Ге-
рой бессмертный славы жаждет,
Леандр фортуны при игре. – И счастья
игрок в игре.

И в здешней жизни, пышной, страст-
ной, – И в светской жизни коловрат-
ной

Нежнее гласы становятся. – Прият-
ней гласы становятся.

Петры, Траяны, Гендрих, Титы, – Пет-
ры, и Генрихи, и Титы.

Стихотворения, которые в исправленном виде перепечатаны в «Собеседнике», более уже не переделывались, исключая двух или трех фраз. Так, в оде «К соседу» вместо «в твой парус» – в «Собрании сочинений» почему-то

напечатано: «в твой Парнас» (т. I, стр. 203).

Стихотворения, напечатанные в первый раз в «Собеседнике», больших изменений также не потерпели в последующих изданиях. В оде «Фелица» исправлены только несколько стихов. Вместо «честно и правдиво» в последней поставлено «пышно и правдиво», вместо Лентягом и Брюзгой – лица из сказки о Хлоре, сочиненной Екатериной, – просто лентяем и брюзгой. Вместо стихов, замеченных еще Любословом:

*В часы твоих отдохновений
Ты пишешь в сказках поучений,*

поставлено:

*В твои от дел отдохновенья
Ты пишешь в сказках поученья.*

Наконец, вместо стиха

Да сладкого твоих слов тока

поставлено:

Да слов твоих сладчайша тока.

В оде «Бог» – следующие поправки:

в «Собеседнике»: – в «Сочинениях»:

*Как в день, когда зимой – Как в мразный ясный день зимой,
В бездонной пустоте текут – В неизмеримости текут.*

Как ежели сравнять с тобою – Когда дерзну сравнить с тобою,

*Чтоб дух мой перстью облачился –
Чтоб дух мой в смертность облачился.*

Отец – в объятие твое – Отец, в бессмертие твое.

Неизъясненный, непостижный – Незъяснимый, непостижный.

Много изменений в «Оде на приобретение Крыма», которая в первоначальном виде своем даже не имела смысла в иных стихах. Более других значительны следующие поправки.

Вместо «Увидя, Марс *тоурит* взоры» – впоследствии поправлено:

Увидел Марс, *нахмурил* взоры.

Вместо стихов:

*Его стенанье раздалось
Внутри сердца зависти, и ум,
Перо орудием имея,
Едва ль где столь торжествовав-
ший,
Бессмертной славой воссиял,*

поправлено:

*Его паденье раздалось
Внутри сердца зависти – и
трость,
Водимая умом обширным,
Бессмертной пальмой обвилась.*

Далее изменена целая строфа:

*в «Собеседнике»: – в «Сочинениях»:
Текущего с полнощи света – Цирцея от
досады воеет,
Не может снести Цирцеи взор; – Вол-
шебство все ее ничто;
Стонает, что Минерва зиждет – Ахе-
ян, в тварей превращенных,
Людей разумных из зверей. – Минерва
вновь творит людьми.
Осклабясь, Пифагор дивится, – Оскла-
бясь, Пифагор дивится,
Что мнение его сбылося: – Что мнение*

*его сбылось,
Животных видит он людьми. – Что
зрит он преселенье душ.*

Несколько ничтожных поправок есть также в оде «К Решемыслу».

Львов, в объяснениях к сочинениям Державина, говорит, что в «Собеседнике» же были напечатаны стихотворения «Счастливое семейство» (ч. I, стр. 8) и «Видение Мурзы» (ч. II, стр. 13). Но это несправедливо: «Счастливое семейство» напечатано, по словам Львова же, в 1782 году, когда еще «Собеседник» не издавался, а «Видение Мурзы» явилось в 56-й части «Новых ежемесячных сочинений», в 1790 году. – Замечания Львова внесены и в смирдинское издание сочинений Державина, 1847; но Львов, кажется, совсем не знал «Собеседника», относя издание его то к 1782, то к 1792 году.

(25) В прозе Княжнин поместил здесь свою речь, говоренную на акте в Академии художеств, в 1779 году (ч. I, ст. XXXI); а в стихах: «Послание к российским питомцам свободных художеств» (ч. I, ст. XV); «Феридина ошибка» (ст. XXIII); «Мор зверей» (ст. XXV); «Рыбак»

(ст. XXVII. Перепечатано из «СПб. вестника» 1788 года, № 9). В следующих книжках журнала поместил он оду «Утро» (ч. VII, ст. IX), «Стансы к богу» (ч. VIII, ст. IX; из «Вестника» 1780 г., № 8), «Исповедание жеманихи» (ч. VIII, ст. XII), не подписанное; сказку «Улисс и его спутники» (ч. X, ст. XI) и письмо к княгине Дашковой (ч. XI, ст. I).

(26) Ода эта написана была Капнистом в 1786 году по случаю указа 19 февраля 1786 года о том, чтобы на просьбах не подписывались *раб*, но «верноподданный» (см. «Полное собрание законов Российской империи», 1786, № 16329).

(27) В «Собеседнике», кроме сатиры (ч. V, ст. IX), напечатано письмо к Любослову, который считал неприличным то, что Капниста в письме к нему (в I части «Собеседника») называли в эпиграфе *mortel*[242] (ч. VII, ст. III).

Сатира Капниста перепечатана из 6 №, 1779, «С.-Петербургского вестника». Там она была названа «сатира первая», а здесь прибавлено «и последняя». Хотя в примечании сказано, что она вновь поправлена, но исправление это весьма незначительно. В од-

ном месте вместо дерзость поставлена хищность; в другом – вместо истреблять пороки – исправлять. Важно только исключение личных намеков, слишком уже явных. Так, в двух местах поставлено здесь имя дурного стихотворца – Мевий вместо Рубов (явный намек на Рубана). Вместо прежних двух стихов:

*Котельский, Никошев, Вларикин,
Флезиновский,
Обвесимов, Храстов, Восевкин,
Кампаровский, —*

в которых заключались изломанные немного фамилии здравствовавших тогда авторов{52}, – поставлено в «Собеседнике» просто:

*Толпа несмысленных и мерзких
рифмотворцев,
Слагателей вранья и сущих умоборцев.*

Это, конечно, могло служить и хорошим комментарием к выставленным прежде именам.

Впрочем, одна личность даже прибавлена при переправке сатиры; но это самая

невинная личность, на Василия Кирилловича Тредьяковского. Вместо стихов:

*А разум с честностью так редко
видим в свете,
Как гладкий умный стих в покой-
ном Бредорете,*

напечатано:

*И, словом, в свете сем так редки
Аристиды,
Как гладкие стихи в творце «Те-
лемахиды».*

(28) Из сочинений Кострова помещены здесь: эклога «Три грации» (кн. VIII, ст. III) и письмо к творцу оды «Фелица» (кн. X, ст. V). Оба подписаны: *Ер. Кост.*

(29) «Недоросль» явился, как есть предание, в одно время с «Фелицей» и разделял с нею общее внимание; впрочем, в «Собеседнике» ни разу о нем не упоминается. О «Бригадире» же говорится в одной эпиграмме: «На некоторую зрительницу комедии «Бригадир»» («Соб.», ч. III, стр. 38).

(30) В «Собеседнике» помещены из сочинений Фонвизина: 1) «Опыт российского сослов-

ника» (ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. XII; ч. X, ст. VIII); 2) «Примечания на критику российского словника» (ч. III, ст. XII); 3) «Вопросы» (ч. III, ст. XVII); 4) «Челобитная российской Минерве» (ч. IV, ст. II); 5) «Поучение иерея Василия» (ч. VII, ст. VI).

(31) В числе сотрудников «Собеседника» помещают Хераскова – князь Вяземский («Фонвизин», стр. 262), Греч («Чтения о русском языке», ч. II, стр. 384), Грот в названной уже статье о «Собеседнике».

(32) Произведения, подписанные в «Собеседнике» буквами М. Х., следующие: 1) «Комета 1767 года» (ч. I, ст. IX); 2) «Апрель» (ст. X); 3) «Княгине Дашковой» (ч. VI, ст. IV); 4) «Вечность» (ч. VII, ст. I). Кроме этих стихотворных произведений, есть еще две статьи в прозе: «Утро» (ч. I, ст. XII) и «Полдень» (ч. V, ст. II).

(33) Муравьева здесь два стихотворения: «Письмо к *» (ч. I, ст. XXXII) и «Время» (ч. II, ст. XVI). В одной критике («Собеседник», ч. IV, ст. XVI) эти стихотворения признаны справедливыми очень дурными и названы опытами молодого писателя. В самом деле, не имея почти никакого содержания, по языку стихи эти мо-

гут быть сравнены разве с творениями Петрова.

(34) Д. Хвостов поместил в «Собеседнике» несколько притч: 1) «Мыши и орехи» (ч. IV, ст. XIV); 2) «Солнце и молния» (ч. VI, ст. V); 3) «Павлин» (ч. V, ст. XI). Нелединского-Мелецкого есть здесь «Ода на дружбу» (ч. VI, ст. VIII). Боброва – стихотворение «Действие и слова зиждущего духа», содержащее хвалы императрице Екатерине (ч. XII, ст. I). Подписано оно «С. Б.». Левшин поместил здесь свое «Путешествие на луну», названное в первых отрывках – «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве», а потом – «Новейшее путешествие во сновидении» (ч. XIII, ст. X; ч. XIV, ст. II; ч. XV, ст. II; ч. XXI, ст. VIII).

(35) Плавильщиков, по показанию митрополита Евгения, родился в 1771 году и, следовательно, не мог участвовать в журнале, издававшемся в 1783–1784 годах, но это показание неверно: по другим известиям, Плавильщиков родился <в> 1760 году и ему действительно принадлежит стихотворение «Баталья», помещенное в XVI части «Собеседника» (ст. V, стр. 97–106).

(36) Другие авторы, участвовавшие в «Собеседнике» и подписывавшие свои имена, были следующие: А. Мейер, напечатавший «Исторические надписи в стихах государям российским» (ч. I, ст. XXX) и «Ответ» на критику их (ч. X, ст. XIV); В. Жуков, поместивший здесь «Сонет творцу оды к Фелице» (ч. III, ст. VII); Павел Икосов, напечатавший оду на рождение великой княгини Александры Павловны (ч. IV, ст. XI) и идиллию на тот же случай (ч. V, ст. VI); Д. Левицкий, поместивший свое письмо в «Собеседнике» (ч. VI, ст. III); Р – Д – Н, напечатавший «Цыдулку к *» (ч. VII, ст. XI), сонет С(ст. XII), эклогу (ч. VIII, ст. XI), письмо к издателям (ч. XI, ст. IV), стихи «К***» и эклогу (ч. XIV, ст. V); Прох. Соловьев, сочинивший «Разговор о музах» при открытии семинарии в С.-Петербурге (ч. X, ст. VII); Ф. Козельский, написавший надгробие графу Воронцову (ч. X, ст. XV); Лабзин, подписавшийся под своим стихотворением «Французская лавка» (ч. XI, ст. III) цифрами, из которых составляется его фамилия; Фед. Кам., поместивший стихи «К Иресе» (ч. XVI, ст. IV).

(37) Это «Стихи, сочиненные на дороге в

Петергоф, когда я в 1761 году ехал просить о подписании привилегии для Академии, быв много раз прежде за тем». Стихотворение это, состоящее всего из десяти стихов, содержит обращение к кузнечнику, который гораздо счастливее людей потому,

*Что видит – все его, везде в своем
дому,
Не просит ни о чем, не должен ни-
кому.*

Стихи эти присланы кем-то из Москвы и напечатаны в XI части, ст. XIV.

(38) Из неизвестных авторов подписывались буквами, кроме вышеназванных: Н. М. и товарищи, под стихами «Народный обед» (ч. II, ст. VI); С. – под стихотворением «Городская жизнь», подражание немецкому (ч. II, ст. XIV); С. С. – под статьей «Маскерад» (ч. XI, ст. XVII); этому же автору принадлежит статья «Прогулка» (ч. VI, ст. XV); В. С. – под статьями «Волк и Лисица», басня (ч. XIV, ст. I); «Ночь», стихотворение (ст. VII); «Клеант» (ст. VIII); «Подражание английскому «Зрителю»» (ч. XV, ст. VI); «Некоторые рассуждения о смехе» (ч. XV, ст. V); Ва. Сев. – под одою «На кротость» (ч. XIV, ст.

IX); М. С. – под письмом к «Татарскому мурзе» (ч. V, ст. I) и под стансами на учреждение Российской академии (ч. IX, ст. IV); Х. Х. – под стихами «Модное остроумие» (ч. III, ст. IX); N. – под одою «К любви» (ч. IV, ст. XV); N. N. – под сочинением «О системе мира»{53} (ч. II, ст. XXII; ч. V, ст. X); Др. – под письмом Катона к Юлию Цезарю (ч. VIII, ст. V); А. Кр. – под стихами гр. В. П. М. П. (ч. X, ст. IX); Д – й Р – ъ под стихами «Лизета и Дафнис» (ч. XIII, ст. IX); А. Г. – под письмом к издателям (ч. XIV, ст. VI); И. Ф. – под баснею «Комар» (ч. XV, ст. I). Из статей, вовсе не подписанных, замечательнее других: «Повествование мнимого глухого и немого», «Картины моей родни» и «Моя записная книжка», в прозе; о них много говорится ниже. В стихах замечательны: «Ода к бессмертию», «Дружеская песня», «Ода на золото», «Весна» (в XII ч.) и «Сновидение» (в XVI ч.). О них – ниже. Заметим, что в числе эпиграмм также есть несколько довольно удачных. Между прочим, в IV части (стр. 110) нашли мы эпиграмму Дмитриева:

*Почто Ликаста осуждают,
Что вялым слогом пишет он?*

*Ведь им один лишь издан «Сон»:
Когда же складны сны бывают?*

(39) См. митрополита Евгения «Словарь светских писателей», часть II, стр. 10 и 158. Очень может быть, что это показание тоже неверно. В «Собеседнике» почти нет ученых статей. Разве сочинение «О системе мира» можно, приписать одному из академиков?

(40) См. «Словарь светских писателей», под словом «Дашкова».

(41) В I книге 33 статьи, во II – 22, III – 18, IV – 16, V – 11, VI – 15, VII – 21, VIII – 13, IX – 8, X – 17, XI – 18, XII – 10, XIII – 11, XIV – 10, XV – 7, XVI – 12.

(42) Упоминания об этом находятся во всех курсах литературы, во всех биографических словарях наших, но подробностей нигде нет.

(43) Г-н Старчевский говорит («Литература русской истории до Карамзина», стр. 230): «Записки эти составлены из свода разных русских летописей, со многими синхронистическими таблицами и с критическими примечаниями». Более ничего не сказано для их характеристики.

(44) Г-н Соловьев поместил в «Архиве» г.

Калачова статью о русских исторических писателях XVIII века, в которой разбирает некоторых писателей. Не знаем, почему именно тех, а не других. Если он хотел рассмотреть только замечательнейших, то неужели труды Елагина и Эмина замечательнее «Записок о русской истории»?{54}

(45) Замечания эти приведены в книге г. Старчевского, стр. 236.

(46) Известно, что при Екатерине начали издавать русские летописи. Много списков было собрано из Москвы и других мест, но, по неимению хорошо приготовленных к этому делу людей, издание тогда не состоялось.

(47) См. Старчевского «Литература русской истории до Карамзина», стр. 218. В биографии Чеботарева, в «Словаре проф. Моск. унив.», г. Соловьев говорит неопределенно: *в это время* Чеботарев занимался выписками из летописей. По ходу его изложения это может относиться к 1782–1790 годам. Промежуток довольно значительный.

(48) Г-н Старчевский говорит, что он «сам видел несколько выписок из наших летописей, сделанных для императрицы». Но он ни-

чего не сообщает об их содержании.

(49) Первый том истории Щербатова вышел в 1770 году, а следующие четырнадцать в разные сроки выходили до 1792 года.

(50) Различие этих договоров доказано в недавнее время г. Срезневским (см. статью его в «Известиях II отделения Академии наук», 1852, т. I).

(51) Как видно, это сделано было по убеждению императрицы, потому что даже в ее замечаниях на Стриттера мы находим обвинение в том, что он возобновил нелепые басни о мести Ольги древлянам, выброшенные из («Записок о русской истории» (Старч., стр. 235).

(52) У Державина в стихотворении «На счастье» сказано о Екатерине:

*Комедьи пишет, чистит нравы
И припеваает: «хем, хем, хем».*

Хем, хем – это дедушкин кашель в «Былях и небылицах». Львов же в Объяснениях (ч. I, стр. 22) выдумал какое-то небывалое сочинение императрицы «Разговоры дедушкины» и притом еще *палату с чутьем* для чтения и

обсуживания этого сочинения. Не знаем, есть ли правда в последнем известии, но первое совершенно ложно.

(53) «Исповедание жеманихи» напечатано в VIII части «Собеседника» при «Былях и небылицах» как их заключение, оно даже не отделено особою цифрою, как делалось всегда в этом журнале.

(54) При этом-то дедушка и закашлялся особенно сильно. Из этого можно видеть, какие *беспорядки* ему не нравились. Львов говорит, что он припевал «хем, хем» только при виде какого-нибудь беспорядка.

(55) В 45 № «С.-Петербургских ведомостей» 1784 года причиною такого изменения выставляется то, что «издателям известно, что некоторые из присланных сочинений до них не доходили». К этому прибавлено в № 50: «А чтобы не принять неблагопристойного, то сочинение при принесшем же и прочтется, и буде оно согласно с расположением «Собеседника», то и примется для напечатания, буде же противно, то возвратится принесшему». Следовательно, в это время главный издательский труд – рассмотрение и выбор при-

сылавшихся статей – лежал уже не на княгине Дашковой, а на советниках Академии, которые, таким образом, были в то же время и цензорами статей.

(56) Ниже представлены некоторые соображения касательно трудов Козодавлева, помещенных в «Собеседнике». Из других же его произведений, отдельно изданных, известны: перевод поэмы Тиммеля «Вильгельмина», СПб., 1783 (Сопикова библиография, № 8636), и комедий «Нашла коса на камень», в одном действии, СПб., 1781 (Сопикова библиография, № 5475), и «Перстень», в одном действии, СПб., 1781 (Сопикова библиография, № 5549). Ему же, вероятно, принадлежит и следующий перевод: «Древнего и нового века люди, или Уборный стол г-жи маркизы Помпадур, соч. г. Вольтера, перевел с французского О. К.», СПб., 1777 (Сопиков, № 3478).

(57) Княгине Дашковой принадлежат комедии: «Тоисёков» (Сопиков, № 5649 – «Тайсиоков»), в пяти действиях, СПб., 1786, и «Свадьба Фабиана». Кроме того, ее произведения помещены в «Невинном упражнении» на 1763 год и в «Трудах Вольного российского собрания

при Московском университете» с 1774 года. В этом последнем издании именем ее отмечены: «Письмо к другу» (ч. I, стр. 78–86); «Опыт о торге», перевод из Юма (стр. 87–112); «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям» (ч. II, стр. 105–147), перевод из английского «Смотрителя» о шутке (стр. 145–151). Ей же, кажется, принадлежат и следующие статьи, отмеченные подписью «Англоман»: «Письмо англомана» (ч. II, стр. 257–261); «Предложение об исправлении английского языка, перевод с английского, с примечаниями относительно языка русского» (ч. III, стр. 1–38); перевод стихов оксфордского студента к портрету Локка (стр. 72–73). В письме англомана представлен также опыт перевода знаменитого монолога Гамлета «Быть или не быть». О принадлежности этих статей княгине Дашковой свидетельствует сколько видное в них знание английской литературы и жизни, весьма мало тогда у нас распространенное, столько же и умение владеть языком, и в стихах и в прозе, — умение, которым, как увидим, также отличалась княгиня Дашкова.

(58) Видно, однако ж, что в свое время княгиня Дашкова всего более известна была своими стихотворениями. В словаре Новикова читаем: «Княгиня Дашкова... писала стихи; из них некоторые, весьма изрядные, напечатаны в ежемесячном сочинении «Невинное упражнение» 1763 года, в Москве. Впрочем, она почитается за одну из ученых российских дам и любительницу свободных наук» («Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова, 1772, стр. 55).

(59) В «Записках» своих княгиня Дашкова говорит: «Боль, Монтеस्कье, Буало и Вольтер были из числа любимых моих писателей. Поздние занятия и расположение духа, происшедшее от такого изнурения, произвели во мне слабость и болезненные признаки, возбуждавшие опасения моего почтенного дяди». Доктор Бурхав сказал, что болезнь происходит от беспокойства духа, и вследствие того, говорит княгиня, «я подвергалась тысяче распросов, однако ж не сказала истины. В то время, как я приписывала свой бледный и истощенный вид слабости нервов и головным болям, ум мой ежедневно крепнул и ожив-

лялся от постоянного упражнения» (см. «Москвитянин», 1842, № 1, стр. 101–102, Материалы). Такого рода чтение, конечно, обещало самое богатое развитие и совсем не походило на то бессознательное пристрастие к французам, над которым так много смеялся «Собеседник». Касательно любознательности княгини Дашковой можно привести еще следующую заметку. «С самых ранних лет, – говорит она, – политика была для меня самым занимательным предметом; я расспрашивала каждого иностранца о его отечестве, форме правления и законах, и сравнения, к которым часто вели их ответы, внушили мне пламенное желание путешествовать» (см. «Москвитянин», *ibid.*).

(60) Кто знаком с литературой того времени, тот не станет, конечно, требовать подтверждения этих слов. Для незнакомых же достаточно привести хоть заглавия некоторых книг, вышедших в то время, – например: «Гермель, или Может ли добродетельная жена совершенно положиться на постоянство своего мужа?», перевод с французского, СПб., 1783; «Девушкины прогулки и молодкины

увертки, или Лабиринт женских коварств», СПб., 1794} «Кошке игрушки, а мышке слезки, или Смешные проказы трех красавиц, чинимые над простосердечными их супругами, нравственное и счастливое творение», СПб., 1894; «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами продажными, изображены и сравнены Правдолюбом», СПб., 1799, и т. д. Таких и еще более курьезных и бесцеремонных книг выходило в последней четверти прошлого столетия чрезвычайно много. Нельзя не заметить, что здесь всегда виден шуточный взгляд на предмет, тогда как с начала нынешнего века является уже более трагический элемент в самых заглавиях, как, например: «Мщение оскорбленной женщины, или Ужасный урок для развратителей невинности», М., 1803; «Жертва супружеского тщеславия, или Бедствия, от чрезмерной любви происходящие», М., 1809, и т. д.

(61) Чтобы не ходить далеко, укажем только на ход нашей комедии. Не говоря о Фонвизине и Капнисте, даже второстепенные, слабые деятели на этом поприще в прошлом столетии умели затрогивать живые обществен-

ные вопросы. Вспомним «Опекуна» и «Лихоимца» Сумарокова, «Вояжера» Ефимьева, «Несчастье от кареты» Княжнина и т. п. А ныне при больших средствах и талантах, при большем круге действия, что же делает комедия? Пробавляется картежниками, шулерами, вертопрахами, женящимися на богатых купчихах, отцами, насильно отдающими дочерей замуж, женами, обманывающими мужей, и т. д., всем, над чем ужо давно притупили свое остроумие комики всех народов. Правда, нельзя с грустью не вспомнить и того, сколько грубых порицаний и злобных обвинений в наше время навлек на себя писатель, осмелившийся поднять даже ничтожный кончик завесы, под которой скрываются пороки общества, да еще перенесший их в дальний уездный город...{55}

(62) Замечательно, что во время издания «Собеседника», несмотря на частные выходки некоторых журналов, в литературе нашей еще господствовали полное доверие и уважение к французам и их учению, «Собеседник» первый начал настойчивое их преследование; вообще же против них восстали у нас

только после 1789 года. Тогда уже начали появляться насмешливые и ругательные брошюры, в которых доставалось, разумеется, особенно Вольтеру, – таковы, например, «Заблуждения Вольтеровы», 1793; «Изобличенный Вольтер», 1792; «Ах, как вы глупы, гг. французы!», 1793, и пр.

(63) Равнодушные публики тогдашней не находит себе оправдания даже в дороговизне книг, которые сравнительно были тогда очень недороги. Так, например, по объявлению в «С.-Петербургских ведомостях» тех годов «Душенька» продавалась по 1 р. 10 к. асс., сочинения Ломоносова – 3 р., сочинения Сумарокова – 17 р., «Росслав», трагедия Княжнина – 60 к., «Вильгельмина», поэма – 35 к., «Сказка о царевиче Хлоре» – 15 к., «О царевиче Февее» – 8 к. {56}. Журналы тоже не были дороги: так, «Живописец» Новикова стоил 2 р. асс., «Вечерняя заря» – 4 р. все издание.

(64) Статья «Собеседника» заимствована, конечно, из «Письмовника», первое издание которого, под именем «Универсальной грамматики», вышло еще в 1769 году. Там статья эта носит название: «Повесть о том, как неко-

его юношу друзья его уверили, что он ослеп». Помещена она (см. пятое издание, 1793) там под № 234, тотчас после знаменитой в свое время «Потешной повести о педанте», которая одна даже могла бы дать понятие о нравах того общества, в котором печатались и имели успех подобные вещи.

(65) Мы никак не осмелились бы пропустить без внимания правописание «Собеседника», если бы только было в нем какое-нибудь правописание. К величайшему нашему сожалению, мы нашли в нем только непоследовательность и непостоянство в образе написания даже одних и тех же слов. Иногда, например, *океан*, *генерал*, *грамматика* пишутся с большой буквой, иногда – с маленькой; один раз встречается *желъзо*, *терпѣть*, а в другой – *жѣлезо*, *тѣрпѣть* и т. п. Конечно, мы могли бы последовать здесь примеру издателя, тщательно собравшего в своих примечаниях орфографические ошибки Пушкина{57}, но боимся употреблять во зло терпение читателей.

(66) В «Записках о Екатерине Великой» статс-секретаря. Грибовского (М., 1847) приво-

дятся следующие слова, сказанные ему императрицей: «Ты не смейся над моею русскою орфографией. Я тебе скажу, почему я не успела ее хорошенько узнать: по приезде моем сюда я с большим прилежанием начала учиться русскому языку. Тетка Елизавета Петровна, узнав об этом, сказала моей гофмейстерине: полно ее учить, она и без того умна. Таким образом, могла я учиться русскому языку только из книг, без учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописание». «Впрочем, – замечает Грибовский, – государыня говорила по-русски *довольно чисто* и любила употреблять простые и коренные русские слова, которых она множество знала» («Записки» Грибовского, стр. 41).

(67) Чтобы оценить эти грамматические труды, нужно принять в соображение то, что тогда еще у нас существовали всего только две русские грамматики; Ломоносова (1755) и Барсова (1771), и что исследования о языке пришли в движение только после учреждения Российской академии, хотя, собственно, академическая грамматика явилась уже в 1802 году{58}.

(68) Произведения, имеющие какую-нибудь подпись в «Собеседнике», указаны в прим. 32 и 38. Неподписанные же статьи, названные здесь, помещены в следующих книжках «Собеседника»: «Сокращение катехизиса честного человека», кн. I, ст. VI; «Письмо к Капнисту», *ibid.*, ст. XIV; «Обещать и исполнять суть два дела разные», кн. II, ст. X; «Об истинном благополучии», кн. III, ст. III; «Письмо из Карасубазара», кн. VII, ст. II; «Путешествующие», кн. XI, ст. IX; «Нечто из английского «Зрителя»», кн. XVI, ст. III. Кроме того, не подписаны многие письма к издателям. Остальные из неподписанных статей указаны в самом тексте.

(69) Имени В. Жукова мы нигде более не встречали{59}. В росписи Смирдина и у Сопикова{60} есть Матвей и Петр Жуковы; но Василий нигде не упоминается. В старинных журналах тоже не попадалось нам этого имени.

(70) Из писателей того времени мы не знаем ни одного, в фамилии которого могли бы уместиться эти буквы. Только у Новикова находим упоминание о Николае Раздеришине, который, «будучи в Сухопутном кадетском

корпусе, писал разные стихотворения, по большей части сатирические, в которых весьма много соли, остроты и хороших замыслов; но они не напечатаны». «Ныне, – прибавляет «Словарь» (1772), – он обер-офицером в армии» («Словарь», стр. 186). Может быть, ему принадлежат стихотворения, подписанные в «Собеседнике» Р – Д – Н; но, во всяком случае, не имея возможности сличить их с произведениями Раздеришина, не можем сделать никакого положительного заключения.

(71) Из известных нам писателей того времени подпись Др. может принадлежать трем: С. Друковцову, кроме хозяйственных своих изданий напечатавшему; «Бабушкины сказки», 1778, и «Сова, ночная птица», 1779; Дружерукову, известному «Разговором в царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым», 1787, Я. А. Дружинину, переводившему шестую часть «Анахарсисова путешествия» и из Виланда «Пифагоровых учеников», 1794. Все эти лица, конечно, могли писать стихи в 1783 году, но действительно ли писали, этого сказать не можем.

(72) По указанию митрополита Евгения, А.

С. Хвостов написал шутливую «Оду к бессмертию». Вероятно, эта самая ода и помещена в «Собеседнике»; по крайней мере другой мы не знаем. Из других литературных трудов А. С. Хвостова известны: перевод комедий Теренция (1777), перевод статьи о Португалии из Бюшинговой «Всеобщей географии» (1774) и собственная комедия «Любовные оборотни» (1770). Но всего более, по свидетельству князя Вяземского («Фонвизин», в приложении), митрополита Евгения («Словарь светских писателей», Хвостов), Аксакова («Семейная хроника», Шишков), А. С. Хвостов известен был своим остроумием.

(73) Кроме этих творений, Пав. Икосов написал еще достойные его имени творения; «Письмо похвальное пуншу», 1789, и дифирамб «Изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI», 1793.

(74) Неподписанных и принадлежащих неизвестным авторам стихотворений в «Собеседнике» было довольно много. Вот их перечень: 1) идиллия «Вечер 1780 г., ноября 8» (кн.

1, ст. V); 2) две эпиграммы (ibid., ст. XXV); 3) «Гонор и Сальмира» (кн. II, ст. V); 4) «Послание к г. Чудихину» (ibid., ст. IX); 5) «Стихи, присланные от неизвестного» (ibid., ст. XII); 6) «Городская жизнь, подражание немецкому» (ibid., ст. XIV); 7) эпиграммы – 3 (кн. III, ст. V); 8) «Ода на золото» (ibid., ст. XI); 9) «Новые чудеса» (кн. IV, ст. I); 10) «Тирсис и роза» (ibid., ст. IV); 11) «Ответ на вопрос: что есть пиит» (ibid., ст. VII); 12) «Дружеская песня» (ibid., ст. VIII); 13) эпиграммы – 4 (одна Дмитриева) (ibid., ст. IX); 14) басня «Неравен путь к возвышению» (кн. VI, ст. X); 15) «Сон» (ibid., ст. XIV); 16) басня «Зазнавшаяся мартышка» (кн. VII, ст. IV); 17) «Хор на аллегорическое изображение России садом» (ibid., ст. XVI); 18) «Стихи к самому себе» (ibid., ст. XVII); 19) «На отъезд любовницы» (ibid., ст. XVIII); 20) басня «Заслуги свои часто измеряем несправедливо» (кн. VII, ст. VII); 21) «Слава» (кн. IX, ст. I); 22) эпиграммы – 3 (кн. IX, ст. III); 23) «На сочинения Финтакова», эпиграмма (ibid., ст. VII); 24) «Ее величеству Екатерине II» (кн. X, ст. I); 25) мадригал (ibid., ст. III) 26) «Стихи, присланные из Владимира» (ibid., ст. XVI); 27) эпитафия, присланная из

Владимира (Р. И. Воронцову, отцу княгини Дашковой, *ibid.*, ст. XVII); 28) «Притча» (кн. XI, ст. XII); 29) «Преобразование форели» (*ibid.*, ст. VIII); 30) «Счастье» (*ibid.*, ст. XII); 31) «Беседа первая» (*ibid.*, ст. XIII) и 32) вторая (кн. XIII, ст. III); 33) идиллия «Феб, Палемон и Дафнис» (кн. XI, ст. XV); 34) «Эпиграмма на Глупонова» (*ibid.*, ст. XVIII); 35) «К шатру моему» (кн. XII, ст. III); 36) «Стихи на разлуку» (*ibid.*, ст. IV); 37) эпиграмма (*ibid.*, ст. VI); 38) «Надгробная же-не от ее мужа» (*ibid.*, ст. VIII); 39) эпиграмма (*ibid.*, ст. IX); 40) «Старое и новое время» (кн. XIII, ст. V); 41) «Эпитафия мудрецу» (кн. XV, ст. III); 42) мадригал (*ibid.*, ст. VII); 43) «Весна» (кн. XVI, ст. II); 44) «Подражание французским стихам на заданные рифмы» (*ibid.*, ст. VI); 45) «Сновидение», сказка (*ibid.*, ст. IX); 46) эпиграмма (*ibid.*, ст. XI).

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1856, № 8, отд. II, с. 33–84 и № 9, отд. II, с. 23–66; подпись – Лайбов (псевдоним образован из последних слогов имени и фамилии Добролюбова); с незначительными редакционными поправками (см. письмо к Н. П. Турчанинову от 1 августа 1856 г. – IX, 249). Вошло в изд. 1862 г.

Статья написана на материале несохранившейся студенческой работы Добролюбова, выполненной на третьем курсе Главного педагогического института. Послужила поводом для знакомства с Н. Г. Чернышевским и положила начало постоянному сотрудничеству Добролюбова в «Современнике» (см. Чернышевский, I, 755–757). С этой статьей Добролюбов вошел в русскую литературу и заявил себя в ней как крупная самостоятельная величина. По словам И. И. Панаева, статья «обратила на себя всеобщее внимание... «Скажите, кто писал эту статью?» – слышались беспре-

станные вопросы» (*Совр.*, 1861, № 11, отд. II, с. 72). С таким вопросом обращался к Панаеву, в частности, И. С. Тургенева «Статья Лайбова весьма дельна (кто этот Лайбов?)...» (письмо от 10 ноября 1856 г.). То же самое Тургенев выяснял у В. П. Боткина (письмо от 6 ноября 1856 г.).

Большой общественный резонанс статьи, посвященной такой «академической» теме, как журнал XVIII в., объясняется тем, что Добролюбов сумел придать ей серьезный современный интерес, не выходя при этом за рамки материала и не насилуя его. Рассматривая содержание журнала, критик большое внимание, уделяет произведениям Екатерины II. Он показывает, что сотрудничество императрицы в «Собеседнике» было подчинено задаче формирования общественного сознания в нужном для нее направлении. Если своими «Записками касательно российской истории», в которых «на все темные явления русской жизни» – в особенности на «неправедные деяния князей» – наброшен «какой-то светлый, даже отрадный колорит», Екатерина II старалась искоренить самую мысль о возможности

порицания мопарха и давала эталон отношения к прошлому, то ее сознательно, принципиально поверхностная сатира показывала пример «благонамеренного» отношения к настоящему, к общественным проблемам. Произведениям императрицы в статье противопоставлена «бескорыстная сатира» Е. Р. Дашковой, произведения Д. И. Фонвизина и некоторых других авторов «Собеседника». На материале этих произведений Добролюбов рисует широкую картину общественных нравов второй половины XVIII в., на фоне которой охранительная тенденция сочинений Екатерины II выступает еще более отчетливо. Статья наносила чувствительный удар по только общепризнанному авторитету «великой государыни», но и официальной идеологии вообще, показывая ее корыстно-недостоверный характер, неспособность отражать потребности общественного развития.

В защиту Екатерины II выступили «Отечественные записки» с редакционной заметкой в отдел: «Литературные и журнальные заметки», в которой бездоказательно говорилось о несерьезности работы Добролюбова, и ста-

тъей А. Д. Галахова «Были и небылицы, сочинение императрицы Екатерины II» (1856, № 10), представлявшей собой апологию Екатерины. Переведя разговор с характеристики произведений императрицы на общую оценку ее деятельности, Галахов затруднил для Добролюбова возможность ответа в подцензурной печати. Но критик все-таки сумел это сделать, не только не уступив своих позиций, но и еще раз подчеркнув их: настаивая на своей характеристике «Былей и небылиц» и одновременно соглашаясь с утверждением своего оппонента о неизменности убеждений Екатерины II, Добролюбов тем самым как бы распространил оценку этого произведения и на ее государственную деятельность. Ответ Добролюбова Галахову вошел в раздел «Заметки о журналах», написанный Чернышевским (*Совр.*, 1856, № 11, отд. V, с. 169–176). Галахов продолжал полемику в статье «Неудачная апология в «Современнике» (ОЗ 1856, № 12), в которой, возражая Добролюбову, повторил свои прежние аргументы. Добролюбов воздержался от ответа.

Сноски

1

Разумею здесь большинство случаев, из которых с прошедшего года начали появляться приятные исключения{61}.

[^^^]

2

См. «Библиографические заметки» в конце статьи. – *Ред.*

[^^^]

3

См. «Об учреждении Российской академии» в первом томе «Сочинений и переводов Российской академии», 1805 года.

[^^^]

4

«Соб.», ч. I, стр. 160.

[^^^]

5

См. «Совр.», 1845, № 1, стр. 29.

[^^^]

6

«Соб.», ч. II, стр. 103.

[^^^]

7

«Соб.», ч. III, стр. 167.

[^^^]

8

«Соб.», ч. VII, стр. 117.

[^^^]

9

«Соб.», ч. XVI, стр. 3–11.

[^^^]

10

«Новые ежемесячные сочинения», 1786, том I, предисловие, стр. 1–2.

[^^^]

11

По когтям льва (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

12

«Соб.», ч. XVI, стр. 9.

[^^^]

13

«Соб.», ч. III, стр. 158.

[^^^]

14

Ibid., стр. 94.

[^^^]

15

«Соб.», ч. IV, стр. 64.

[^^^]

16

«Соб.», ч. I, стр. 104–105.

[^^^]

17

«Соб.», ч. II, стр. 75–76.

[^^^]

18

«Соб.», ч. II, стр. 91.

[^^^]

19

Ibid., стр. 81.

[^^^]

20

Ibid.

[^^^]

21

«Соб.», ч. III, стр. 52.

[^^^]

22

Ibid., стр. 59–60.

[^^^]

23

Ibid., стр. 59.

[^^^]

24

Ibid., стр. 84–85.

[^^^]

25

«Соб.», ч. III, стр. 86.

[^^^]

26

См. статью его в «Архиве», стр. 53.

[^^^]

27

«Соб.», ч. III, стр. 94.

[^^^]

28

Ibid., стр. 102.

[^^^]

29

Ibid., стр. 108.

[^^^]

30

«Соб.», ч. IV, стр. 36.

[^^^]

31

Ibid., стр. 37.

[^^^]

32

Ibid., стр. 41.

[^^^]

33

Ibid., стр. 51.

[^^^]

34

Ibid., стр. 57.

[^^^]

35

Ibid., стр. 58.

[^^^]

36

Ibid., стр 60.

[^^^]

37

«Соб.», ч. IV, стр. 64.

[^^^]

38

Ibid., стр. 68.

[^^^]

Ibid., стр. 66.

[^^^]

Ibid., стр. 74–75.

[^^^]

Ibid., стр. 96.

[^^^]

42

«Соб.», ч. V, стр. 42.

[^^^]

43

Ibid., стр. 94.

[^^^]

44

Ibid., стр. 47.

[^^^]

45

Ibid., стр. 109.

[^^^]

46

«Соб.», ч. VI, стр. 27, о Мономахе; ч. VII, стр. 85, об Олеговичах, и др.

[^^^]

47

«Соб.», ч. V, стр. 8.

[^^^]

48

«Соб.», ч. V, стр. 84–85.

[^^^]

49

Ibid., стр. 89.

[^^^]

50

Ibid., стр. 86.

[^^^]

51

Ibid., стр. 116.

[^^^]

52

Соловьева, ч. II, прим. 65.

[^^^]

53

«Соб.», ч. V, стр. 110.

[^^^]

54

«Соб.», ч. V, стр. 123–124.

[^^^]

55

«Соб.», ч. VI, стр. 28.

[^^^]

56

Ibid., стр. 34.

[^^^]

57

Ibid., стр. 41.

[^^^]

58

Ibid., стр. 51.

[^^^]

59

Ibid., стр. 63.

[^^^]

60

«Соб.», ч. VII, стр. 88.

[^^^]

61

«Соб.», ч. VIII.

[^^^]

62

«Соб.», ч. VIII, стр. 67

[^^^]

63

Ibid., стр. 81.

[^^^]

64

Ibid., стр. 111.

[^^^]

65

«Соб.», ч. IX, стр. 68.

[^^^]

66

«Соб.», ч. IX, стр. 92.

[^^^]

67

«Соб.», ч. X, стр. 43.

[^^^]

68

«Соб.», ч. X, XI.

[^^^]

69

«Соб.», ч. XI, стр. 57.

[^^^]

70

«Соб.», ч. XII, стр. 23.

[^^^]

71

«Соб.», ч. XII, стр. 53.

[^^^]

72

«Соб.». ч. XIV, стр. 119–126; ч. XV, стр. 44–54.

[^^^]

73

«Соб.», ч. XIV, стр. 126–140.

[^^^]

74

«Соб.», ч. XV, стр. 54–86.

[^^^]

75

Ibid., стр. 35–43.

[^^^]

76

Ibid., стр. 86–96.

[^^^]

77

«Соб.», ч. VII, стр. 164.

[^^^]

78

Ibid., стр. 177.

[^^^]

79

«Соб.», ч. VIII, стр. 108–169.

[^^^]

80

Ibid., стр. 172–173.

[^^^]

81

«Соб.», ч. VIII, стр. 158.

[^^^]

82

Ibid., стр. 159.

[^^^]

83

Ibid., стр. 160.

[^^^]

84

«Соб.», ч. VI, стр. 145–146.

[^^^]

85

«Соб.», ч. II, стр. 128.

[^^^]

86

«Соб.», ч. VII, стр. 166.

[^^^]

87

Ibid., стр. 180.

[^^^]

88

«Соб.», ч. III, стр. 140.

[^^^]

89

«Соб.», ч. VI, стр. 178.

[^^^]

90

«Соб.», ч. VI, ст. XV; ч. XV, ст. VII, и др.

[^^^]

91

«Соб.», ч. II, ст. XX.

[^^^]

92

«Соб.», ч. VIII, стр. 175.

[^^^]

93

«Соб.», ч. II, стр. 157.

[^^^]

94

Которая мыслит как великий человек и разрешает мыслить другим (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

95

«Соб.», ч. V, стр. 140.

[^^^]

96

«Соб.», ч. III, стр. 162–166.

[^^^]

97

«Соб.», ч. V, стр. 145–148.

[^^^]

98

«Соб.», ч. V, стр. 151.

[^^^]

99

«Соб.», ч. IV, стр. 168.

[^^^]

100

«Соб.», ч. VIII, ст. VI.

[^^^]

101

«Соб.», ч. VIII, стр. 40.

[^^^]

102

«Соб.», ч. III, стр. 160.

[^^^]

103

«Соб.», ч. I, ст. III.

[^^^]

104

Ibid., ст. VI.

[^^^]

105

«Соб.», ч. III, ст. III.

[^^^]

106

Ibid., ст. XIV.

[^^^]

107

«Соб.», ч. IX, ст. VII.

[^^^]

108

«Соб.», ч. XI, ст. IX.

[^^^]

109

«Соб.», ч. XII, ст. V; ч. XIV, ст. X.

[^^^]

110

«Соб.», ч. XVI, ст. III.

[^^^]

111

«Соб.», ч. II, ст. II.

[^^^]

112

«Соб.», ч. X, ст. IV.

[^^^]

113

«Соб.», ч. V, стр. 156–161.

[^^^]

114

См. «Москвитянин», 1842, № 1, стр. 101–104.

[^^^]

115

Марк Аврелий.

[^^^]

116

«Соб.», ч. I, стр. 45–24.

[^^^]

117

«Соб.», ч. III, стр. 42.

[^^^]

118

«Соб.», ч. III, стр. 45.

[^^^]

119

Ibid., стр. 146.

[^^^]

120

Ibid.

[^^^]

121

Epitre de Voltaire a Catherine II (Послание Вольтера к Екатерине II – *фр.* («Соб.», ч. III, стр. 154)).

[^^^]

122

«Соб.», ч. III, стр. 149.

[^^^]

123

«Соб.», ч. XIII, ст. IV.

[^^^]

124

Ibid., стр. 38–39.

[^^^]

125

«Соб.», ч. XI, ст. V.

[^^^]

126

«Соб.», ч. V, стр. 146.

[^^^]

127

«Соб.», ч. XI, стр. 126.

[^^^]

128

Ibid.

[^^^]

129

«Соб.», ч. IV, стр. 125.

[^^^]

130

«Соб.», ч. XIII, стр. 29–31.

[^^^]

131

«Соб.», ч. IV, стр. 129 («Повествование глухого и немого»).

[^^^]

132

«Соб.», ч. V, стр. 162.

[^^^]

133

«Соб.», ч. XII, стр. 19 («Картины моей родни»).

[^^^]

134

«Соб.», ч. II, стр. 54.

[^^^]

135

Ibid., стр. 64.

[^^^]

136

«Соб.», ч. IX, стр. 10.

[^^^]

137

«Соб.», ч. V, стр. 166.

[^^^]

138

«Соб.», ч. IV, стр. 116.

[^^^]

139

«Соб.», ч. IV, стр. 129.

[^^^]

140

«Соб.», ч. XIV, стр. 164, 166.

[^^^]

141

«Соб.», ч. XII, стр. 22.

[^^^]

142

«Соб.», ч. I, стр. 49–52.

[^^^]

143

«Соб.», ч. XI, ст. IX.

[^^^]

144

Ibid., стр. 127–129.

[^^^]

145

«Соб.», ч. XIII, стр. 130–135.

[^^^]

146

«Соб.», ч. IV, стр. 124.

[^^^]

147

«Соб.», ч. III, стр. 38.

[^^^]

148

Я очень признательна (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

149

Предрассудок (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

150

«Соб.», ч. III, стр. 31.

[^^^]

151

«Соб.», ч. I, стр. 84, 85.

[^^^]

152

Это хороший тон (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

153

«Соб.», ч. II, стр. 20.

[^^^]

154

«Соб.», ч. I, ст. XVI.

[^^^]

155

«Соб.», ч. VIII, ст. XII.

[^^^]

156

«Соб.», ч. VI, ст. XV.

[^^^]

157

«Соб.». ч. XI, ст. XVII.

[^^^]

158

«Соб.», ч. II, стр. 150–154; ч. V, стр. 142–145; ч. VII, стр. 130–133.

[^^^]

159

«Соб.», ч. I, ст. V.

[^^^]

160

«Соб.», ч. XIII, стр. 23.

[^^^]

161

«Соб.», ч. IV, стр. 174.

[^^^]

162

«Соб.». ч. II, стр. 16.

[^^^]

163

Развлечения (*фр.*; идиоматический оборот, буквально: здоровьице). – *Ред.*

[^^^]

164

«Соб.», ч. I, ст. XVI.

[^^^]

165

«Соб.», ч. XIII, стр. 19–22.

[^^^]

166

«Соб.», ч. XV, ст. VI.

[^^^]

167

«Соб.», ч. VI. ст. XV.

[^^^]

168

«Соб.», ч. IX, ст. VII.

[^^^]

169

Ibid., ст. III.

[^^^]

170

«Соб.». ч. XI, стр. 24.

[^^^]

171

«Соб.», ч. VI, стр. 172.

[^^^]

172

«Соб.», ч. II, ст. II.

[^^^]

173

«Соб.», ч. III, ст. XVIII.

[^^^]

174

«Соб.», ч. XI, ст. IX.

[^^^]

175

«Соб.», ч. XIII, стр. 37.

[^^^]

176

«Соб.», ч. I, ст. XX.

[^^^]

177

«Соб.», ч. II, стр. 18.

[^^^]

178

«Соб.», ч. III, стр. 175, 183.

[^^^]

179

«Соб.», ч. XI, стр. 157.

[^^^]

180

«Соб.», ч. III, стр. 115 («Модное остроумие»){62}

[^^^]

181

«Соб.». ч. XIII, стр. 23, 25.

[^^^]

182

«Соб.», ч. III, стр. 143, 145; ч. VI, стр. 183.

[^^^]

183

«Соб.», ч. IV, стр. 129.

[^^^]

184

«Соб.», ч. XII, стр. 20.

[^^^]

185

«Соб.», ч. IX, стр. 242–246.

[^^^]

186

«Соб.», ч. IV, стр. 130.

[^^^]

187

«Соб.», ч. IX, стр. 245.

[^^^]

188

«Соб.», ч. I, стр. 75.

[^^^]

189

«Соб.», ч. XVI, ст. X.

[^^^]

190

«Соб.», ч. II, ст. XI.

[^^^]

191

«Соб.», ч. VII, ст. XV.

[^^^]

192

Ibid., ст. XIX.

[^^^]

193

«Соб.», ч. IX, стр. 12–13.

[^^^]

194

«Соб.», ч. XI, стр. 173.

[^^^]

195

«Соб.», ч. III, стр. 152.

[^^^]

196

«Соб.», ч. X, ст, X.

[^^^]

197

«Соб.», ч. II, стр. 103.

[^^^]

198

«Соб.», ч. VII, стр. 137.

[^^^]

199

«Соб.», ч. VII, ст. XV.

[^^^]

200

«Соб.», ч. IV, стр. 13.

[^^^]

201

«Соб.», ч. VIII, ст. IV.

[^^^]

202

Ibid., ст. X.

[^^^]

203

«Соб.», ч. XVI, ст. XII.

[^^^]

204

«Соб.», ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. XII; ч. X, ст. VIII.

[^^^]

205

«Соб.», ч. III, ст. XI.

[^^^]

206

«Соб.», ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, ст. III; ч. VIII, ст. II.

[^^^]

207

«Соб.», ч. XIII, ст. II.

[^^^]

208

«Соб.», ч. XIII, стр. 10.

[^^^]

209

«Соб.», ч. II, ст. IV; ч. VI, ст. II; ч. X, ст. II.

[^^^]

210

«Соб.», ч. XIII, ст. X; ч. XIV, ст. II; ч. XV, ст. II; ч. XVI; ст. VII.

[^^^]

211

«Соб.», ч. XII, ст. X.

[^^^]

212

«Соб.», ч. X, стр. 125.

[^^^]

213

«Соб.», ч. IV, стр. 135.

[^^^]

214

«Соб.». ч. VII, стр. 13.

[^^^]

215

«Соб.», ч. I, ст. XIV.

[^^^]

216

«Соб.», ч. VII, ст. XIV.

[^^^]

217

«Соб.», ч. VIII, ст. I.

[^^^]

218

«Соб.», ч. VI, ст. VI.

[^^^]

219

Ibid., ст. VII.

[^^^]

220

«Соб.», ч. XIII, ст. XI.

[^^^]

221

«Соб.», ч. XVI, ст. IX.

[^^^]

222

«Соб.», ч. VIII, стр. 7.

[^^^]

224

«Соб.», ч. XIII, стр. 171.

[^^^]

225

«Соб.», ч. III, ст. VII.

[^^^]

226

«Соб.», ч. V, ст. I.

[^^^]

227

«Соб.», ч. X, ст. V.

[^^^]

228

«Соб.», ч. I, ст. XIII.

[^^^]

229

«Соб.», ч. VI, стр. 22.

[^^^]

230

«Соб.», ч. IX, ст. IV.

[^^^]

231

«Соб.», ч. XI, ст. I.

[^^^]

232

«Соб.», ч. VII.

[^^^]

233

«Соб.», ч. VIII

[^^^]

234

«Соб.», ч. XI.

[^^^]

235

«Соб.», ч. XIV.

[^^^]

236

«Соб.», ч. VII, стр. 122.

[^^^]

237

«Соб.», ч. III, ст. X.

[^^^]

238

«Соб.», ч. XIII, ст. V.

[^^^]

239

«Соб.», ч. II, ст. VI.

[^^^]

240

«Соб.», ч. XV, ст. V.

[^^^]

241

«Соб.», ч. XII, ст. VIII.

[^^^]

242

Смертный (*фр.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Добролюбов в своей характеристике русской критики 40-х гг. соединил черты двух разных периодов в ее развитии: 1830-х и 1840-х гг. Философский элемент был особенно силен в русской критике 1830-х гг., испытавшей в то время значительное влияние философско-эстетических идей Шеллинга (Д. В. Веневитинов, С. П. Шевырев, Н. И. Надеждин, И. В. Киреевский, В. Ф. Одоевский и др.), а затем Гегеля (М. А. Бакунин, В. П. Боткин, М. Н. Катков, молодой Белинский). В 1840-е гг. не в ущерб «эстетическим и философским началам» русская критика, прежде всего в творчестве Белинского, переживает плодотворный процесс сближения с общественной жизнью.

[^^^]

2

«Поденщина, или Ежедневные издания» (1769, издатель и автор – В. В. Тузов), «Мешенина катоноскарроническая» (1773, издатель и автор – Кунц), «Пустомеля» (1770, издатель – Н. И. Новиков) – сатирические журналы.

[^^^]

3

Журнал «Всякая всячина» (1769–1770) издавал Г. В. Козицкий под наблюдением Екатерины II, «И то и се» (1769) – М. Д. Чулков, «Ни то ни се» (1769) – В. Г. Рубан и С. Башилов, «Полезное с приятным» (1769) – И. Ф. Румянцев и И. А. де Тейльс, «Смесь» (1769) – Л. И. Сичкарев.

[^^^]

Добролюбов ошибочно приписывает журнал «Вечера» (1772–1773) П. И. Новикову. Хотя журнал выходил анонимно, в литературе сложилось мнение, что он издавался М. М. Херасковым и кружком близких к нему литераторов (см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М. – Л., 1952, с. 291),

Добролюбова, видимо, ввел в заблуждение тот факт, что упоминаемое ниже второе издание «Вечеров» (1788) вышло в типографии Новикова.

[^^^]

5

Среди журналов Н. И. Новикова наибольшей социальной остротой отличались журналы петербургского периода его жизни – особенно «Трутень» (1770) и «Живописец» (1772–1773). В московский период (с 1779 г.) в его журналистике преобладали религиозно-философские мотивы.

[^^^]

6

Второе издание «Живописца» вышло в 1773 г., третье – в 1775. Третье издание, так же как четвертое (1781) и пятое (1793), представляло собой сборник избранных статей из «Живописца» и «Трутня».

[^^^]

7

Журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755–1764) издавался Академией наук под редакцией Г. Ф. Миллера.

[^^^]

8

Журнал «Зеркало света» (1786–1787) издавался Ф. О. Туманским совместно с И. Ф. Богдановичем (до мая 1786 г.).

[^^^]

«Сын отечества» (см. примеч. 1 к статье (Письмо к Н. И. Гречу» закрылся за отсутствием подписчиков в 1852 г. «Телеграф» – «Московский телеграф» (1825–1834; издатель – Н. А. Полевой) – передовой журнал, закрытый за опубликование отрицательной рецензии на драму Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Предположение Добролюбова, что причиной прекращения «Санкт-Петербургского вестника», как и «Московского телеграфа», были правительственные преследования, подкрепляется некоторыми косвенными данными (см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 353–354).

[^^^]

10

Неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Изображение Фелицы» (1789).

[^^^]

11

«Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание» Д. И. Фонвизина было опубликовано вместе с ответами на них автора «Былей и небылиц».

[^^^]

12

Любослов – псевдоним, приписываемый разным лицам; по последним предположениям, он принадлежал епископу Дамаскину (Д. Семенову-Рудневу) – см. статью Н. Д. Кочетковой «Любослов – сотрудник «Собеседника любителей русского слова» в кн.: «XVIII век», сб. 5. М. – Л., 1962).

[^^^]

13

Создание Российской академии параллельно с Академией наук было вызвано тем, что последняя имела главным образом естественно-научное направление. В 1841 г. Российская академия влилась в Академию наук в качестве ее второго отделения.

[^^^]

14

Речь Е. Р. Дашковой, «говоренная при открытии императорской Российской академии...», которую далее цитирует Добролюбов, была опубликована в «Московских ведомостях» (1783, № 87), а также в журнале «Друг просвещения» (1806, № 3). В извлечениях напечатана в кн.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1983, с. 82–83.

[^^^]

15

Причины закрытия журнала остаются неизвестными. Возможно, на прекращение издания журнала повлияло обострение отношений между Е. Р. Дашковой и Екатериной II, в результате которого императрица отказалась сотрудничать в «Собеседнике» (см.: Грот Я. К. Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» княгини Дашковой. – В его кн.: Труды, т. 4, СПб., 1901).

[^^^]

16

М. И. Сухомлинов в «Истории Российской академии» приводит документальное свидетельство, что криптонимом «М. Х.» подписывался в «Собеседнике» именно М. М. Херасков (вып. 6. СПб., 1882, с. 344–346).

[^^^]

17

В «Московском журнале» (1791–1792) Н. М. Карамзина в отличие от других журналов XVIII в. материал был сгруппирован по жанрам (поэзия, проза, критика и библиография, театральная критика), но специально обозначенных отделов не было. Они впервые появились в другом журнале Н. М. Карамзина – «Вестнике Европы» (1802–1803).

[^^^]

18

Сведения о работе Екатерины II над «Записками касательно российской истории» собраны во вступительной статье и примечаниях А. Н. Пыпина ко 2-му тому «Сочинений императрицы Екатерины II» (СПб., 1906).

[^^^]

19

Речь идет о книге А. В. Старчевского «Очерк литературы русской истории до Карамзина» (СПб., 1845) и статье С. М. Соловьева «Писатели русской истории XVIII века» («Архив... изд. Н. Калачовым», кн. II, пол. 1. М., 1855).

[^^^]

20

Замечания на «Записки касательно российской истории» были сделаны в труде И. Г. Стриттера (правильнее: Штриттер) «История Государства российского» (т. 1–3. СПб., 1800–1802), который Екатерина II читала в рукописи.

[^^^]

21

«История российская с самых древнейших времен» (кн. 1–5. М., 1768–1848) В. Н. Татищева – первый научный труд по истории России, обобщивший сведения многочисленных русских и иностранных источников.

[^^^]

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен, т. 1–7. СПб., 1770–1791.

[^^^]

Здесь и далее Добролюбов не только выявляет искажение Екатериной II сообщений летописи, но и оттеняет монархический концепцию истории, положенную в основание ее «Записок». Так, если в данном случае в «Повести временных лет» говорится о «призвании» варяжских князей по общему решению, то у Екатерины речь идет о «законной» передаче власти одним правителем (Гостомыслом) другому.

[^^^]

24

В действительности славянская азбука возникла в IX в. н. э.

«Сказаниями Нестора» Екатерина II называет «Повесть временных лет» – первый общерусский летописный свод, составленный в начале XII в. (несохранившиеся русские письменные источники его восходят к XI в.).

[^^^]

25

Добролюбов указывает здесь на искажение и замалчивание Екатериной II сообщений летописи, которые могли повредить «репутации» князя Владимира Святославича – крестителя Руси: фактов его жестокости и разврата (по рассказу летописи, князь, имевший пять жен и сотни наложниц, «бе несyt блуда, приводя к себе мужьски жены и девице растьяля»), а также сообщений, рисующих насильственный характер введения христианства на Руси.

[^^^]

26

Добролюбов имеет в виду помощь, которую оказали новгородцы Ярославу Мудрому в борьбе с его братом Святополком Окаянным, несмотря на то что накануне Ярослав заманил к себе на пир «нарочитых мужей» новгородских и перебил их.

[^^^]

27

Пользовавшийся народными симпатиями полоцкий князь Всеслав был освобожден из тюрьмы, куда его заключил киевский князь Изяслав, во время восстания в Киеве в 1068 г. и провозглашен восставшими киевским князем вместо бежавшего Изяслава.

[^^^]

К моменту написания статьи вышли первые пять (из 29) томов «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева, Рукопись статьи содержала «насмешку над Соловьевым», снятую редакцией «Современника» (см.: IX, 249). Впоследствии отношение Добролюбова к историку стало более благоприятным, о чем говорит рецензия на его «Учебную книгу русской истории» (вып. I–II. М., 1859; см.: V, 166–168).

[^^^]

Добролюбов противопоставляет далее произведения наиболее радикальных представителей русского и европейского просветительства хвалебным одам в честь Екатерины II. В XVIII в. в России было переведено около 480 статей из «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (т. 1–35, 1751–1780) (см.: Штранге М. М. «Энциклопедия» Дидро и ее русские переводчики. – В кн.: Французский ежегодник. 1959. М., 1961, с. 76–88), а также важнейшие произведения французских просветителей, в том числе упоминаемые Добролюбовым роман Ж. Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762, неполный русский перевод – 1779) и поэма Вольтера «О гибели Лиссабона» (1756, русский перевод – 1763).

[^^^]

Вместо фамилии А. Н. Радищева в тексте «Современника» было «Р ***». До 1905 г. «Путешествие из Петербурга в Москву» находилось под запретом. Первое издание его было почти полностью уничтожено, в XIX в. распространялось в списках.

[^^^]

Г. Р. Державин за «Оду к Фелице» (1782) получил от Екатерины II золотую табакерку с деньгами и был назначен олонекским губернатором. В. П. Петров за оду «На карусель» (1766), посвященную торжествам по поводу коронации Екатерины II, также получил в награду золотую табакерку и был введен императрицей в свое ближайшее окружение (с 1768 г. – личный чтец Екатерины и переводчик при Кабинете Ее Величества). Е. И. Костров, будучи официальным стихотворцем Московского университета, сочинял оды на раз-

ные торжественные случаи, за что не раз получал подарки от Екатерины II.

[^^^]

32

Из оды Вольтера «Императрице России Екатерине II» (1771).

[^^^]

33

Имеется в виду книга П. А. Вяземского «Фонвизин» (СПб., 1848).

[^^^]

Сатира «Общества незнающих ежедневная записка», высмеивающая заседания Российской академии, отразила нарастающее раздражение Екатерины II против Е. Р. Дашковой (см. об этом примеч. 16, а также кн.: Лозинская Л. Я. Во главе двух академий, с. 84, 92–93).

[^^^]

Из перечисленных статей несомненно Е. Р. Дашковой принадлежат: стихотворная подпись к портрету Екатерины II, «Послание к слову «так», статья «О смысле слова «воспитание» (ответ звенигородскому корреспонденту)», которую Добролюбов ниже называет «О воспитании». Статья «Нечто из английского Зрителя», как считает Ю. Д. Левин (см. его статью «Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века» в кн.: Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, с.

59), написана В. П. Световым, которому принадлежит и ряд других публикаций «Собеседника» (в том числе подписанные криптонимом «В. С.» – они перечислены в «Библиографических заметках» Добролюбова под № 38).

[^^^]

36

Точное название историко-филологических сборников, издававшихся Московским университетом, – «Опыт трудов вольного российского собрания» (1774–1783).

[^^^]

37

Автор идиллии «Вечер 1780 года ноября 8-го» – Н. А. Львов (см.: Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. – В кн.: Известия Академии наук СССР, серия VI, т. XXI. Л. 1927, с. 715–716; здесь же – предположения о принадлежности Львову других публикаций «Собеседника»).

[^^^]

38

Персонажи повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845).

[^^^]

39

Письмо к В. В. Капнисту от имени издателей «Собеседника» было написано О. П. Козодавлевым (см.: Сухомлинов М. И. История Российской академии, вып. 6. СПб., 1882, с. 340–341).

[^^^]

40

Автором письма был граф С. П. Румянцев (см.: Русский архив, 1869, № 4, с. 850).

[^^^]

41

Об этом Н. М. Карамзин писал в «Вестнике Европы» (1802, № 14) в статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (см.: Карамзин Н. М. Соч. в 2-х томах, т. 2. Л., 1984, с. 122).

[^^^]

42

Имеются в виду герои (Костанжогло, Уленька и др.) второго тома «Мертвых душ» Н. В. Гоголя.

[^^^]

43

Статья принадлежит П. С. Батурину (см. публикацию Б. Л. Модзалевского «Записки П. С. Батурина». – Голос минувшего, 1918, № 1–2, с. 65).

[^^^]

44

Автор письма – Екатерина П.

[^^^]

45

Речь идет о «Поучении, говоренном в Духов день иереем Василием», помещенном в ч. VII «Собеседника».

[^^^]

46

Имеется в виду ода Г. Р. Державина «Бог» (1784).

[^^^]

47

М. С. – М. В. Сушкова (см.: Лонгинов М. Н. Библиографические записки. – В его кн.: Сочинения, т. 1. М., 1915, с. 161–162).

[^^^]

48

Т. е. поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771).

[^^^]

В «Опыте краткой истории русской литературы» (СПб., 1822, с. 192) Н. И. Греча – первой книге по истории литературы в России.

[^^^]

«Записки» Е. Р. Дашковой (*Mon histoire*; 1804–1806; на франц. языке) были впервые опубликованы в 1840 г. в Лондоне на английском языке (с неточностями). Это издание, видимо, и имеет в виду Добролюбов, говоря о полном тексте «Записок», так как все другие издания появились после выхода в свет статьи. Впервые полностью на русском языке «Записки» Дашковой были изданы А. И. Герценом (Лондон, 1859). Подробно историю издания «Записок» см. в кн.: Дашкова Екатерина. Записки. 1743–1810. М., 1985, с. 269–270.

[^^^]

«Записки разнощика» принадлежат Е. Р. Дашковой. Однако Добролюбов не случайно приписал Екатерине II это произведение, по поводу которого императрица писала Дашковой: «Читая статью разнощика, я готова была побожиться, что она вышла из-под моего пера, так она кажется верным сколком моих приемов писать» (Пекарский П. П. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. – В кн.: Записки имп. Академии наук, т. 3, прил. № 6. СПб., 1863, с. 32–33).

[^^^]

Имеются в виду: Ф. Я. Козельский, Н. П. Николаев, И. Владыкин, А. И. Фрязиновский, А. О. Аблесимов, А. С. Хвостов, М. И. Веревкин, Я. Кантаровский (см.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 352).

[^^^]

Статья «О системе мира», излагающая учение Коперника, по-видимому, принадлежала академику С. Я. Румовскому (см.: Сухомлинов М. И. История Российской академии, вып. 2, СПб., 1875, с. 101).

[^^^]

54

«Русскую историю...» (т. 1–3. СПб., 1767–1769) Ф. А. Эмина, написанную по заказу Екатерины II, и «Опыт повествования о России» (ч. I. М., 1803) И. П. Елагина С. М. Соловьев оценивает безусловно отрицательно за приукрашивание истории и прямой вымысел.

[^^^]

55

Имеется в виду комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» и отзывы о ней Ф. В. Булгарина (Северная пчела, 1836, 30 апреля, 1 мая), О. И. Сенковского (БДЧ, 1836, т. 16) и Н. А. Полевого (РВ, 1842, № 1).

[^^^]

«Вильгельмина» – комическая поэма М. Тюммеля (перевод с нем. О. П. Козодавлева – СПб., 1783); «Сказка о царевиче Хлоре» и «О царевиче Февее» – произведения Екатерины II.

[^^^]

П. В. Анненков, предпринявший в 1855–1857 гг. издание Собрания сочинений Пушкина (см. наст. т., с. 804), в комментариях отмечал не ошибки Пушкина, а разночтения рукописей и печатных вариантов.

[^^^]

58

М. В. Ломоносову принадлежит «Российская грамматика», СПб., 1755; А. А. Барсову – «Краткие правила российской грамматики», М., 1771; академической названа «Российская грамматика, сочиненная имп. Российской академиею», СПб., 1802.

[^^^]

59

В. М. Жуков сотрудничал, кроме «Собеседника», в московском журнале «Иппокрена» (1799–1801).

[^^^]

60

Имеются в виду: «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина» (СПб., 1828–1831) В. Г. Анастасевича и «Опыт российской библиографии» (ч. 1–5. СПб., 1813–1821) В. С. Сопикова.

[^^^]

61

Вероятно, имеется в виду начало критической деятельности К. Г. Чернышевского, в частности, появление «Очерков гоголевского периода русской литературы», печатавшихся в «Современнике» с декабря 1855 г.

[^^^]

Стихотворение «Модное остроумие» (1776) принадлежит Г. Р. Державину.

[^^^]

[^^^]